

Клайв Стейплз Льюис

Просто христианство

Аннотация

«Просто христианство» раскрывает фундаментальные положения христианства, общие для всех церквей. Книга считается классикой христианской апологетики.

Клайв Стейплз Льюис

Просто христианство

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, о чем говорится в этой книге, послужило материалом для серии радиопередач, а впоследствии было опубликовано в трех отдельных частях под названием «Радиобеседы» (1942), «Христианское поведение» (1943) и «За пределами личности» (1944). В печатном варианте я сделал несколько дополнений к тому, что сказал в микрофон, но в остальном оставил текст без особых изменений. Беседа по радио не должна, по-моему, звучать как литературный очерк, прочитанный вслух, она должна быть именно беседой, исполненной искренности. Поэтому в моих беседах я использовал все сокращения и разговорные выражения, какие обычно употребляю в беседе. В печатном варианте я воспроизвел эти сокращения и разговорные обороты. И все те места, где в беседе по радио я подчеркивал значимость того или иного слова тоном голоса, в печатном варианте я выделил курсивом. Сейчас я склонен считать, что это было с моей стороны ошибкой — нежелательным гибридом искусства устной речи с искусством письма. Рассказчик должен использовать оттенки своего голоса для подчеркивания и выделения определенных мест, потому, что сам жанр беседы этого требует, но писатель не должен использовать курсив в тех же целях. Он располагает другими, своими собственными средствами и должен пользоваться этими средствами, для того чтобы выделить ключевые слова.

В этом издании я устранил сокращения и заменил все курсивы, переработав те предложения, в которых эти курсивы встречались, не повредив, надеюсь, тому «знакомому» и простому тону, который был свойствен радиобеседам. Кое-где я внес добавления или вычеркнул отдельные места; при этом я исходил из того, что первоначальный вариант, как я выяснил, был превратно понят другими, да и сам я, по-моему, стал лучше понимать предмет беседы теперь, чем понимал десять лет назад.

Хочу предупредить читателей, что я не предлагаю никакой помощи тем, кто колеблется между двумя христианскими «деноминациями». Вы не получите от меня совета, кем вы должны стать: приверженцем ли англиканской церкви или методистской, членом пресвитерианской или римской католической церкви. Этот вопрос я опустил умышленно (даже приведенный выше список я дал просто в алфавитном порядке). Я не делаю тайны из моей собственной позиции. Я совершенно обычный рядовой член церкви Англии, не слишком «высокий», не слишком «низкий», и вообще не слишком что бы то ни было. Но в этой книге я не делаю попытки переманить кого-либо на мою позицию.

С того самого момента, как я стал христианином, я всегда считал, что лучшая и, возможно, единственная услуга, какую я мог бы оказать моим неверующим ближним, — это объяснить и защитить веру, которая была общей и единой почти для всех христиан на протяжении всех времен. У меня достаточно причин для такой точки зрения.

Прежде всего, вопросы, которые разделяют христиан (на различные деноминации), часто касаются отдельных проблем высокой теологии или даже истории церкви, и эти вопросы следует оставить на рассмотрение специалистов, профессионалов. Я бы захлебнулся

в таких глубинах и скорее сам нуждался бы в помощи, чем был бы способен оказать ее другим.

Во-вторых, я думаю, мы должны признать, что дискуссии по этим спорным вопросам едва ли способны привлечь в христианскую семью человека со стороны. Обсуждая их письменно и устно, мы скорее отпугиваем его от христианского сообщества, чем привлекаем к себе. Наши расхождения во взглядах следует обсуждать лишь в присутствии тех, кто уже пришел к вере в то, что есть один Бог и что Иисус Христос — Его единственный Сын.

Наконец, у меня создалось впечатление, что гораздо больше талантливых авторов было вовлечено в обсуждение этих спорных вопросов, чем в защиту сущности христианства, или «просто» христианства, как его называет Бакстер. Та область, в которой, как я считал, я мог бы послужить с наибольшим успехом, более всего в подобной службе и нуждалась. Естественно, именно туда я и направился.

Насколько я помню, лишь к этому и сводились мои мотивы и побуждения, и я был бы очень рад, если бы люди не делали далеко идущих выводов из моего молчания по некоторым спорным вопросам.

К примеру, такое молчание вовсе не обязательно означает, что я занимаю выжидательную позицию. Хотя иногда это действительно так. У христиан порой возникают вопросы, ответов на которые, я думаю, у нас нет. Встречаются и такие, на которые я, скорее всего, никогда не получу ответа: даже если я задам их в лучшем мире, то, возможно (насколько я знаю), получу такой ответ, какой уже получил однажды другой, гораздо более великий вопрошатель: «Что тебе до этого? Следуй за Мной!» Однако существуют и другие вопросы, по которым я занимаю совершенно определенную позицию, но и по этим вопросам я храню молчание. Потому что я пишу не с целью изложить нечто, что я мог бы назвать «моей религией», а для того, чтобы разъяснить сущность христианства, которое есть то, что оно есть, пребывало таким задолго до моего рождения и не зависит от того, нравится оно мне или нет.

Некоторые люди делают необоснованные заключения из того факта, что я говорю о Благословенной Деве Марии только то, что связано с Непорочным зачатием и рождением Христа. Но причина этого очевидна. Если бы я сказал немного больше, это сразу завело бы меня в сферу крайне спорных точек зрения. Между тем ни один другой спорный вопрос в христианстве не нуждается в таком деликатном подходе, как этот. Римская католическая церковь защищает свои представления по этому вопросу не только с обычным пылом, свойственным всем искренним религиозным верованиям, но (вполне естественно) тем более горячо, что в этом проявляется рыцарская чувствительность, с какой защищает человек честь своей матери или возлюбленной от грозящей ей опасности. Очень трудно разойтись с ними в этих взглядах ровно настолько, чтобы не показаться им невеждой, а то и еретиком. И наоборот, противоположные верования протестантов по этому вопросу вызываются чувствами, которые уходят своими корнями к самим основам монотеизма. Радикальным протестантам кажется, что под угрозой ставится само различие между Творцом и творением (каким бы святым оно ни было); что вновь, таким образом, возрождается многобожие. Однако очень трудно и с ними разойтись во мнениях ровно настолько, чтобы не оказаться в их глазах чем-то похуже еретика, а именно язычником. Если существует такая тема, которая способна погубить книгу о сущности христианства, если какая-то тема может вылиться в абсолютно бесполезное чтение для тех, кто еще не поверил в то, что Сын Девы есть Бог, то это именно данная тема.

Возникает странная ситуация: из моего молчания по этим вопросам вы даже не можете сделать заключения, считаю я их важными или нет. Дело в том, что самый вопрос об их значимости тоже относится к спорным. Один из пунктов, по которому христиане расходятся во мнениях, это — важны ли их разногласия. Когда два христианина из различных деноминаций начинают спорить, вскоре, как правило, один из них спрашивает, а так ли уж важен данный вопрос; на что другой отвечает: «Важен ли? Ну конечно, он имеет самое существенное значение!»

Все это было сказано только для того, чтобы объяснить, какого рода книгу я попытался написать, а вовсе не для того, чтобы скрыть свои верования или уйти от ответственности за них. Как я уже говорил, я не держу их в секрете. Выражаясь словами дядюшки Тоби: «Они записаны в молитвеннике».

Опасность заключалась в том, что под видом христианства как такового я мог изложить нечто присущее лишь англиканской церкви или (что еще хуже) мне самому. Чтобы избежать этого, я послал первоначальный вариант того, что стало здесь книгой второй, четверым различным священнослужителям (англиканской церкви, методистской, пресвитерианской и римской католической), прося их критических отзывов. Методист решил, что я недостаточно сказал о вере, а католик — что я зашел слишком далеко в вопросе о сравнительной маловажности теорий, объясняющих искупления. В остальном мы пятеро согласились друг с другом. Другие книги я не стал подвергать подобной проверке, потому что, если бы они и вызвали расхождения во мнениях среди христиан, это были бы расхождения между отдельными индивидуумами и школами, а не между различными деноминациями.

Насколько я могу судить по этим критическим обзорам или по многочисленным письмам, полученным мною, эта книга, какой бы она ни была ошибочной в других отношениях, преуспела, по крайней мере, в одном — дать представление о христианстве общепринятом. Таким образом, эта книга, возможно, окажет определенную помощь в преодолении той точки зрения, что, если мы опустим все спорные вопросы, то нам останется лишь неопределенная и бескровная Святая Христианская Вера. На деле Святая Христианская Вера оказывается не только чем-то положительным, но и категорическим, отделенным от всех нехристианских вероисповеданий пропастью, которая не идет ни в какое сравнение даже с самыми серьезными случаями разделения внутри христианства. Если я не помог делу воссоединения прямо, то, надеюсь, ясно показал, почему мы должны объединиться. Правда, я нечасто встречался с проявлениями легендарной теологической нетерпимости со стороны убежденных членов общин, расходящихся во мнениях с моей собственной. Враждебность исходит в основном от людей, принадлежащих к промежуточным группам, в пределах как англиканской церкви, так и других деноминаций, то есть от таких, которые не очень-то считаются с мнением какой бы то ни было общины. И такое положение вещей я нашел утешительным. Потому что именно центры каждой общины, где сосредоточены истинные дети ее, по-настоящему близки друг другу — по духу, если не по доктрине. И это свидетельствует, что в центре каждой общины стоит что-то или Кто-то, Кто, вопреки всем расхождениям во мнениях, всем различиям в темпераменте, всем воспоминаниям о взаимных преследованиях, говорит одним и тем же голосом.

Это все, что касается моих умолчаний по поводу доктрины. В книге третьей, в которой речь идет о вопросах морали, я также обошел молчанием некоторые моменты, но по иным причинам. Еще с той поры, когда я служил рядовым во время первой мировой войны, я проникся антипатией к людям, которые, сидя в безопасности штабов, издавали призывы и наставления для тех, кто находился на линии фронта. В результате я не склонен много говорить об искушениях, с которыми мне самому не приходилось сталкиваться. Я полагаю, что нет такого человека, который был бы искушаем всеми грехами. Уж так случилось, что тот импульс, который делает из людей игроков, не был заложен в меня при моем сотворении; и, вне сомнений, я расплачиваюсь за это отсутствием во мне и других, полезных импульсов, которые, будучи преувеличены или искажены, толкают человека на путь азартной игры. Поэтому я не чувствую себя достаточно сведущим, чтобы давать советы относительно того, какая азартная игра позволительна, а какая — нет: если и вообще существуют позволительные азартные игры, то мне об этом просто неизвестно. Я также обошел молчанием вопрос о противозачаточных средствах. Я не женщина, я даже не женатый человек и не священник. Поэтому я не считаю себя вправе занимать решительную позицию в вопросе, связанном с болью, опасностью и издержками, от которых я сам избавлен; кроме того, я не занимаю пасторской должности, которая обязывала бы меня к этому.

Могут возникнуть и более глубокие возражения — они и были выражены — по поводу

моего понимания слова христианин, которым я обозначаю человека, разделяющего общепринятые доктрины христианства. Люди задают мне вопрос: «Кто вы такой, чтобы устанавливать, кто христианин, а кто нет?» Или: «Не могут ли многие люди, не способные поверить в эти доктрины, оказаться гораздо более истинными христианами, более близкими к духу Христа, чем те, кто в эти доктрины верит?» Это возражение в каком-то смысле очень верное, очень милосердное, очень духовное, очень чуткое. Но обладая всеми полезными свойствами, оно — бесполезно. Мы просто не можем безнаказанно пользоваться языковыми категориями так, как того хотят от нас наши оппоненты. Я постараюсь разъяснить это на примере употребления другого, гораздо менее важного слова.

Слово «джентльмен» первоначально означало нечто вполне определенное — человека, имевшего свой герб и земельную собственность. Когда вы называли кого-нибудь джентльменом, вы не говорили ему комплимент, а просто констатировали факт. Если вы говорили про кого-то, что он не джентльмен, это было не оскорблением, а простой информацией. В те времена сказать, что, к примеру, Джон — лгун и джентльмен, не было бы противоречием; по крайней мере, это не звучало бы более противоречиво, чем если бы сегодня мы сказали, что Джеймс — дурак и магистр наук. Но затем появились люди, которые сказали — сказали так верно, доброжелательно, с таким глубоким пониманием и чуткостью (и тем не менее слова их не несли полезной информации): «Но ведь для джентльмена важны не герб его и земля, а то, как он себя ведет. Конечно же, истинный джентльмен — тот, кто ведет себя, как подобает джентльмену, не так ли? А значит, Эдвард гораздо более джентльмен, чем Джон». Сказавшие так имели благородные намерения. Намного лучше быть честным, и вежливым, и храбрым, чем обладать собственным гербом. Но это не одно и то же. Хуже того, не каждый захочет с этим согласиться. Ибо слово «джентльмен» в этом новом, облагороженном смысле перестает быть информацией о человеке, и просто превращается в похвалу ему: сказать, что такой-то человек не джентльмен, — значит нанести ему оскорбление. Когда слово перестает быть средством описания, а становится лишь средством похвалы, оно не несет больше фактической информации: оно свидетельствует только об отношении говорящего. («Хорошая» еда означает лишь то, что она нравится говорящему.) Слово «джентльмен», будучи «одухотворено» и «очищено» от своего прежнего, четкого и объективного смысла, едва ли означает теперь больше, нежели то, что говорящему нравится тот, о ком идет речь. В результате слово «джентльмен» превратилось в бесполезное слово. У нас и так уже было множество слов, выражающих одобрение, так что для этой цели мы в нем не нуждались: с другой стороны, если кто-то (к примеру, в исторической работе) пожелает использовать это слово в его старом смысле, он не сможет этого сделать, не прибегнув к объяснениям, потому что слово это не годится больше для выражения своего первоначального значения.

Так что, если однажды мы позволим людям возвышать и облагораживать или, по их словам, наделять более глубоким смыслом слово «христианин», это слово тоже вскоре утратит свой смысл. Во-первых, сами христиане не смогут применить его ни к одному человеку. Не нам решать, кто, в самом глубоком значении этого слова, близок или нет к духу Христа. Мы не можем читать в человеческих сердцах. Мы не можем судить, судить нам запрещено. Было бы опасной самонадеянностью с нашей стороны утверждать, что такой-то человек является или не является христианином в глубоком смысле этого слова. Но очевидно, что слово, которое мы не можем применять, становится бесполезным. Что касается неверующих, то они, несомненно, с готовностью станут употреблять это слово в его «утонченном» смысле. В их устах оно делается просто выражением похвалы. Называя кого-то христианином, они лишь будут иметь в виду, что это хороший человек. Но такое употребление этого слова не обогатит языка, ведь у нас уже есть слово «хороший». Между тем слово «христианин» перестанет быть пригодным для выполнения той действительно полезной цели, которой оно служит сейчас.

Мы должны, таким образом, придерживаться первоначального, ясного значения этого слова. Впервые христианами стали называться «ученики» в Антиохии, то есть те, кто принял

учение апостолов (Деян. II, 26). Несомненно, так назывались лишь те, которые извлекли для себя наибольшую пользу из этого учения. Безусловно, это имя распространялось не на тех, кто колебались, принять ли им учение апостолов, а на тех, кто именно в возвышенном, духовном смысле оказался «гораздо ближе к духу Христа». Это не вопрос богословия или морали. Это лишь вопрос употребления слов таким образом, чтобы всем было ясно, о чем идет речь. Если человек, который принял доктрину христианства, ведет жизнь, недостойную ее, правильнее будет назвать его плохим христианином, чем сказать, что он не христианин.

Я надеюсь, что ни одному читателю не придет в голову, будто «сущность» христианства предлагается здесь в качестве какой-то альтернативы вероисповеданиям существующих христианских церквей — как если бы кто-то мог предпочесть ее учению конгрегационализма, или греческой православной церкви, или чему бы то ни было другому. Скорее «сущность» христианства можно сравнить с залом, из которого двери открываются в несколько комнат. Если мне удастся привести кого-нибудь в этот зал, моя цель будет достигнута. Но зажженные камин, стулья и пища находятся в комнатах, а не в зале. Этот зал — место ожидания, место, из которого можно пройти в ту или иную дверь, а не место обитания. Даже наихудшая из комнат (какая бы то ни было) больше подходит для жилья. Некоторые люди, верно, почувствуют, что для них полезнее остаться в этом зале подольше, тогда как другие почти сразу же с уверенностью выберут для себя дверь, в которую им надо постучаться. Я не знаю, от чего происходит такая разница, но я уверен в том, что Бог не задержит никого в зале ожидания дольше, чем того требуют интересы данного человека. Когда вы наконец войдете в вашу комнату, вы увидите, что долгое ожидание принесло вам определенную пользу, которой иначе вы не получили бы. Но вы должны смотреть на этот предварительный этап как на ожидание, а не как на привал. Вы должны продолжать молиться о свете; и конечно, даже пребывая в зале, вы должны начать попытки следовать правилам, общим для всего дома. И кроме того, вы должны спрашивать, какая дверь истинна, невзирая на то, какая из них нравится вам больше по своей обшивке или окраске. Выражаясь проще, вы не должны спрашивать себя: «Нравится ли мне эта служба?», но: «Правильны ли эти доктрины? Здесь ли обитает святость? Сюда ли указывает мне путь моя совесть? Происходит ли мое нежелание постучать в эту дверь от моей гордости, или просто от моего вкуса, или от моей личной неприязни к этому конкретному привратнику?»

Когда вы войдете в вашу комнату, будьте добры к тем, кто вошел в другие двери, и к тем, кто еще ожидает в зале. Если они — ваши враги, то помните, что вам приказано молиться за них. Это одно из правил, общих для всего дома.

Книга I. ДОБРО И ЗЛО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВСЕЛЕННОЙ

ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Каждый слышал, как люди ссорятся между собой. Иногда это выглядит смешно, иногда — просто неприятно; но как бы это ни выглядело, я считаю, что мы можем извлечь для себя кое-какие важные уроки, слушая, что ссорящиеся говорят друг другу. Они говорят, например, такие вещи: «Как бы вам понравилось, если бы кто-нибудь сделал то же самое вам?», «Это мое место, я его первый занял», «Оставьте его в покое, он не делает вам ничего плохого», «Почему я должен уступать тебе?», «Дай мне кусочек твоего апельсина, я давал тебе от своего», «Давай, давай, ты же обещал». Каждый день люди произносят подобное — как образованные, так и необразованные, как дети, так и взрослые.

Относительно всех этих и подобных им замечаний меня интересует лишь то, что человек, делающий их, не просто заявляет, что ему не нравится поведение другого человека. Он взывает при этом к какому-то стандарту поведения, о котором, по его мнению, знает другой человек. И тот, другой, очень редко отвечает: «К черту ваши стандарты!» Почти всегда он старается показать, что то, что он сделал, на самом деле не идет вразрез с этим

стандартом поведения, а если все-таки идет, то для этого имеются особые извинительные причины. Он делает вид, что в данном конкретном случае у него были эти особые причины, чтобы просить освободить место того, кто занял его первым, или что ему дали кусочек апельсина совсем при других обстоятельствах, или что случилось нечто непредвиденное, освобождающее его от необходимости выполнить обещание. Фактически выглядит так, что обе стороны имели в виду какого-то рода Закон или Правило честной игры, или порядочного поведения, или морали, или чего-то в этом роде, относительно, чего они оба согласны. И это действительно так. Если бы они не имели в виду этого Закона, они могли бы, конечно, драться, как дерутся животные, но не могли бы ссориться и спорить по-человечески. Ссориться — значит стараться показать, что другой человек не прав. И в этом старании не было бы смысла, если бы между вами и им не существовало какого-то рода согласия в том, что такое добро и что такое зло.

Точно так же не имело бы смысла говорить, что футбольный игрок допустил нарушение, если бы не существовало определенного соглашения по поводу правил игры в футбол.

Этот закон раньше называли «естественным», то есть законом природы. Сегодня, когда мы говорим о «законах природы», мы обычно подразумеваем такие вещи, как силы тяготения, или наследственность, или химические законы. Но когда мыслители древности называли законы добра и зла «законами природы» они подразумевали под этим «закон человеческой природы». Их идея состояла в том, что, как все физические тела подчиняются закону тяготения, как все организмы подчиняются биологическим законам, так и существо по имени человек имеет свой закон — с той великой разницей, однако, что физическое тело не может выбирать, подчиняться ли ему закону тяготения или нет, тогда как человек имеет право выбора — подчиняться ли ему закону человеческой природы или нарушать его.

Ту же идею можно выразить по-другому. Каждый человек постоянно, каждую секунду находится под действием нескольких различных законов. И среди них имеется только один, который он свободен нарушить. Будучи физическим телом, человек подвластен закону тяготения и не может пойти против него: если вы оставите человека без поддержки в воздухе, у него будет не больше свободы выбора, чем у камня, упасть на землю или не упасть. Будучи организмом, человек должен подчиняться различным биологическим законам, которые он не может нарушить по своей воле, точно так же как их не могут нарушить животные. То есть человек не может не подчиняться тем законам, которые он разделяет с другими телами и организмами. Но тот закон, который присущ только человеческой природе, и который не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, — такой закон человек может нарушить по своему выбору. Этот закон называли «естественным», потому что люди думают, что каждый человек знает его инстинктивно и поэтому никого не надо учить ему.

При этом, конечно, не имелось в виду, что время от времени нам не будут попадаться индивидуумы, которые не знали бы о нем, аналогично тому как время от времени нам встречаются дальтоники или люди, совершенно лишенные музыкального слуха. Но, рассматривая человечество в целом, люди полагали, что человеческая идея о приличном поведении очевидна для каждого. И я считаю, что они были правы. Если бы они были не правы, то все, что мы говорим о войне, например, оказалось бы лишены смысла. Какой смысл заявлять, что враг не прав, если такая вещь, как добро, не была бы реальностью? Если бы нацисты не знали в глубине своего сердца так же хорошо, как и мы с вами, что им следовало подчиняться голосу добра, если бы они не имели представления о том, что мы называем добром, то, хотя нам и пришлось бы воевать против них, мы смогли бы их винить в содеянном ими зле не более, чем в цвете их волос.

Я знаю, что, по мнению некоторых людей, закон порядочного поведения, знакомый всем нам, не имеет под собой твердого основания, потому что в разные века различные цивилизации придерживались совершенно несхожих взглядов на мораль. Но это неверно. Различия между взглядами на мораль действительно существовали, но они всегда касались лишь частных случаев.

Если кто-нибудь возьмет на себя труд сравнить учения о морали, господствовавшие, скажем, в Древнем Египте, Вавилоне, Индии, Китае, Греции и Риме, то его поразит факт, насколько эти учения были похожи друг на друга и на наше сегодняшнее понятие о нравственности. Некоторые свидетельства этого я обобщил в одной из моих книг под названием «Человек отменяется», но в данный момент я хотел бы лишь попросить читателя подумать о том, к чему бы привело совершенно различное понимание морали. Представьте себе страну, где восхищаются людьми, которые убегают с поля битвы, или где человек гордится тем, что обманул всех, кто проявил к нему неподдельную доброту. Вы с таким же успехом можете представить себе страну, где дважды два будет пять. Люди расходились во взглядах на то, по отношению к кому не следует быть эгоистичным, — только ли к членам своей семьи, или к тем, кто живет вокруг, или вообще ко всем людям. Однако они всегда были согласны в том, что не следует ставить на первое место самого себя. Эгоизм никогда и нигде не считался похвальным качеством.

Разного мнения держались люди и по тому вопросу, сколько жен следует иметь: одну или четырех. Но они всегда были согласны в том, что брать каждую понравившуюся женщину вы не имеете права.

Однако самое замечательное состоит в следующем. Когда бы вам ни встретился человек, утверждающий, что он не верит в реальность добра и зла, уже в следующий момент вы увидите, как этот же человек сам возвращается к отвергнутым им принципам. Он может нарушить обещание, данное вам, но если вы попытаетесь нарушить обещание, данное ему, то не успеете вы и слово вымолвить, как он станет жаловаться: «Это несправедливо». Представители какой-нибудь страны могут утверждать, что договоры не имеют никакого значения, но в следующую минуту они перечеркнут собственное утверждение, заявив, что договор, который они собираются нарушить, несправедлив. Однако если договоры не имеют никакого значения и если не существуют добро и зло, иными словами, если нет никакого закона человеческой природы, то какая же может быть разница между справедливыми и несправедливыми договорами? Я думаю, шила в мешке не утаишь, и, что бы они ни говорили, совершенно ясно, что они знают этот закон человеческой природы так же хорошо, как любой другой человек.

Отсюда следует, что мы вынуждены верить в подлинное существование добра и зла. Временами люди могут ошибаться в определении их, как ошибаются, скажем, при сложении чисел, но понятие о добре и зле не в большей мере зависит от чьего-то вкуса и мнения, чем таблица умножения. А теперь, если вы согласны со мной в этом пункте, мы перейдем к следующему. Он состоит в том, что никто из нас по-настоящему не следует закону природы. Если среди вас найдутся люди, являющиеся исключением, я приношу им мои извинения. Этим людям я бы посоветовал почитать какую-нибудь другую книгу, потому что все то, о чем я собираюсь говорить здесь, не имеет к ним отношения.

Итак, возвратимся к обычным человеческим существам. Я надеюсь, что вы не поймете превратно то, что я собираюсь сказать. Я здесь не проповедую, и Богу известно то, что я не пытаюсь показаться лучше других. Я просто стараюсь обратить ваше внимание на один факт, а именно на то, что в этом году, или в этом месяце, или, что еще вероятнее, сегодня мы с вами не сумели вести себя так, как хотели бы, чтоб вели себя другие люди. Для этого может быть сколько угодно объяснений и извинений.

Например, вы страшно устали, когда были так несправедливы к детям; та не совсем чистая сделка, о которой вы почти забыли, подвернулась вам в такой момент, когда у вас было особенно туго с деньгами; а то, что вы обещали сделать для такого-то старого своего приятеля (обещали и не сделали) — что ж, вы никогда не стали бы связывать себя словом, если бы знали заранее, как ужасно заняты будете в это время! Что же касается вашего поведения с женой (или мужем), сестрой (или братом), то, если бы я знал, как они способны раздражать человека, я бы не удивлялся — да и кто я такой, в конце концов? Я сам такой же. То есть мне самому не удастся как следует соблюдать естественный закон, и как только кто-нибудь начинает говорить мне, что я его не соблюдаю, в моей голове сразу же возникает

целый рой извинений и объяснений. Но в данный момент нас не интересует, насколько обоснованы все эти извинения и объяснения. Дело в том, что они лишь еще одно доказательство того, как глубоко, нравится нам это или нет, верим мы в закон человеческой природы. Если мы не верим в реальную значимость порядочного поведения, почему тогда мы так ревностно оправдываем свое не совсем порядочное поведение? Правда состоит в том, что мы верим в порядочность настолько глубоко — мы испытываем на себе такое сильное давление этого закона или правила, — что не в состоянии вынести того факта, что нарушаем его, и в результате пытаемся списать свою ответственность за нарушение на кого-то или на что-то другое.

Вы заметили, что мы подыскиваем объяснения только нашему плохому поведению? Только наше плохое поведение мы объясняем тем, что были усталыми, или обеспокоенными, или голодными. Свое хорошее поведение мы не объясняем внешними причинами: мы ставим его исключительно в заслугу себе. Итак, я хочу обратить ваше внимание на два пункта: Первое: человеческие существа во всех частях земного шара разделяют любопытную идею о том, что они должны вести себя определенным образом. Они не могут отделаться от этой идеи. Второе: в действительности, они не ведут себя таким образом. Они знают естественный закон, и они нарушают его.

На этих двух фактах основаны наше понимание самих себя и той Вселенной, в которой мы живем.

НЕКОТОРЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

Если эти два факта являются основой, то мне следует остановиться, чтобы упрочить ее, прежде чем идти дальше. Некоторые из полученных мною писем свидетельствуют, что есть немало людей, которым трудно понять, что же такое естественный закон, или нравственный закон, или правила порядочного поведения.

В этих письмах я, например, читаю: «Не является ли то, что Вы называете моральным законом, просто нашим стадным инстинктом, и не развился ли он так же, как все наши другие инстинкты?»

Что ж, не отрицаю, мы можем иметь стадный инстинкт; но это совсем не то, что я имею в виду под моральным законом. Мы все знаем, что значит чувствовать в себе побуждения инстинкта — будь то материнская любовь, или половой инстинкт, или чувство голода. Такой инстинкт означает, что вы испытываете сильное желание действовать определенным образом. И конечно, иногда мы испытываем сильное желание помочь другому человеку, и нет сомнений в том, что такое желание возникает в нас благодаря стадному инстинкту. Но почувствовать желание помочь совсем не то же самое, что чувствовать: ты должен помочь, хочешь этого или нет. Предположим, вы слышите крик о помощи от человека, находящегося в опасности. Вы, возможно, почувствуете при этом два желания: одно — помочь ему (в силу своего стадного инстинкта) и другое желание — держаться подальше от опасности (в силу инстинкта самосохранения). Однако в дополнение к этим двум импульсам вы обнаружите в себе третий, который говорит вам, что вы должны следовать тому импульсу, который толкает вас помочь, и должны подавить в себе желание убежать. Это побуждение, которое судит между двумя инстинктами, которое решает, какому инстинкту надо следовать, а какой подавить, само не может быть ни одним из них. Вы могли бы, с таким же основанием сказать, что нотная страница, которая указывает, по какой клавише вам надо ударить в данный момент, сама — одна из клавиш. Нравственный закон говорит нам, какую мелодию нам следует играть; наши инстинкты — только клавиши.

Есть еще один способ указать, что нравственный закон — это не просто один из наших инстинктов. Если два инстинкта находятся в противоречии друг с другом и в разуме нашем нет ничего, кроме них, то, вполне очевидно, победил бы тот инстинкт, который сильнее. Однако в те моменты, когда мы особенно остро ощущаем воздействие этого закона, он словно бы подсказывает нам следовать тому из двух импульсов, который, наоборот, слабее.

Вы, вероятно, гораздо больше хотите не рисковать собственной безопасностью, чем помочь человеку, который тонет; но нравственный закон тем не менее побуждает вас помочь тонущему. И, не правда ли, он часто говорит нам: попытайся активизировать свой правильный импульс, сделать его сильнее, чем он есть в своем естественном проявлении.

Я хочу этим сказать, что часто мы ощущаем потребность стимулировать свой стадный инстинкт, для чего пробуждаем в себе воображение и чувство жалости — настолько, чтобы у нас хватило духа сделать доброе дело. И конечно же, мы действуем не инстинктивно, когда стимулируем в себе эту потребность совершить добрый поступок. Голос внутри нас, который говорит: «Твой стадный инстинкт спит. Пробуди его», — не может сам принадлежать стадному инстинкту.

На этот вопрос можно взглянуть с третьей стороны. Если бы нравственный закон был одним из наших инстинктов, мы могли бы указать на определенный импульс внутри нас, который всегда был бы в согласии с правилом порядочного поведения. Но мы не находим в себе такого импульса. Среди всех наших импульсов нет ни одного, который нравственный закон никогда не имел бы оснований подавлять, и ни одного, который ему никогда не приходилось бы стимулировать. Было бы ошибкой считать, что некоторые из наших инстинктов — такие, к примеру, как материнская любовь или патриотизм, — правильны, хороши, а другие — такие, как половой или воинственный инстинкт, — плохи. Просто в жизни чаще сталкиваешься с обстоятельствами, когда следует обуздывать половой или воинственный инстинкт, чем с такими, когда приходится сдерживать материнскую любовь или патриотическое чувство. Однако при определенных ситуациях долг женатого человека — возбуждение полового импульса, долг солдата — возбуждение в себе воинственного инстинкта.

С другой стороны, встречаются обстоятельства, когда следует подавлять любовь матери к своим детям и любовь человека к своей стране; в противном случае это привело бы к несправедливости по отношению к детям других родителей и к народам других стран. Строго говоря, нет таких понятий, как хорошие и плохие импульсы. Вернемся снова к примеру с пианино. На клавиатуре нет двух различных видов клавиш — верных и неверных. В зависимости от того, когда какая нота взята, она прозвучит верно или неверно. Нравственный закон не есть некий отдельный инстинкт или какой-то набор инстинктов. Это нечто (назовите это добродетелью или правильным поведением), направляющее наши инстинкты, приводящее их в соответствие с окружающей жизнью.

Между прочим, это имеет серьезное практическое значение. Самая опасная вещь, на которую способен человек, — это избрать какой-то из присущих ему природных импульсов и следовать ему всегда, любой ценой. Нет у нас ни одного инстинкта, который не превратил бы нас в дьяволов, если бы мы стали следовать ему как некоему абсолютному ориентиру. Вы можете подумать, что инстинкт любви ко всему человечеству всегда безопасен. И ошибетесь. Стоит вам пренебречь справедливостью, как окажется, что вы нарушаете договоры и даете ложные показания в суде «в интересах человечества», а это в конце концов приведет к тому, что вы станете жестоким и вероломным человеком.

Некоторые люди в своих письмах задают мне такой вопрос: «Может быть, то, что Вы называете нравственным законом, на самом деле — общественное соглашение, которое становится нашим достоянием благодаря полученному образованию?» Я думаю, подобный вопрос возникает из-за неверного понимания некоторых вещей. Люди, задающие его, исходят из того, что если мы научились чему-то от родителей или учителей, то это «что-то» — непременно человеческое изобретение. Однако это совсем не так. Все мы учим в школе таблицу умножения. Ребенок, который вырос один на заброшенном острове, не будет знать этой таблицы. Но из этого, конечно, не следует, что таблица умножения — всего лишь человеческое соглашение, нечто изобретенное людьми для себя, что они могли бы изобрести и на иной лад, если бы захотели. Я полностью согласен с тем, что мы учимся правилу порядочного поведения от родителей, учителей, друзей и из книг, точно так же как мы учимся всему другому. Однако только часть этих вещей, которым мы учимся, просто

условные соглашения, и они действительно могли бы быть изменены; например нас учат держаться правой стороны дороги, но мы с таким же успехом могли бы пользоваться правилом левостороннего движения. Иное дело — такие правила, как математические. Их изменить нельзя, потому что это реальные, объективно существующие истины.

Вопрос в том, к какой категории правил относится естественный закон. Существуют две причины, говорящие за то, что он принадлежит к той же категории, что и таблица умножения. Первая, как я сказал в первой главе, заключается в том, что, несмотря на различный подход к вопросам морали в разных странах и в разные времена, эти различия несущественны. Они совсем не так велики, как некоторые люди себе представляют. Всегда и везде представления о морали исходили из одного и того же закона. Между тем простые (или условные) соглашения, подобные правилам уличного движения или покрою одежды, могут отличаться друг от друга безгранично.

Вторая причина состоит в следующем. Когда вы думаете об этих различиях в нравственных представлениях разных народов, не приходит ли вам в голову, что мораль одного народа лучше (или хуже) морали другого народа? Не способствовали ли бы ее улучшению некоторые изменения? Если нет, тогда, конечно, не могло быть никакого, прогресса морали. Ведь прогресс означает не просто изменения, а изменения к лучшему. Если бы ни один из кодексов морали не был вернее или лучше другого, то не было бы смысла предпочитать мораль цивилизованного общества морали дикарей или мораль христиан морали нацистов.

На самом деле мы все, конечно, верим, что одна мораль лучше, правильнее, чем другая. Мы верим, что люди, которые пытались изменять моральные представления своего времени, которые были так называемыми реформаторами, лучше понимали значение нравственных принципов, чем их ближние. Ну что ж, хорошо. Однако в тот самый момент, когда вы заявляете, что один моральный кодекс лучше другого, вы мысленно прилагаете к ним некий стандарт и делаете вывод, что вот этот кодекс более соответствует ему, чем тот.

Однако стандарт, который служит вам мерилom двух каких-то вещей, сам должен отличаться от них обеих. В данном случае вы, таким образом, сравниваете эти кодексы морали с некоей истинной моралью, признавая тем самым, что такая вещь, как истинная справедливость, действительно существует, независимо от того, что думают люди, и от того, что идеи одних более соответствуют этой истинной справедливости, чем идеи других. Или давайте посмотрим на это с другой стороны. Если ваши моральные представления могут быть более правильными, а моральные представления нацистов — менее правильными, то тогда должно существовать нечто — какая-то истинная моральная норма, — которая может служить мерилom верности или неверности тех или иных взглядов. Причина, почему ваше представление о Нью-Йорке может быть вернее или, напротив, неправильнее моего, заключается в том, что Нью-Йорк — это реально существующее место и он существует независимо от того, что любой из нас думает о нем. Если бы каждый из нас, говоря «Нью-Йорк», подразумевал просто «город, который я себе вообразил», как могли бы представления одного из нас о нем быть вернее, чем представления другого? Тогда не могло бы быть и речи о чьей-то правоте или чьем-то заблуждении. Точно так же, если бы правило порядочного поведения просто подразумевало «все, что ни одобрит данный народ», не было бы никакого смысла утверждать, что один народ справедливее в своих оценках, чем другой. Не имело бы смысла говорить о том, что мир может улучшаться или ухудшаться в моральном отношении.

Таким образом, я могу сделать заключение, что, хотя различия между понятиями людей о порядочном поведении часто заставляют нас сомневаться, существует ли вообще такая вещь, как истинный закон поведения, тот факт, что мы склонны задумываться об этих различиях, доказывает, что он существует.

Перед тем как я закончу, позвольте мне сказать еще несколько слов. Я встречал людей, которые преувеличивали упомянутые расхождения, потому что не видели разницы между различиями в нравственных представлениях и в понимании определенных фактов или представлении о них. Например, один человек сказал мне: «Триста лет тому назад в Англии

убивали ведьм. Было ли это проявлением того, что Вы называете естественным законом, или законом правильного поведения?» Но ведь мы не убиваем ведьм сегодня потому, что мы не верим в их существование. Если бы мы верили — если бы мы действительно думали, что вокруг нас существуют люди, продавшие душу дьяволу и получившие от него взамен сверхъестественную силу, которую они используют для того, чтобы убивать своих соседей, или сводить их с ума, или вызывать плохую погоду, — мы все безусловно согласились бы, что, если кто-нибудь вообще заслуживает смертной казни, так это они, эти нечестивые предатели. В данном случае нет различия в моральных принципах: разница заключается только во взгляде на факт.

То обстоятельство, что мы не верим в ведьм, возможно, свидетельствует о большом прогрессе в области человеческого знания: прекращение судов над ведьмами, в существование которых мы перестали верить, нельзя рассматривать как прогресс в области морали. Вы не называли бы человека, который перестал расставлять мышеловки, гуманным, если бы знали: он просто убедился, что в его доме нет мышей.

РЕАЛЬНОСТЬ ЗАКОНА

Теперь я вернусь к тому, что сказал в конце первой главы о двух любопытных особенностях, присущих человечеству. Первая состоит в том, что людям свойственно думать, что они должны соблюдать определенные правила поведения, иначе говоря, правила честной игры, или порядочности, или морали, или естественного закона.

Вторая заключается в том, что на деле люди эти правила не соблюдают. Кое-кто может спросить, почему я называю такое положение вещей странным. Вам оно может казаться самым естественным положением в мире. Возможно, вы думаете, что я слишком строг к человеческому роду. В конце концов, можете сказать вы, то, что я называю нарушением закона добра и зла, просто свидетельствует о несовершенстве человеческой природы. И собственно говоря, почему я ожидаю от людей совершенства? Такая реакция была бы правильной, если бы я пытался точно подсчитать, насколько мы виновны в том, что сами поступаем не так, как, с нашей точки зрения, должны поступать другие. Но мое намерение состоит совсем не в этом. В данный момент меня вовсе не интересует вопрос вины: я стараюсь найти истину. И с этой точки зрения сама идея о несовершенстве, о том, что мы — не те, чем следовало бы быть, ведет к определенным последствиям.

Какой-нибудь предмет, например камень или дерево, есть то, что он есть, и не имеет смысла говорить, что он должен быть другим. Вы, конечно, можете сказать, что камень имеет «неправильную» форму, если вы собирались использовать его для декоративных целей в саду, или что это — «плохое дерево», потому что оно не дает вам достаточно тени. Но под этим вы только подразумевали бы, что этот камень или то дерево не подходят для ваших целей. Вы не станете, разве только шутки ради, винить их за это. Вы знаете, что из-за погоды и почвы ваше дерево просто не могло быть другим. Так что «плохое» оно потому, что подчиняется законам природы точно так же, как и «хорошее» дерево.

Вы заметили, что из этого следует? Из этого следует, что то, что мы обычно называем законом природы, например влияние природных условий на формирование дерева, возможно, и нельзя называть законом в строгом смысле этого слова. Ведь говоря, что падающие камни всегда подчиняются закону тяготения, мы, в сущности, подразумеваем, что «камни делают так всегда». Не думаете же вы, в самом деле, что, когда камень выпускают из рук, он вдруг вспоминает, что имеет приказ лететь к земле. Вы просто имеете в виду, что камень действительно падает на землю. Иными словами, вы не можете быть уверены, что за этими фактами скрывается что-то, помимо самих фактов, какой-то закон о том, что должно случиться, в отличие от того, что действительно случается.

Законы природы, применительно к камням и деревьям, лишь констатируют то, что в природе фактически происходит. Но когда вы обращаетесь к естественному закону, к закону порядочного поведения, вы сталкиваетесь с чем-то совсем иным. Этот закон, безусловно, не

означает «того, что человеческие существа действительно делают», потому что, как я говорил раньше, многие из нас не подчиняются этому закону совсем и ни один из нас не подчиняется ему полностью. Закон тяготения говорит вам, что сделает камень, если его уронить; закон же нравственный говорит о том, что человеческие существа должны делать и чего не должны. Иными словами, когда вы имеете дело с людьми, то, помимо простых фактов, подлежащих констатации, сталкиваетесь с чем-то еще, с какой-то привходящей движущей силой, стоящей над фактами. Перед вами факты (люди ведут себя так-то). Но перед вами и нечто еще (им следовало бы вести себя так-то). Во всем, что касается остальной Вселенной (помимо человека), нет необходимости ни в чем другом, кроме фактов. Электроны и молекулы ведут себя определенным образом, из чего вытекают определенные результаты, и этим, возможно, все исчерпывается. (Впрочем, я не думаю, что об этом свидетельствуют доводы, которыми мы располагаем на данном этапе). Однако люди ведут себя определенным образом, и этим, безусловно, ничто не исчерпывается, так как вы знаете, что они должны вести себя иначе.

Все это настолько странно, что люди стараются объяснить это так или иначе. Например, мы можем придумать такое объяснение: когда вы заявляете, что человек не должен вести себя так, как он себя ведет, вы подразумеваете то же самое, что в случае с камнем, когда говорите, что у него неправильная форма, а именно, что поведение этого человека причиняет вам неудобство. Однако такое объяснение было бы совершенно неверным. Человек, занявший угловое сиденье в поезде потому, что он пришел туда первым, и человек, который проскользнул на это угловое место, сняв с него ваш портфель, когда вы повернулись к нему спиной, причинили вам одинаковое неудобство. Но второго вы обвиняете, а первого — нет. Я не сержусь — может быть, лишь несколько мгновений, пока не успокоюсь, — когда какой-нибудь человек случайно подставит мне ножку. Но прихожу в негодование, когда кто-то хочет подставить мне ножку умышленно, даже если это ему не удастся. Между тем первый доставил мне неприятное мгновение, а второй — нет.

Иногда поведение, которое я считаю плохим, совсем не вредит мне лично, даже наоборот. Во время войны каждая сторона рада воспользоваться услугами предателя со стороны противника. Но и пользуясь его услугами, даже оплачивая их, обе стороны смотрят на предателя как на подонка. Поэтому вы не можете определить поведение других людей как порядочное, руководствуясь лишь критерием полезности этого поведения для вас лично. Что же касается нашего собственного порядочного поведения, то, я думаю, никто из нас не рассматривает его как поведение, которое приносит нам выгоду. Порядочно себя вести — это довольствоваться тридцатью шиллингами, когда вы могли бы получить три фунта; это честно выполнить свое школьное домашнее задание, когда можно было бы легко обмануть учителя; это оставить девушку в покое, вместо того чтобы воспользоваться ее слабостью; это не бежать из опасного места, заботясь о собственной безопасности; это сдерживать свои обещания, когда проще было бы забыть о них; это говорить правду, даже если в глазах других вы выглядите из-за этого дураком.

Некоторые люди говорят, что, хотя порядочное поведение не обязательно приносит выгоду данному человеку в данный момент, оно в конечном счете приносит выгоду человечеству в целом. И что, следовательно, ничего загадочного в этом нет. Люди, в конце концов, обладают здравым смыслом. Они понимают, что могут быть счастливыми или чувствовать себя в подлинной безопасности лишь в таком обществе, где каждый ведет честную игру. Именно поэтому они и стараются вести себя порядочно. Не вызывает, конечно, сомнения, что секрет безопасности и счастья лишь в честном, справедливом и доброжелательном отношении друг к другу со стороны как отдельных людей и групп, так и целых народов. Это одна из наиважнейших в мире истин. И тем не менее мы обнаруживаем в ней слабое место, когда пытаемся объяснить ею свой подход к проблеме добра и зла.

Если мы, спрашивая: «Почему я не должен быть эгоистом?», получаем ответ: «Потому что это хорошо для общества», то за этим может возникнуть новый вопрос: «Почему я должен думать о том, что хорошо для общества, если это не приносит никакой пользы мне лично?» Но на этот вопрос возможен лишь один ответ: «Потому что ты не должен быть

эгоистом». Как видите, мы пришли к тому же, с чего начали. Мы лишь констатируем то, что является истиной. Если бы человек спросил вас, ради чего играют в футбол, то ответ «для того, чтобы забивать голы» едва ли был бы удачным. Ибо в забивании голов и состоит сама игра, а не ее причина. Ваш ответ просто значал бы, что «футбол есть футбол», и это, безусловно, верно, но стоит ли говорить об этом?

Точно так же, если человек спрашивает, какой смысл вести себя порядочно, бессмысленно отвечать ему: «Для того, чтобы принести пользу обществу». Так как стараться «принести пользу обществу», иными словами, не быть эгоистом, себялюбцем (потому что общество, в конечном итоге, означает «других людей»), это и значит быть порядочным, бескорыстным человеком.

Ведь бескорыстие является составной частью порядочного поведения. Таким образом, вы фактически говорите, что порядочное поведение — это порядочное поведение. С равным успехом вы могли бы остановиться на заявлении: «Люди должны быть бескорыстными».

Именно здесь хочу остановиться и я. Люди должны быть бескорыстными, должны быть справедливыми. Это не значит, что они бескорыстны или что им нравится быть бескорыстными; это значит, что они должны быть такими. Нравственный закон, или естественный закон, не просто констатирует факт человеческого поведения, подобно тому как закон тяготения констатирует факт поведения тяжелых объектов при падении. С другой стороны, этот естественный закон и не просто выдумка, потому что мы не можем забыть о нем. А если бы мы о нем забыли, то большая часть из того, что мы говорим и думаем о людях, обратилась бы в бессмыслицу. И это не просто заявление о том, как хотелось бы нам, чтобы другие вели себя ради нашего удобства. Потому что так называемое плохое или нечестное поведение не совсем и не всегда соответствует поведению, неудобному для нас. Иногда оно, наоборот, нам удобно. Следовательно, это правило добра и зла, или естественный закон, или как бы иначе мы ни называли его, должно быть некоей реальностью, чем-то, что объективно существует, независимо от нас.

Однако это правило, или закон, не объективный факт в обычном смысле слова, такой, как, например, факт нашего поведения. И это наводит нас на мысль о некоей иной реальности, о том, что в данном конкретном случае за обычными фактами человеческого поведения скрывается нечто вполне определенное, царящее над ними, некий закон, которого никто из нас не составлял и который тем не менее воздействует на каждого из нас.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ЗАКОНОМ

Давайте подведем итог тому, что мы выяснили на данный момент. В случае с камнями, деревьями и подобными им вещами так называемый закон природы — не более чем оборот речи. Говоря, что природа подчиняется определенным законам, вы лишь подразумеваете, что она ведет или проявляет себя определенным образом.

Так называемые законы не могут быть законами в полном смысле этого слова, то есть чем-то, стоящим над явлениями природы, которые мы наблюдаем. Но в случае с человеком дело обстоит иначе. Закон человеческой природы или закон добра и зла должен быть чем-то таким, что стоит над фактами человеческого поведения. И в этом случае, помимо фактов, мы имеем дело с чем-то еще — с законом, который мы не изобретали, но которому, мы знаем, мы должны следовать.

А сейчас я хочу разобраться, что говорит нам это открытие о Вселенной, в которой мы живем. С того момента, когда люди научились мыслить, они стали задумываться о том, что представляет из себя Вселенная и как она произошла. В самых общих чертах на этот счет существуют две точки зрения. Первая — это так называемая материалистическая точка зрения. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто существуют, они существовали всегда и никто не знает почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, способные думать. По какому-то счастливому случаю,

вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, и в силу другой такой же случайности, вероятность которой не выше, чем вероятность предыдущей, на одной из этих планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, плюс необходимая температура, и, таким образом, часть материи на этой планете ожила, а затем, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные, как мы с вами.

Вторая точка зрения — религиозная. Согласно ей, источник происхождения видимой Вселенной следует искать в каком-то разуме (скорее, чем в чем-либо другом). Этот разум обладает сознанием, имеет свои цели и отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения именно этот разум и создал Вселенную, частично ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично и для того, чтобы произвести существа, подобные себе самому, я имею в виду — наделенные, подобно ему, разумом. Пожалуйста, не подумайте, что одна из этих точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно вытеснила ее. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали они обе. И заметьте еще одну вещь. Вы не можете установить, какая из этих двух теорий правильна с научной точки зрения. Наука ведь действует путем экспериментов. Она наблюдает, как ведут себя предметы, материалы, элементы и т. п. Любое научное заявление, каким бы сложным оно ни казалось, сводится в конечном счете к следующему: «Я направил телескоп на такую-то часть неба в 2.20 ночи 15 января и увидел то-то и то-то». Или: «Я положил некоторое количество этого вещества в сосуд, нагрел до такой-то температуры, и получилось то-то и то-то». Не подумайте, что я имею что-нибудь против науки. Я только поясняю, как она действует. И чем человек ученее, тем скорее (я надеюсь) он согласится со мной, что именно в этом и состоит наука, именно в этом польза ее и необходимость. Но почему все эти объекты, которые изучает наука, существуют вообще и стоит ли за этими объектами нечто совершенно от них отличное — вовсе не вопрос науки. Если за всей обозреваемой нами действительностью «нечто» существует то оно либо останется неизвестным для людей, либо даст им знать о себе каким-то особым путем. Заявления же о том, что это «нечто» существует, либо, наоборот, не существует, в компетенцию науки не входят. И настоящие ученые обычно подобных заявлений не делают. Чаше с ними выступают журналисты и авторы популярных романов, нахватавшиеся непроверенных научных данных из учебников. В конечном счете простой здравый смысл говорит нам: предположим, когда-нибудь наука станет настолько совершенной, что постигнет каждую частицу Вселенной; не ясно ли, что на вопросы «Почему существует Вселенная?», «Почему она ведет себя так, а не иначе?» и «Есть ли какой-нибудь смысл в ее существовании?» тогда, как и теперь, ответа не будет.

Положение было бы совершенно безнадежным, если бы не одно обстоятельство. Во Вселенной есть одно существо, о котором мы знаем больше, чем могли бы узнать о нем только благодаря наблюдениям извне. Это существо — человек. Мы не просто наблюдаем за людьми, мы сами — люди. В данном случае мы располагаем так называемой внутренней информацией. И благодаря этому нам известно, что люди чувствуют себя подвластными какому-то моральному закону, которого они не устанавливали, но о котором не могут забыть, как бы ни старались, и которому, они знают, следует подчиняться. Обратите внимание вот на что: всякий, кто стал бы изучать человека со стороны, как мы изучаем электричество или капусту, не зная нашего языка и, следовательно, не имея возможности получить от нас внутреннюю информацию, — из простого наблюдения за нашим поведением никогда не пришел бы к выводу, что у нас есть нравственный закон. Да и как он мог бы прийти к нему? Ведь его наблюдения показывали бы ему только то, что мы делаем, а нравственный закон говорит о том, что мы должны делать. Точно так же если бы что-то скрывалось или стояло за доступными нашему наблюдению фактами в случае с камнями или погодой, то мы, наблюдая их со стороны, и надеяться не могли бы обнаружить это «что-то».

Вопрос, таким образом, становится в другую плоскость. Мы хотим знать, стала ли Вселенная тем, что она есть, случайно, сама по себе, без какой бы то ни было причины, или за этим стоит какая-то сила, которая делает Вселенную именно такой. Поскольку эта сила,

если она существует, не может быть одним из наблюдаемых фактов, но является реальностью, которая эти факты создает, простое наблюдение за ними ее не обнаружит. Только одно единственное явление наводит на мысль о существовании «чего-то», помимо наблюдаемых фактов, и это явление — мы сами. Лишь в нашем собственном случае мы видим: это «что-то» существует.

Давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Если бы за пределами Вселенной существовала какая-то контролирующая сила, она не могла бы показать себя нам в виде одного из внутренних элементов, присущих Вселенной, как архитектор, по проекту которого сооружен дом, не мог бы быть стеной, лестницей или камином в этом доме. Единственное, на что мы могли бы надеяться, это то, что сила эта проявит себя внутри нас в форме определенного влияния или приказа, стараясь направить наше поведение в определенное русло. Но именно такое влияние мы и находим внутри себя. Не правда ли, такое открытие должно было бы пробудить наши подозрения? Единственный случай, когда мы могли бы надеяться на получение ответа, дает нам ответ положительный; а в других случаях, где мы не получаем ответа, мы видим, почему не можем его получить.

Предположим, кто-то спросил меня: «Почему, когда вы видите человека в синей униформе, идущего вдоль по улице и оставляющего маленькие бумажные пакеты у каждого дома, вы предполагаете, что эти пакеты содержат письма?» Я бы ответил: «Потому что всякий раз, когда он оставляет подобный бумажный пакет для меня, я нахожу в нем письмо». И если бы этот человек возразил: «Но вы же никогда не видели тех писем, которые, по вашему мнению, получают другие люди», на это я бы ответил: «Конечно нет, ведь они не мне адресованы, я догадываюсь о содержимом пакетов, которые мне не разрешается открывать, по аналогии с тем пакетом, который я могу открыть».

Точно так же обстоит дело с нашим вопросом. Единственный пакет, который мне разрешается открыть, это человек. И когда я это делаю, особенно когда открываю одного конкретного человека, которого называю «Я», то обнаруживаю, что я не существую сам по себе, что я подвластен какому-то закону; что-то или кто-то желает, чтобы я вел себя определенным образом. Я, конечно, не думаю, что если бы мне удалось проникнуть внутрь камня или дерева, то я нашел бы там точно то же самое, точно так же, как я не думаю, что все остальные люди на этой улице получают такие же письма, как я. Я мог бы, например, надеяться обнаружить, что камень обязан подчиняться закону тяготения. «Отправитель писем» просто говорит мне, чтобы я подчинялся закону моей человеческой природы, тогда как камень он заставляет подчиняться законам его природы. Но мне следовало бы при этом ожидать, что в обоих случаях действует «отправитель писем», сила, стоящая за фактами. Начальник жизни, ее Руководитель.

Не подумайте, пожалуйста, что я иду быстрее, чем я иду на самом деле. Я и на сто километров не подошел еще к Богу, каким трактует Его христианская теология. Все, что я выразил до сих пор, сводится к следующему: существует нечто, руководящее Вселенной и проявляющееся во мне в виде закона, который побуждает меня творить добро и испытывать угрызения совести за содеянное мною зло. Я думаю, нам следует предположить, что эта сила скорее подобна разуму, чем чему-нибудь иному, потому что в конечном счете, единственное, что мы знаем помимо разума, — это материя. Но едва ли можно вообразить себе кусок материи, дающий указания. Впрочем, вряд ли эта сила точно соответствует разуму в нашем понимании; пожалуй, еще меньше соответствует она человеческой личности.

Посмотрим, удастся ли нам в следующей главе узнать немного больше об этой силе. Но одно слово предостережения: в последнее столетие появилось немало слишком вольных фантазий на тему о Боге. Я решительно не собираюсь предлагать вам нечто подобное.

Примечание. Для того чтобы данный раздел вышел достаточно кратким и пригодным для радиопередач, я упомянул только материалистическую и религиозную точки зрения. Но для полноты картины мне следовало бы упомянуть о промежуточной точке зрения, так называемой философии «жизненной силы», или о творческой эволюции. Наиболее остроумно философия эта представлена у Бернарда Шоу, но глубже всего она освещена в

трудах Бергсона. Люди, придерживающиеся этой философии, полагают, что небольшие изменения, в результате которых жизнь на нашей планете эволюционировала от ее низших форм до человека, не были случайными, но направлялись «целеустремленной» силой жизни.

Когда люди говорят о такой силе, мы вправе спросить их, обладает ли эта сила, по их мнению, разумом. Если да, то «разум, породивший жизнь и ведущий ее к совершенству», — это просто Бог. Таким образом, эта точка зрения уподобляется религиозной.

Если же они полагают, что сила эта лишена разума, то как могут они утверждать, будто «нечто», не обладающее разумом, к чему-то «стремится» или имеет какую-то «цель»? Не фатальна ли такая логика для их точки зрения? Идея творческой эволюции очень многих привлекает тем, что она не лишает удовольствия верить в Бога, но в то же время освобождает человека от не очень приятных последствий, вытекающих из Его существования. Когда у вас прекрасное здоровье, и солнце сияет, и вы не хотите думать о том, что вся Вселенная — лишь механический танец атомов, приятно поразмышлять о великой таинственной силе, которая струится через века, неся вас на себе. Если, с другой стороны, вы хотите сделать что-то бесчестное, то сила жизни, будучи слепой, лишенной разума и нравственных понятий, не станет вмешиваться в ваши намерения, как вмешивается тот назойливый бог, про которого нам рассказывали в детстве. Сила жизни — это своего рода ручной, укрощенный бог.

Вы можете настроиться на его волну, когда у вас появится желание, но сам он тревожить вас не станет. Словом, при вас остаются все удовольствия от религии, а платить ни за что не надо. Поистине, эта теория — величайшее достижение нашей склонности принимать желаемое за действительное!

У НАС ЕСТЬ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

Я закончил последнюю главу той мыслью, что с помощью нравственного закона кто-то или что-то за пределами материальной Вселенной наступает на нас. И я подозреваю, что когда я дошел до этого пункта, некоторые из вас почувствовали определенное беспокойство. Вы даже могли подумать, что я сыграл с вами злую шутку, что я старательно маскировал религиозное «нравоучение», чтобы сделать его похожим на философию. Быть может, вы готовы были слушать меня до тех пор, пока думали, что я собираюсь сказать что-то новое; но если это «новое» обернулось просто-напросто религией — что ж, мир уже испытал это, и вы не можете повернуть время вспять. Если кто-нибудь из вас испытывает подобные чувства, мне хотелось бы сказать такому человеку три вещи.

Первое — относительно поворота времени вспять. Подумали бы вы, что я шучу, если бы я сказал, что надо бы перевести стрелки часов? Ведь когда часы идут неверно, такая мера зачастую разумна. Но оставим пример с часами и стрелками. Все мы стремимся к прогрессу. Однако прогресс означает приближение к тому месту, к той точке, которую вы хотите достигнуть. И если мы повернули не в ту сторону, то продвижение вперед не приблизит нас к цели. Прогрессом в этом случае был бы поворот на 180 градусов и возвращение на правильную дорогу; а самым прогрессивным человеком окажется тот, который скорее повернет назад. Мы все могли убедиться в этом, когда занимались арифметикой. Если я с самого начала неправильно произвел сложение, то чем скорее я признаю это и вернусь назад, чтобы все начать сызнова, тем скорее найду правильный ответ. В ослином же упрямстве, в отказе признать свою ошибку нет ничего прогрессивного.

Если вы задумаетесь над современным состоянием мира, вам станет совершенно ясно, что человечество совершает великую ошибку. Мы все — на неверном пути. А если это так, то всем нам необходимо вернуться назад. Возвращение назад — это скорейший путь вперед.

Второе: заметьте, что мои рассуждения — еще не совсем религиозное «нравоучение». Мы еще далеки от Бога какой-либо конкретной религии, тем более от Бога религии христианской. Мы лишь подошли к кому-то или чему-то, что стоит за моральным законом. Мы не прибегаем пока ни к Библии, ни к тому, о чем говорится в Церквях; мы стараемся понять, не можем ли мы узнать что-либо об этом таинственном «Некто» своими

собственными силами. И тут я со всей откровенностью хочу сказать: то, что мы обнаруживаем, действует на нас, как шок. Два факта свидетельствуют об этом «Некто».

Первый — созданная Им Вселенная. Если бы Вселенная была единственным свидетельством о Нем, то из наблюдения за ней мы должны были бы сделать вывод, что Он, этот загадочный «Некто» — великий художник (потому что Вселенная воистину прекрасна). Но в то же время мы вынуждены были бы признать, что Он безжалостен и враждебен к людям (потому что Вселенная — очень опасное место, внушающее неподдельный ужас).

Второй факт, указывающий на Его существование, — это нравственный закон, который Он вложил в наш разум. И это второе свидетельство более ценно, нежели первое, поскольку оно дает нам информацию внутреннего характера. Из нравственного закона вы больше узнаете о Боге, чем из наблюдения за Вселенной, точно так же как вы больше узнаете о человеке, слушая, как и что он говорит, нежели созерцая построенный им дом.

На основании этого второго факта мы делаем заключение, что Существо, пребывающее за видимой Вселенной, горячо заинтересовано в правильном поведении людей, в их «честной игре», в бескорыстии их, храбрости, искренней вере, честности и правдивости. В свете этого нам приходится согласиться с утверждением христианства и некоторых других религий, что Бог добр. Но не будем спешить. Нравственный закон не дает нам никаких оснований считать, что Бог добр в том смысле, что Он снисходителен, мягок, благожелателен.

В нравственном законе не чувствуется никакой снисходительности. Он тверд как алмаз. Он приказывает идти прямыми путями и, кажется, вовсе не заботится о том, насколько болезненно, опасно или трудно следовать этому приказу. Если Бог таков же, как этот нравственный закон, то Он едва ли мягок.

На данном этапе нам нет смысла говорить, что под «добрым» Богом мы понимаем такого Бога, который способен прощать. Ведь прощать способна только личность. Но мы еще не вправе утверждать, что Бог — личность. Пока мы пришли к заключению, что сила, которая скрывается за нравственным законом, скорее похожа на разум, чем на что-то другое. Но это еще не значит, что эта сила должна быть личностью. Если это просто безличный, бесчувственный разум, то, вероятно, нет смысла просить его о помощи или о поблажке, как не имело бы смысла просить таблицу умножения простить вас за неправильный счет. Неверного ответа вам в этом случае не избежать. И бесполезно говорить, что если Бог таков, если Он — безличное абсолютное добро, то Он вам не нравится и вы не собираетесь обращаться на Него внимания. Бесполезно это, потому что одна часть вас самого стоит на стороне этого Бога и искренне соглашается с Его осуждением человеческой жестокости, жадности, бесчестности и корысти. Вы, быть может, хотели бы, чтобы Он был снисходительнее на этот раз. Но в глубине души вы сознаете, что, если сила, стоящая за Вселенной, не будет безоговорочно обличать недостойное поведение, она перестанет быть добром. С другой стороны, мы знаем: если существует абсолютное добро, оно должно ненавидеть большую часть того, что мы с вами делаем.

Вот в каком ужасном, безвыходном положении оказываемся мы с вами. Если Вселенной не правит абсолютное добро, то все наши усилия в конечном счете напрасны. Если же абсолютное добро все-таки правит Вселенной, то мы ежедневно бросаем ему враждебный вызов, и непохоже на то, чтобы завтра мы стали сколько-нибудь лучше, чем сегодня. Таким образом, и в этом случае наша ситуация безнадежна. Мы не можем жить без этого добра, и не можем жить в согласии с ним.

Бог — наше единственное утешение, и ничто не вызывает в нас большего ужаса, чем Он: в Нем мы сильнее всего нуждаемся и от Него же больше всего хотим спрятаться. Он — наш единственный возможный союзник, а мы сделали себя Его врагами. Послушать некоторых людей, так встреча лицом к лицу с абсолютным добром — одно удовольствие. Им следовало бы хорошенько задуматься; они все еще играют в религию. Надмирная доброта несет с собой либо великое облегчение, либо — величайшую опасность, в зависимости от того, как вы ей отвечаете. А мы с вами отвечаем неправильно.

Теперь я подошел к третьему пункту. Избирая этот окольный путь, чтобы подойти к

тому предмету, который меня действительно интересует, я не хотел разыгрывать вас. Я избрал его вот по какой причине: всякий разговор о христианстве лишен смысла для людей, не познаковавшихся предварительно с фактами, которые я описал выше. Христианство призывает людей покаяться, чтобы получить прощение. Ему нечего (насколько мне известно) сказать тем людям, которые не знают за собой ничего такого, в чем следует покаяться, и которые не чувствуют, что нуждаются в прощении. Только после того, как вы осознаете, что нравственный закон действительно существует, как существует и сила, стоящая за ним, и что вы нарушили этот закон и повели себя неверно в отношении этой силы, — только тогда, и ни секундой раньше, христианство станет обретать для вас смысл.

Когда вы знаете, что больны, вы следуете советам доктора. Когда вы осознаете всю безысходность вашего положения, вы начнете понимать, о чем говорят христиане, потому что они предлагают объяснение нашим обстоятельствам: как это случилось, что мы одновременно ненавидим добро и любим его. Они предлагают объяснение того, каким образом Бог может быть безличным разумом, стоящим за нравственным законом, и в то же самое время Личностью. Они говорят вам, как невыполнимые для нас требования закона были выполнены за нас, как Бог Сам стал человеком, чтобы спасти человека от Божьего осуждения. Это старая история, и, если вы пожелаете углубиться в нее, вы, несомненно, обратитесь к тем, кто более компетентен, чем я. Все, чего я прошу от вас, — это взглянуть в лицо фактам, чтобы понять вопросы, на которые христианство предлагает ответы. И это — пугающие факты. Я хотел бы сказать что-нибудь более радужное; но должен говорить то, что считаю правдой. Я, конечно, целиком согласен с тем, что христианская религия, в конечном счете — источник несказанного утешения. Но начинается она не с утешения. Она начинается с тревоги и смятения, которые я описал выше, и не имела бы смысла попытка прийти к этому утешению, минуя стадию тревоги. В религии — как на войне, как в других ситуациях: покой (утешение) нельзя обрести, если искать только его. Вот если вы будете искать истину, то, возможно, в конце концов обретете и покой; а если все ваши поиски направлены на покой, вы не найдете ни его, ни истины. Все, что вы найдете, — это пустые речи да помышления, которые будут вам казаться истиной в начале пути, в конце же его вас ждет безнадежное отчаяние. В большинстве своем мы излечились от предвоенных розовых мечтаний о согласованной международной политике. Настало время излечиться от них и в религии.

Книга II. ВО ЧТО ВЕРЯТ ХРИСТИАНЕ

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПОНЯТИЯ О БОГЕ

Меня попросили рассказать вам, во что верят христиане. Я начну с рассказа о том, во что им не нужно верить. Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий мира кроется одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы свободны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в вопросе, который имеет для него наиважнейшее значение; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но безусловно, быть христианином — значит не сомневаться, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, христианство право, а другие религии ошибаются. Как в арифметике: возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные — неверны; по некоторым из неверных ответов ближе к верному, чем другие.

Человечество делится на две основные группы: на большинство, которое верит в какого-то Бога или богов, и на меньшинство, которое не верит в Бога вообще. Христианство, естественно, относится к большинству — оно в одном лагере с древними римлянами,

современными дикарями, стоиками, платониками, индусами, магометанами и т. п., против современного западноевропейского материализма.

Но существует разделение между людьми, верующими в Бога. К нему я перехожу теперь. Сводится оно к тому, в каких богов люди верят. И здесь — два очень разных подхода. Одни полагают, что Бог стоит над добром и злом. Мы, люди, называем одну вещь хорошей, а другую — плохой. Но, по мнению некоторых, понятие «хорошего и плохого» существует только с нашей, человеческой, точки зрения. Такие люди говорят: по мере того, как вы возрастаете в мудрости, у вас все меньше и меньше желания называть что-то плохим или хорошим; вы видите, что все имеет хорошие и плохие стороны, и ничего тут нельзя изменить. В результате эти люди полагают, что задолго до того, как вы подойдете к божественной точке зрения, всякое различие между понятиями добра и зла исчезнет без следа. Мы называем рак злом, говорят они, потому что он убивает человека; но с таким же успехом можно назвать злом успешное вмешательство хирурга, потому что он убивает рак. Все зависит от точки зрения.

Другая, противоположная, точка зрения состоит в том, что Бог, совершенно определенно, — добрый и праведный, что Ему безразлично, какую сторону принять, что Он любит любовь и ненавидит ненависть и хочет, чтобы мы вели себя так, а не иначе. Первое из этих двух представлений — Бог пребывает за пределами добра и зла — называется пантеизмом. Эту идею разделял великий прусский философ Гегель; ее разделяют, насколько я понимаю, индусы. Противоположный взгляд на Бога присущ евреям, магометанам, христианам.

За этим различием в представлениях о Боге между пантеизмом и христианством следует обычно другое. Пантеисты, как правило, верят, что Бог, так сказать, одушевляет Вселенную, как вы одушевляете свое тело; что Вселенная и есть почти то же самое, что Бог, и поэтому, если бы она не существовала, Он бы тоже не существовал, и все, что находится во Вселенной, — часть Бога. Христианство придерживается совершенно другой идеи. Христиане считают, что Бог задумал и создал Вселенную, как человек создает картину или мелодию. Картина — не то же самое, что художник, и художник не умрет, если его картины уничтожить. Вы можете сказать: «Он вложил часть самого себя в эту картину», но, говоря так, вы лишь подразумеваете, что вся красота и смысл этого произведения зародились у него в голове. Его мастерство, отразившееся в картине, не принадлежит ей в той же степени, в какой оно присуще его голове и рукам.

Я надеюсь, вы теперь видите, как одно различие между пантеизмом и христианством неизбежно влечет за собой другое. Если вы не принимаете всерьез различия между добром и злом, то очень легко придете к выводу, что все во Вселенной — часть Бога. Если же вы считаете, что некоторые дела и вещи действительно плохи, между тем как Бог плохим быть не может, подобная точка зрения неприемлема для вас. В таком случае вы должны верить, что Бог и мир — не одно и то же. Некоторые вещи, наблюдаемые нами в мире, противоречат Его воле. По поводу рака или туберкулеза пантеист может сказать: «Если бы вы могли видеть с Божественной точки зрения, вы бы поняли, что и это — Бог». Христианин ответит: «Что за мерзкая чушь!». Ведь христианство — религия воинствующая. Христианство считает, что Бог сотворил мир — пространство и время, жар и холод, все цвета и все вкусовые ощущения, всех животных и все растения — и все это Бог придумал, как писатель придумывает сюжет. Но христианство, кроме того, считает: очень многое из того, что Бог сотворил, свернуло с пути, Богом предназначенного, и Бог настаивает, и настаивает очень решительно, чтобы именно мы вернули заблудшее на правильный путь.

Конечно, это влечет за собой очень серьезный вопрос. Если мир действительно сотворен добрым, справедливым Богом, почему он свернул на неправильный путь? Много лет я просто отказывался слушать, что отвечали христиане, потому что рассуждал так: «Что бы вы ни говорили, к каким бы аргументам ни прибегали, не проще и не легче ли просто признать, что мир не создан разумной силой? А может, все ваши аргументы — просто сложная попытка уйти от очевидного?» И тут я столкнулся с другой трудностью.

Мой аргумент против существования Бога сводился к тому, что Вселенная мне казалась слишком жестокой и несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея справедливости и несправедливости? Человек не станет называть линию кривой, если не имеет представления о прямой линии. С чем сравнивал я Вселенную, когда называл ее несправедливой? Если все на свете, от «А» до «Я», плохо и бессмысленно, то почему я сам, частица этого «всего», с такой страстью возмущаюсь? Человек чувствует себя мокрым, когда падает в воду, потому что человек не водяное животное: рыба не чувствует себя мокрой. Я, конечно, мог бы отказаться от объективной значимости моего чувства справедливости, сказав себе, что это — лишь мое чувство. Но если бы я сделал так, рухнул бы и мой аргумент против Бога, потому что аргумент этот зиждется на том, что мир на самом деле несправедлив, а не с моей точки зрения.

Таким образом, сама попытка доказать, что Бога нет — иными словами, что вся объективная реальность лишена смысла, — вынуждала меня допустить, что, по крайней мере, какая-то часть объективной реальности, моя идея справедливости, смысл имеет. Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей. Ведь если бы Вселенная не имела смысла, мы бы никогда не смогли обнаружить, что она не имеет смысла; точно так, как если бы во Вселенной не было света и, следовательно, не было бы существ с глазами, мы бы никогда не обнаружили, что нас окружает тьма.

ВТОРЖЕНИЕ

Итак, атеизм слишком примитивен. Но я укажу вам на другую примитивную идею. Я называю ее «христианством, разведенным в водичке». Согласно этой идее, на небе живет хороший, добрый Бог и все идет как надо. Всем трудным и пугающим доктринам о грехе и аде, о дьяволе и искуплении просто не придается значения.

Искать простую религию — бессмысленно. В конце концов, реальных вещей, которые были бы просты, нет. Иногда они выглядят простыми — например, стол, за которым я сижу; но спросите ученого, из чего этот стол сделан, — обо всех этих атомах, о световых волнах, которые отражаются от них и ударяют в мой глаз, воздействуя на мой оптический нерв, и как это воздействует на мой мозг. Тогда вы увидите, что процесс, который мы описываем в двух словах — «видеть стол», представляет из себя сплетение таинственных и сложных явлений, сложных настолько, что вы едва ли когда-нибудь сможете проникнуть в них до конца. Когда ребенок произносит молитву, это выглядит очень просто. Если вас это вполне удовлетворяет и вы готовы поставить на этом точку, — прекрасно. Однако, если вы не можете на этом остановиться — а современный мир обычно ни на чем или перед чем не останавливается так легко, — если вы желаете продолжить и спрашиваете, что же происходит на самом деле, приготовьтесь к трудностям. Если мы ищем чего-то большего, чем предельно простое, глупо жаловаться, что «большее» — не просто.

Очень часто, однако, в такие глупые рассуждения пускаются совсем неглупые люди из желания, сознательно или бессознательно, подорвать христианство. Обычно они берут одну из версий христианства, рассчитанную на шестилетнего ребенка, и нападают на нее. Когда же вы стараетесь разъяснить им христианскую доктрину в том ее виде, в каком исповедуют ее образованные взрослые люди, они начинают жаловаться, что от вас голова идет кругом, что все это слишком сложно и, если бы Бог действительно существовал, Он сделал бы религию «простой», потому что простота так прекрасна.

С такими людьми следует быть настороже, они каждую минуту меняют тему и лишь отнимают у вас время. Обратите внимание на идею, что «Бог сделал бы религию простой», как будто религия — это что-то такое, что Бог изобрел, а не Его откровение нам о совершенно неизменных фактах и о Его собственной природе.

Объективная реальность отличается не только сложностью; она, по моим наблюдениям, нередко выглядит странно. Она какая-то нескладная, неясная, словом — не такая, как нам хотелось бы. Например, когда вы постигли идею, что Земля и другие планеты вращаются

вокруг Солнца, у вас, естественно, возникает предположение, что все планеты созданы по тому же принципу: на равном расстоянии друг от друга, к примеру, или на расстоянии, равномерно увеличивающемся: или что все они одинакового размера, либо увеличиваются или уменьшаются по мере удаления от Солнца. В действительности же вы не находите ни ритма, ни смысла (понятного вам) ни в размерах планет, ни в расстояниях между ними; у некоторых из них — по одному спутнику, у одной — четыре, у другой — два, у некоторых — ни одного, а одна из планет окружена кольцом.

Итак, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. Вот одна из причин, почему я пришел к христианству. Это религия, которую вы не могли бы придумать. Если бы христианство предлагало вам такое объяснение Вселенной, какого мы всегда ожидали, я бы посчитал, что мы сами изобрели его. Но, право же, непохожа эта религия на чье-то изобретение. Христианству свойствен тот странный изгиб, который характерен для реальных, объективно существующих вещей. Так что отрешимся от детской философии, от этого пристрастия к слишком простым ответам. Проблема, с которой мы имеем дело, не проста, и ждать простого ответа не приходится.

В чем же состоит эта проблема? Очевидно, в том, что во Вселенной много явно плохого и бессмысленного, но при этом в ней имеются существа, мы сами, которые знают об этом. Известны лишь две точки зрения на совокупность этих фактов. Одна из них — христианская — говорит, что это хороший мир, сбившийся на неверный путь, однако сохраняющий в памяти тот путь, каким он должен был идти. Вторая точка зрения — так называемый дуализм — предполагает, что за всем происходящим в мире стоят две равноценные и независимые силы — добро и зло, и наша Вселенная — поле битвы, на котором они ведут нескончаемую войну. Я лично считаю, что, после христианства, дуализм — наиболее человеческая и разумная гипотеза. По в ней есть одно слабое место.

Эти две силы, или два духа, или два бога — добрый и злой — абсолютно независимы. Оба они существуют в вечности. Ни один из них не создавал другого, ни один не имеет преимущественного права называться Богом. Каждый из них, очевидно, считает себя хорошим, а другого плохим. Один любит ненависть и жестокость, другой — любовь и милосердие, и каждый держится своей точки зрения. Что же имеем в виду мы, когда называем одного из них силою добра, а другого силою зла? Мы либо говорим этим, что почему-то предпочитаем одну из этих сил другой — как можем, например, предпочитать пиво сидру, либо подразумеваем, что, независимо от того, что эти силы думают о себе или что мы, люди, думаем о них, одна из них действительно неверна и несомненно ошибается, принимая себя за добро. Если мы имеем в виду, что первая сила нам просто больше по вкусу, то мы вообще должны отказаться от разговора о добре и зле. Ибо «добро» означает нечто такое, чему мы должны отдавать предпочтение, независимо от того, что нравится нам. Если бы «добро» было добром только потому, что нам вздумалось принять его сторону, оно не заслужило бы своего названия. Так что мы должны признать, что одна из этих двух сил — объективное «зло», а другая — объективное «добро».

Однако в тот самый момент, когда вы признаете это, вы добавляете к двум силам, действующим во Вселенной, третью — какой-то закон, или стандарт, или правило добра, с которым одна из них согласуется, а другая — нет. Но поскольку обе силы судятся им, то этот стандарт, или Существо, установившее его, оказывается вне наших двух сил и гораздо выше их обеих. Вот этот-то закон, или Существо, и будет истинным, настоящим Богом. Фактически, называя силы, о которых идет речь, добром и злом, мы имеем в виду, что одна из них в правильных отношениях с истинным, высшим Божеством, а другая противится Ему.

К этому же можно прийти и другим путем. Если дуализм верен, сила зла любит зло как таковое. Но мы не знаем никого, кто любил бы зло просто за то, что оно зло. На практике мы ближе всего подходим к силе зла в чистом виде, когда сталкиваемся с жестокостью. Люди проявляют жестокость по двум причинам: либо оттого, что они садисты, то есть в силу своей извращенности получают чувственное удовольствие от жестокости, либо потому, что ценой проявленной жестокости они надеются получить желаемое — деньги, власть, безопасность.

Но деньги, удовольствия, власть, безопасность — сами по себе вещи хорошие. Зло начинается тогда, когда люди стараются приобрести их, прибегая к неправильным методам, к нечестному пути, либо — в чрезмерном количестве.

Люди, поступающие так, крайне испорчены. Но не об этом речь. Я хочу сказать, что зло, если вы пристальнее всмотритесь в него, почти всегда окажется дурным путем к добрым целям. Вы можете быть хорошим ради самого добра; но не можете быть злым ради самого зла. Вы способны совершить хороший поступок и тогда, когда не испытываете прилива доброты, когда этот поступок не доставляет вам удовольствия, просто по той причине, что делать добро — правильно. Но никто еще не совершал жестокого поступка только потому, что жестокость — это что-то неправильное. Люди бывают жестоки лишь тогда, когда это приносит им удовольствие или пользу. Иными словами, зло не может преуспевать от того, что оно зло, тогда как добро может преуспевать лишь в силу того, что оно добро. Добро, так сказать, вещь в себе, оно существует само по себе, тогда как зло представляет из себя испорченное добро. Прежде чем стать плохим, надо быть хорошим.

Мы называем садизм половым извращением; но прежде чем стать сексуально извращенным, вы должны получить представление о нормальном половом влечении; распознать извращение вы можете потому, что в состоянии объяснить его, исходя из нормы; а вот объяснить нормальное, исходя из извращенного, вы не можете. Из этого следует, что представление о силе зла, которая равна силе добра и любит зло в такой же степени, в какой сила добра любит добро, — не более как мираж. Чтобы силе зла стать скверной, ей необходимо сначала пожелать хорошего, а затем устремиться к нему неверными путями; ей надо ощутить побуждения, добрые в своей основе, чтобы иметь возможность извратить их. Но и стремление к добру, и добрые импульсы, которые она могла бы извратить, сила зла получит лишь от силы добра. А если так, то сила зла не может быть ни от чего не зависимой. Она — часть мира, в котором царит сила добра, и сотворена либо этой силой, либо какой-то другой, стоящей над ними обеими.

Попытаемся несколько упростить это рассуждение. Чтобы совратиться, сила зла должна была существовать и обладать разумом и волей. Но существование, разум и воля сами по себе — добро. Таким образом, сила зла должна была получить все это от силы добра; даже для того, чтобы стать плохой, силе зла пришлось бы позаимствовать или украсть все необходимое у своего оппонента. Становится ли вам яснее, почему христианство всегда говорило, что дьявол — это падший ангел? Это не просто сказка для детей. Это глубокая истина, свидетельствующая о том, что зло — паразит, а не что-то изначальное и самостоятельное. Силы для своего существования зло черпает из добра. Все, что толкает плохого человека на активное зло, само по себе — не зло, а добро: решимость, ум, красота и, собственно, существование. Вот почему дуализм, если подойти к нему со строгой меркой, не срабатывает.

Но я готов признать, что истинное христианство (в отличие от христианства, разбавленного водичкой) гораздо ближе к дуализму, чем думают. Когда я впервые всерьез прочитал Новый завет, меня особенно поразила одна вещь — а именно то, что там так много говорится о силе тьмы во Вселенной, о могучем злом духе, который стоит за смертью, болезнью и грехом. Однако по мнению христианства (в отличие от дуализма) эта сила тьмы создана Богом и вначале была доброй, лишь потом стала она на неверный путь.

Христианство согласно с дуализмом, что Вселенная в состоянии войны. Но оно не считает, что это — война между зависимыми силами. Христианство утверждает, что это гражданская война, мятеж, и мы с вами живем в той части Вселенной, которая оккупирована мятежниками.

Оккупированная территория — вот что такое этот мир. А христианство — рассказ о том, как на эту территорию сошел праведный царь, сошел, можно сказать, инкогнито, и призвал нас к саботажу. Когда вы идете в церковь, вы на самом деле принимаете секретные сообщения по радиопередатчику от своих друзей. Вот почему враг так настойчиво старается помешать посещению церкви. Он играет на нашем самомнении, лени, интеллектуальном

снобизме. Кто-нибудь, возможно, спросит меня: «Не хотите ли вы в наше просвещенное время вновь представить нам старого приятеля, дьявола, с рогами, копытами и всем прочим?» Я не знаю, при чем тут просвещенное время, и меня не особенно интересует такая деталь, как рога и копыта. Но в остальном я ответил бы: «Да, именно это я собираюсь сделать». Я не утверждаю, что мне что-либо известно о его внешности. Если кто-то действительно желает узнать его получше, такому человеку я скажу: «Не беспокойтесь. Если вы в самом деле хотите познакомиться с ним поближе, то непременно познакомитесь. Понравится ли вам это — другой вопрос».

ОШЕЛОМЛЯЮЩАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Христиане, таким образом, верят, что сила зла стала князем этого мира. И тут, конечно, возникают проблемы. Происходит ли все это в соответствии с волей Бога? Если да, то Он — довольно странный Бог, скажете вы; если же зло воцарилось в мире вопреки Его воле, то как же что-либо может происходить вопреки воле Того, Кто обладает абсолютной властью?

Однако каждый человек, который был когда-либо наделен властью, знает, как некоторые вещи могут, с одной стороны, соответствовать вашей воле, а с другой — быть ей вопреки. Мать, например, может с полным основанием сказать своим детям: «Я не собираюсь каждый вечер приводить в порядок вашу комнату. Вы должны учиться держать ее в порядке сами». Однажды вечером она заходит в детскую и видит, что плюшевый мишка, чернильница и учебник по французской грамматике свалены вместе. Это противоречит ее воле. Она предпочла бы, чтобы ее дети были аккуратными. Но, с другой стороны, в этом и была ее воля — привить детям самостоятельность, однако это влечет за собой свободу выбора для них. Такие же ситуации возникают при любой системе правления, на службе, в школе. Вы объявляете какую-то обязанность добровольной, и сразу половина людей эту обязанность не выполняет. Это не согласуется с вашей волей, однако стало возможным именно по вашей воле.

Возможно, то же происходит и во Вселенной. Некоторые создания Свои Бог наделил свободной волей. Это значит, что они могут выбирать верный или неверный путь. Некоторым людям кажется, что можно придумать такое существо, которое было бы свободным, но лишенным возможности поступать неправильно. Я такое существо представить себе не могу. Если кто-то свободен делать добро, он свободен делать зло. Именно свободная воля сделала возможным зло. Почему же тогда Бог дал созданиям Своим свободу воли? Потому что без свободной воли, хотя она и обуславливает появление зла, невозможны истинная любовь, доброта, радость и все то, что представляет ценность в мире.

Мир автоматов-роботов — существ, действующих, как машины, едва ли стоил бы того, чтобы его создавать. Счастье, которое Бог приготовил для Своих высших созданий, — это счастье свободно соединяться с Ним и друг с другом в порыве любви и восхищения, в сравнении с которыми самая возвышенная любовь между мужчиной и женщиной — как разбавленное молоко. Но для этого создания должны быть свободными.

Бог, конечно, знал, что произойдет, если они воспользуются своей свободой неверно. Но очевидно. Он считал, что задуманное Им стоит риска. Возможно, мы не склонны согласиться с Ним. Но с Богом не соглашаться трудно. Он источник, из которого вы черпаете всю силу ваших аргументов. Вы не можете быть правы, а Он — неправ, точно так же как поток не может подняться выше уровня своего источника. Оспаривая правильность Его решений, вы выступаете против той силы, которая наделяет вас самой способностью спорить. Другими словами, вы рубите ветку, на которой сидите. Если Бог считает, что состояние войны во Вселенной не слишком высокая плата за свободу воли, и именно поэтому сотворил мир, в котором Божьи создания могут сознательно выбирать между добром и злом, а не игрушечный мир марионеток, которых Он водил бы, дергая за ниточки, — значит, мы должны согласиться, что свободная воля стоит этого. Только в мире, основанном на свободном выборе между добром и злом, может происходить что-то значительное.

Когда мы понимаем, что такое свобода воли, глупым представляется вопрос, который мне как-то задали: «Почему Бог создал человека из такого гнилого материала, что он сразу же пришел в негодность?» Чем лучше материал, из которого творение создано, чем оно умнее, сильнее и свободнее — тем лучше оно будет, если направится по правильному пути, и тем хуже станет, избрав неправильный путь. Корова не может быть очень хорошей или очень плохой; собака может быть и лучше и хуже; в большей степени может быть лучше или хуже ребенок; еще в большей степени, чем ребенок, может быть лучше или хуже обыкновенный взрослый человек, и еще в большей — человек гениальный; сверхчеловеческий же дух может быть либо наихудшим, либо наилучшим из всего сущего.

Как это произошло, что свободная воля направилась по неверному пути? Нет сомнения, что ответить на такой вопрос сколько-нибудь определенно люди не могут. Можно, однако, предположить разумную (и общепринятую) догадку, которая основывается на нашем личном опыте.

В тот момент, когда в вас проявляется ваше «я», возникает возможность, что вы пожелаете поставить это «я» на первое место, пожелаете стать центром, то есть фактически стать Богом. В этом и состоял грех сатаны, и этим грехом он заразил человеческий род. Некоторые люди считают, что падение человека как-то связано с проблемой секса. Но это ошибочное мнение. (Повествование, содержащееся в книге Бытия, скорее наводит на мысль о том, что разложение как-то коснулось нашей сексуальной природы после падения и было результатом, а не причиной этого падения.) Сатана вложил в головы наших далеких предков идею, что они могут стать «как боги», — могут устроить все по-своему, как если бы они сотворили себя сами; что человек может быть сам себе хозяин и изобрести для себя какое-то счастье, от Бога независимое. Из этой-то безнадежной попытки произошло почти все то, что определило человеческую историю, — деньги, нищета, тщеславие, войны, проституция, классы, империи, рабство, долгую и ужасную историю человека, пытающегося найти секрет счастья, минуя Бога.

Поиски эти безнадежны, и вот почему. Бог создал нас, изобрел нас, как человек изобретает машину. Топливо для автомобиля — бензин, и при той конструкции, какую он имеет, автомобиль не станет работать на другом топливе. Человечество же Бог сконструировал так, чтобы энергию, необходимую для нормальной жизнедеятельности, он, человек, черпал от Самого Бога. Бог — горючее, на которое рассчитан наш дух, пища, которая ему необходима. Альтернативы не существует. Вот почему не имеет смысла просить Бога, чтобы он сделал нас счастливыми по нашему вкусу, не обременя никакой религией. Бог не может дать нам счастье и мир без Него Самого, потому что без Него счастья и мира просто нет.

И в этом — ключ к истории. Тратится гигантское количество энергии, возникают цивилизации, создаются отличные, благородные организации, но всякий раз что-то идет не так, как надо. По причине какого-то фатального дефекта наверху всегда оказываются эгоистичные и жестокие люди, все снова рушится и скатывается вниз, к бедствиям и отчаянию. Машина глохнет. Она заводится как будто бы легко, пробегает несколько метров и ломается. Люди хотят, чтобы она работала на неподходящем горючем. Вот что сделал с нами, людьми, сатана.

А что сделал Бог? Прежде всего, Он оставил нам совесть, и мы понимаем, что правильно, что неправильно. На протяжении всей истории были люди, которые старались (подчас очень упорно) слушаться голоса совести. Ни один из них в этом не преуспел полностью.

Во-вторых, Он послал человеческому роду то, что я называю светлыми мечтами. Я имею в виду те странные истории, встречающиеся почти во всех языческих религиях, в которых рассказывается о каком-то боге, который умирает и снова воскресает, и своей смертью как-то дает людям новую жизнь.

В-третьих, Он избрал один особый народ и на протяжении нескольких столетий вколачивал в головы избранных Им людей, что Он единственный Бог и для Него очень

важно, чтобы люди вели себя правильно. Этим особым народом были евреи, и Ветхий завет подробно все это описывает.

А затем человечество испытало настоящий шок. Из среды этих евреев внезапно возник человек, который говорит так, как будто он сам и есть Бог. Он говорит, что может прощать грехи. Он говорит, что существовал вечно. Он говорит, что придет судить мир в последние времена.

Здесь требуется объяснение. Среди пантеистов, таких, как, например, индусы, каждый может сказать, что он — часть Бога или един с Богом; в этом не будет ничего удивительного. Но Тот Человек исповедовал не пантеизм, а иудаизм и не мог иметь в виду такого бога. Бог в понимании евреев — это Существо, находящееся вне мира; Тот, Кто сотворил этот мир и бесконечно отличается от чего бы то ни было. Когда вы постигнете это в полной мере, вы почувствуете: то, что говорил Человек, поразительнее всего, когда-либо слетавшего с человеческих уст. Часть этих слов проскальзывает мимо наших ушей: мы слышали их так часто, что перестали понимать, какой высоты звучания они достигают. Я имею в виду слова о прощении грехов; любых грехов. Если это не исходит от Бога, это нелепо и смешно. Мы можем понять, как человек прощает оскорбления и обиды, причиненные ему самому. Вы наступили мне на ногу, и я вам это прощаю; вы украли у меня деньги, и я вам это прощаю. Но как быть с человеком, которого никто не тронул и не ограбил, а он объявляет, что прощает вас за то, что вы наступали на ноги другим и украли у них деньги? Поведение такого человека показалось бы нам предельно глупым. Однако именно так поступал Иисус. Он говорил людям, что их грехи прощены, и никогда не советовался с теми, кому эти грехи нанесли ущерб. Он без колебаний вел Себя так, как если бы был Тем, Кому нанесены все обиды, против Кого совершены все беззакония. Такое поведение имело бы смысл только в том случае, если Он в самом деле Бог, Чьи законы попораны, любовь — оскорблена каждым совершенным грехом. В устах любого другого эти слова свидетельствовали бы лишь о глупости и мании величия, которым нет равных во всей человеческой истории.

Однако (и это удивительно) даже у Его врагов, когда они читают Евангелие, не создается впечатления, что слова эти продиктованы глупостью или манией величия. Тем более у читателей, не настроенных предвзято. Христос говорит, что Он «смирен и кроток» — и мы верим Ему, не замечая, что смирение и кротость едва ли присущи человеку, делавшему такие заявления, какие делал Он.

Я говорю все это, чтобы предотвратить воистину глупое замечание, которое нередко можно услышать: «Я готов признать, что Иисус — великий учитель нравственности, но отвергаю Его претензии на то, что Он Бог». Говорить так не следует. Простой смертный, который утверждал бы то, что говорил Иисус, был бы не великим учителем нравственности, а либо сумасшедшим вроде тех, кто считает себя Наполеоном или чайником, либо самим дьяволом. Другой альтернативы быть не может: либо этот человек — Сын Божий, либо сумасшедший или что-то еще похуже. И вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него никакого внимания; можете убить Его как дьявола; иначе вам остается пасть перед Ним и признать Его Господом и Богом. Только отрешитесь, пожалуйста, от этой покровительственной бессмыслицы, будто Он был великим учителем-гуманистом. Он не оставил нам возможности думать так.

СОВЕРШЕННЫЙ КАЮЩИЙСЯ

Итак, мы сталкиваемся с пугающей альтернативой. Этот человек — либо именно то, что Он о Себе говорит, либо — сумасшедший, маньяк или кое-кто похуже. Мне совершенно ясно, что ни сумасшедшим, ни бесом Он не был. Следовательно, сколь невероятным и наводящим ужас это ни казалось бы, я вынужден признать, что Он был и есть Бог. Бог сошел на эту оккупированную врагом землю в образе человека.

С какой же целью Он сделал это? Ради какого дела приходил? Ну конечно, ради того, чтобы учить. Однако когда вы откроете Новый завет или любую христианскую книгу, вы

обнаружите, что в них постоянно говорится о чем-то другом, а именно о Его смерти и Его воскресении. Совершенно очевидно, что христианам именно это представляется самым важным. Они считают, что главная цель Его прихода на землю — пострадать и умереть.

До того как я стал христианином, у меня было впечатление, что христиане должны прежде всего верить в некую теорию о смысле Его смерти. Согласно ей, Бог хотел наказать людей за то, что они оставили Его и стали на сторону великого мятежника, но Христос добровольно вызвался понести наказание за людей, чтобы Бог простил нас. Сейчас я должен признаться, что даже эта теория больше не кажется мне такой аморальной и глупой, как казалась прежде. Но не в этом дело. Позднее я увидел, что ни эта, ни иная подобная теория не выражают сути христианства.

Центральная мысль христианской веры в том, что смерть Христа каким-то образом оправдала нас в глазах Бога и дала нам возможность начать сначала. Как это было достигнуто — вопрос другой. На этот счет немало соображений. Но с тем, что мысль эта верна, согласны все христиане. Я скажу вам, что я сам думаю. Все разумные люди знают, что, если вы устали и проголодались, хороший обед пойдет вам на пользу. Обед этот — не то же самое, что современная теория о питании, обо всех этих витаминах и протеинах. Люди ели обеды и чувствовали себя после них лучше задолго до появления теорий, и если теории когда-нибудь забудут, это не помешает людям по-прежнему обедать. Теории о смерти Христа — не христианство. Они лишь пытаются объяснить механизм его действия. О степени их важности не все христиане думают одинаково. Моя англиканская церковь не настаивает ни на одной из них как на единственно правильной. Римская церковь идет немного дальше. Но, я думаю, все согласны с тем, что суть безгранично важнее, чем любое объяснение, и ни одно объяснение не может претендовать на исчерпывающую полноту. Но как я сказал в предисловии к этой книге, я всего лишь рядовой верующий, а вопрос этот заводит нас слишком глубоко. Я повторяю, что могу лишь изложить вам свою личную точку зрения.

Согласно ей, то, что вас просят принять, — не теории. Многие из вас, без сомнения, читали работы Джинса или Эддингтона. Когда они хотят объяснить атом или что-нибудь подобное, они просто дают вам описание, на основании которого в вашей голове возник некий мысленный образ. Но затем они предупреждают вас, что на самом деле этот образ не то, во что действительно верят ученые; а верят они в математическую формулу. Иллюстрации даются вам только для того, чтобы вы эту формулу поняли. Фактически они неверны в том смысле, в каком верны формулы. Они не отражают реальности, а только дают какое-то приближенное представление о ней. Их цель лишь в том, чтобы помочь вам, и, если они вам не помогают, вы можете отбросить их. Самую сущность атома не передать в картинках, ее можно выразить только в математических формулах.

То же самое происходит и с христианством. Мы верим, что смерть Христова — та точка в человеческой истории, когда нечто, принадлежащее иному миру и не поддающееся нашему воображению, проявило себя в нашем с вами мире. И если мы не можем изобразить в картинках атомы, слагающие этот наш мир, то, уж конечно, не в состоянии нарисовать в своем воображении реальную картину того, что действительно произошло во время смерти и воскресения Христа. Более того, если бы мы обнаружили, что полностью сумели все это понять, то самый факт этот свидетельствовал бы, что данное событие — совсем не то, за что оно себя выдает, недостижимое, нерукотворное, лежащее над природой вещей и пронизывающее эту природу, подобно удару молнии.

Вы можете сказать: «А какая нам польза, если мы не в состоянии все это понять?» Вопрос, на который очень легко ответить. Человек может съесть обед, не понимая, как организм усваивает питательные вещества. Человек может принять то, что сделал Христос, не понимая, что дело Христа работает в нем. И безусловно, он не сможет даже приблизительно понять этого, пока не примет Его.

Нам сказано, что Христос распят за нас, что Его смерть омыла наши грехи и что, умерев, Он вырвал у смерти ее «жалю». Это — формула. Это — христианство. В это надо

верить. Любые теории о том, как смерть Христа сделала все это возможным, с моей точки зрения, вторичны: они лишь чертежи и диаграммы, от которых можно без ущерба отказаться, если они нам не помогают, и, даже если они помогают, их не следует путать с той сутью, которой они служат. Тем не менее некоторые из этих теорий заслуживают того, чтобы мы их рассмотрели.

Одна из них, о которой мы слышим чаще всего, — та, которую я упомянул: Бог помиловал нас, потому что Христос добровольно вызвался понести наказание за нас. На первый взгляд эта теория выглядит крайне глупой. Если Бог готов был помиловать нас, почему Он этого не сделал? И какой смысл в наказании невинного за вину других? Я не вижу в этом никакого смысла, если рассматривать дело с точки зрения нашей юридической системы. Но взглянем с иной точки зрения, и мы увидим смысл: некто, имеющий средства, выплачивает долг за неплатежеспособного должника.

Или другой пример: человек попадает в беду по своей вине и ему приходится расплачиваться, но не в узкофинансовом, а в более общем смысле слова. Кто же извлечет его из пропасти, как не добрый друг?

В какую же пропасть попал человек по своей вине? И почему он попал в нее? Человек попытался устроить все по-своему, вести себя так, как если бы никому, кроме самого себя, он не принадлежал: иными словами, падший человек — это не просто несовершенное существо, нуждающееся в исправлении и улучшении: это мятежник, который должен сложить свое оружие. Сложить оружие, сдаться, попросить прощения, признать, что мы отклонились от правильного пути, начать заново — вот единственный выход из нашей пропасти. Именно это признание, безоговорочную капитуляцию, полный ход назад называют христиане покаянием. Процесс этот далеко не из приятных. Это посложнее, чем просто смириться со своим положением. Покаяться — значит отречься от самомнения и своеволия, которые мы культивируем в себе на протяжении тысячелетий. Покаяться — значит убить часть самого себя, пережить какое-то подобие смерти. Надо быть действительно хорошим человеком, чтобы прийти к раскаянию. И здесь мы сталкиваемся с затруднением. Только плохой человек нуждается в покаянии: только хороший человек может покаяться по-настоящему. Чем вы хуже, тем более нуждаетесь в покаянии, но тем менее вы склонны к нему. Только совершенный человек может прийти к совершенному покаянию. Но такой человек в покаянии не нуждается.

Запомните, что покаяние, это добровольное смирение и своего рода смерть, не то, чего Бог требует от вас прежде, чем примет вас обратно, и от чего Он может освободить вас, если захочет. Говоря о покаянии, я лишь описываю вам, что значит вернуться к Богу. Если вы просите Бога принять вас обратно без всего этого покаяния, то вы просите Его позволить вам вернуться, не возвращаясь. Такого не бывает.

Итак, мы должны пройти через покаяние. Но то зло в нас, которое делает покаяние необходимым, в то же самое время лишает нас способности к покаянию. Можем ли мы разрешить эту проблему, если Бог поможет нам? Да, но как мы понимаем Божью помощь в этом деле? Очевидно, мы имеем в виду, что Бог, чтобы помочь нам, вкладывает в нас, так сказать, частицу Самого Себя. Он одалживает нам немного Своей способности к рассудительности, и мы начинаем думать; Он вкладывает в нас немного Своей любви, и мы уже в состоянии любить друг друга. Когда вы учите ребенка писать, вы держите его руку, выводя буквы вместе с ним: его рука чертит буквы, потому что вы их чертите. Мы любим и мыслим, потому что Бог любит и мыслит и держит в Своих руках нашу руку, направляя эти процессы. И если бы мы с вами не пали, это было бы спокойное плавание. Но, к сожалению, сейчас мы нуждаемся, чтобы Бог нам помог в таком деле, которое Ему, Богу, в силу Его природы чуждо: сдаться, пострадать, подчиниться, умереть. В Божьей природе нет ничего, что соответствовало бы этой капитуляции. Следовательно, путь, на котором нам больше всего необходимо Божье руководство, — такой, по которому Бог в силу Своей природы никогда не ходил. Бог может поделиться только тем, что Он имеет в Своей собственной природе. Но того, что требуется для нас, в Его природе нет.

Теперь предположим, что Бог стал человеком; предположим, наша человеческая природа, которая способна страдать и умирать, слилась с Божьей природой в одной личности, — такая личность сумела бы помочь нам. Богочеловек сумел бы подчинить Свою волю, сумел бы пострадать и умереть, потому что Он — человек; весь этот процесс Он выполнил бы в совершенстве, потому что Он — Бог. Мы с вами можем пройти через этот процесс только в том случае, если Бог совершит его внутри нас; но совершить его Бог может, только став человеком. Наши попытки пройти через умирание будут иметь успех только тогда, когда мы, люди, примем участие в умирании Бога, точно так же, как наше мышление плодотворно только благодаря тому, что оно — капля из океана Его разума; но мы не можем принять участия в умирании Бога, если Он не умирает; а Он не может умереть, если не станет человеком. Вот в каком смысле Он платит наши долги и страдает вместо нас за то, за что Ему совсем не нужно было страдать.

Я слышал, как некоторые люди жаловались, что если Иисус был Богом в такой же степени, в какой был человеком, Его страдания и смерть теряют ценность в их глазах, потому что, говорят они, «это, должно быть, для Него легко и просто». Другие могут (и совершенно справедливо) осудить подобную неблагодарность. Однако меня поражает непонимание, о котором это свидетельствует. С одной стороны, люди, говорящие так, по-своему правы. Возможно, они даже недооценивают силу своего аргумента. Совершенное подчинение, совершенное страдание, совершенная смерть не только были легче для Иисуса, потому что Он Бог, они и возможны-то были только потому, что Он Бог. Тем не менее, не правда ли, странно не принимать поэтому Его смирения, страданий и смерти? Учитель способен написать буквы для ребенка, потому что учитель — взрослый человек и умеет писать. Конечно, ему легко написать эти буквы. Только поэтому он и может помочь ребенку. Если ребенок отвергнет его помощь на том основании, что «взрослым это легче», и будет ожидать, чтобы его научил писать другой ребенок, который сам не умеет писать (и, таким образом, лишен «несправедливого» преимущества), обучение пойдет не очень-то быстро. Если я тону в быстром потоке, человек, стоящий одной ногой на берегу, может протянуть мне руку, и это спасет мне жизнь. Стану ли я возмущаться и кричать, судорожно глотая воздух: «Нет, это несправедливо! У вас есть преимущество! Вы одной ногой стоите на земле!»? Это преимущество — называйте его «несправедливым», если хотите, — единственное условие, при котором он может оказать мне помощь. Если вам нужна помощь, не будете ли вы взывать о ней к тому, кто сильнее вас?

В этом и состоит мой собственный взгляд на то, что христиане называют искуплением. Однако не забудьте, что это всего-навсего еще одна иллюстрация. Не путайте ее, пожалуйста, с самим искуплением. Если мой пример, моя иллюстрация не помогают вам, отбросьте их не колеблясь.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Христос прошел через совершенную капитуляцию и совершенное смирение; они были совершенными, потому что Он — Бог; они были капитуляцией и смирением, потому что Он был Человеком. Христианская вера заявляет, что, если мы каким-то образом разделим смирение и страдания Христа, мы станем соучастниками Его победы над смертью и обретем новую жизнь, после того как умрем. И в этой новой жизни мы будем совершенны и совершенно счастливыми созданиями. Все это, однако, предполагает нечто гораздо большее, чем наши попытки следовать Его учению. Люди часто задают вопрос, когда же наступит следующий этап эволюции, на котором возникнет новое существо, стоящее гораздо выше человека. Но с христианской точки зрения этот этап уже наступил. Новый вид человека возник в Христе; и новая форма жизни, которая началась в нем, должна быть заложена в нас.

Как же получить эту новую жизнь? Вспомните, прежде всего, как мы с вами получили нашу жизнь в ее обыкновенной форме. Мы унаследовали ее от других, от нашего отца и матери и всех наших предков, без нашего согласия и посредством очень любопытного

процесса, который включает в себя удовольствие, боль и опасность. Такой процесс вы никогда бы не сумели выдумать сами. В детстве многие из нас долгие годы стараются разгадать его. Некоторые из детей, когда им впервые рассказывают об этом процессе, вначале отказываются верить, и я не могу их осуждать, это действительно очень странный процесс. Тот самый Бог, Который его спланировал, спланировал и процесс распространения новой жизни — жизни во Христе; и мы должны быть готовы к тому, что это тоже странный процесс. Бог не советовался с нами, когда изобретал секс. Он не советовался с нами и тогда, когда изобретал пути спасения.

Три вещи распространяют жизнь Христа в нас: крещение, вера и таинство, которое различные христиане называют по-разному — святое причастие, месса, преломление хлеба. По крайней мере, эти три вещи относятся к обычным методам. Я не говорю, что не может быть особых случаев, когда Христос и Его жизнь распространяются без одного (или больше) из этих актов. У меня недостаточно времени, чтобы углубиться в эти особые случаи, к тому же я не знаком с ними в достаточной степени. Когда вы стараетесь в несколько минут объяснить человеку, как добраться до Эдинбурга, вы посоветуете ему сесть в поезд. Он может, правда, добраться туда паромом или самолетом, но вы едва ли станете упоминать об этом. И я ничего не говорю, какая из упомянутых трех вещей — самая существенная. Мой друг методист захочет, чтобы я больше сказал о вере и меньше — о двух остальных. Но я не стану в это вдаваться. Любой человек, который научит вас христианской доктрине, скажет вам, чтобы вы прибегли ко всем трем. И этого в данный момент для нас достаточно.

Я сам лично не вижу, каким образом эти три вещи могут быть проводниками новой жизни. Но и постигнуть некую связь между физическим удовольствием и появлением в мир нового человека тоже непросто. Нам остается принимать действительность такой, какая она есть. Нет смысла без конца рассуждать о том, какой она должна быть или чего мы могли бы от нее ожидать. И хотя я не вижу, почему это должно быть так, я могу сказать вам, почему я верю, что это действительно так. Я уже объяснил, почему мне приходится верить, что Иисус был (и есть) Бог. И это исторический факт — Он учил Своих последователей, что новая жизнь передается именно этим путем. Иными словами, я верю в это, полагаясь на авторитет Христа. Не пугайтесь, пожалуйста, слова «авторитет». Верить, полагаясь на чей-то авторитет, означает лишь, что вы верите в какую-то вещь, потому что вам сказал о ней тот, кого вы считаете абсолютно достойным доверия. Девяносто девять процентов того, чему вы верите, основано на доверии авторитету.

Я верю, что существует такое место, как Нью-Йорк. Я сам его никогда не видел. Я не могу доказать его существование с помощью абстрактных аргументов. Я верю в это, потому что слышал о его существовании от людей, достойных доверия. Обыкновенный человек верит в солнечную систему, атомы, эволюцию и кровообращение, полагаясь на утверждения ученых, на их авторитет. Да и все решительно сведения наши из области истории — откуда мы их черпаем, как не из утверждений историков, авторитету которых мы доверяем? Ведь никто из нас не был свидетелем норманнских завоеваний или поражения Наполеона при Ватерлоо! Никто из нас не может доказать их чисто логически, как доказываются теоремы в математике. Мы верим в эти факты просто потому, что люди, бывшие свидетелями их, оставили нам свои записи; иными словами, мы верим в них, полагаясь на авторитет этих записей и их авторов. Человеку, который стал бы оспаривать авторитеты в других областях, как некоторые оспаривают и отвергают авторитет в религии, пришлось бы до конца своих дней остаться невеждой.

Не думайте, пожалуйста, что я ратую за крещение, веру и святое причастие как за некие заменители ваших собственных стараний подражать Христу. Вы получили вашу естественную жизнь от своих родителей. Это не значит, что она останется при вас, если вы не будете стараться удерживать ее. Вы можете потерять ее из-за своей беспечности или лишиться ее, совершив самоубийство. Вы должны питать вашу жизнь, бережно относиться к ней. Но всегда при этом помните, что вы не создаете, а только сохраняете ту жизнь, которую вы получили от кого-то другого. Точно так же христианин может потерять жизнь Христа,

если не будет предпринимать определенных усилий, чтобы сохранить ее. Но и самый лучший христианин из когда-либо живших на земле лишь питает и защищает ту жизнь, которую он никогда не сумел бы получить ценою собственных усилий. Из этого вытекают практические выводы. Пока ваша естественная жизнь пребывает в вашем теле, она много способствует поддержанию этого тела и восстановлению его нормальных функций. Порежьтесь — и порезанное место заживет; если тело мертво, этого никогда не случится. Живое тело подвержено повреждениям, но до известной степени оно способно себя ремонтировать. Так и христианин вовсе не человек, который никогда не поступает неправильно; это человек, который способен раскаиваться, собираться с духом и после каждого преткновения начинать все заново, потому что внутри него действует жизнь Христова: она-то и восстанавливает («ремонтирует») его постоянно, давая ему способность вновь и вновь (до известной степени, конечно) проходить через подобие добровольной смерти, через которую прошел и Сам Христос.

Вот почему христиане отличаются от прочих людей, старающихся быть хорошими. Эти люди своими стараниями надеются угодить Богу, если Он существует, а если, по их мнению, Его нет, они, по крайней мере, надеются заслужить одобрение других хороших людей. Христианин же считает, что все хорошее, что он делает, исходит от Христовой жизни, обитающей в нем. Он не думает, что Бог будет любить нас, потому что мы хорошие, но что Бог сделает нас хорошими, потому что любит нас: точно так же крыша теплицы не притягивает солнца из-за того, что она блестит; напротив, она блестит оттого, что на нее падают солнечные лучи.

И позвольте мне пояснить кое-что еще. Когда христиане говорят, что они имеют в себе Христову жизнь, они не подразумевают чего-то умственного или морального. Когда они говорят о пребывании «во Христе» или о пребывании Христа «в них», это не значит, что они просто думают о Христе или стараются Ему подражать. Они имеют в виду, что Христос в самом деле действует через них: что все христиане вместе представляют из себя единый организм, через который действует Христос, что мы Его пальцы, мускулы, клетки Его тела.

Возможно, в этом — объяснение одной или двух вещей. Почему новая жизнь передается не только посредством умственных, душевных актов, таких, как вера, но и посредством таких, в которые мы включены телесно, — через крещение и святое причастие? Всеми этими актами предусмотрена не одна лишь передача идеи; скорее это напоминает эволюцию — некий биологический или сверхбиологический факт. Сделать человека существом чисто духовным Бог никогда не намеревался. Вот почему Он использует такие материальные вещи, как хлеб и вино, чтобы вложить в нас новую жизнь. Нам может это показаться чем-то примитивным и недуховным. Но Бог так не считает. Он изобрел еду. Он любит материю. Он изобрел ее.

Для меня была загадкой еще одна вещь. Не правда ли, ужасная несправедливость, что этой новой жизнью наделяются только те, которые имели возможность услышать о Христе и поверить в Него? Однако Бог не сказал нам, как Он собирается поступить с остальными людьми. Мы знаем, что ни один человек не может спастись иначе как через Христа, но нам не сказано, что только те, которые знают Его, могут спастись через Него. Так или иначе, если вас волнует судьба тех, которые остаются за бортом, самым неразумным было бы оставаться там самому. Христиане — это тело Христа, организм, через который Он действует. Всякое добавление к Его телу позволяет Ему делать больше. Если вы хотите помочь тем, кто за бортом, вы должны прибавить свою собственную маленькую клетку к телу Христа, Который Один во всей Вселенной способен помочь им. Стремясь увеличить производительность труда, довольно странно отрезать пальцы на руке.

Другое возможное возражение в следующем. Почему Бог сходит на оккупированную врагом территорию инкогнито и основывает своего рода тайное общество, чтобы одолеть дьявола? Почему Он не сходит в силу, чтобы завоевать территорию? Может быть, Он недостаточно силен? Что ж, христиане считают, что Он и сойдет в силу, только мы не знаем когда. Однако мы можем догадываться, почему Он медлит. Он хочет предоставить нам

возможность стать на Его сторону добровольно. Я не думаю, что мы с вами отнеслись бы с большим уважением к тому французу, который прождал бы, пока армии союзных держав оккупировали Германию, и только тогда заявил бы, что он на нашей стороне.

Бог завоеует этот мир. Но мне интересно знать, понимают ли по-настоящему те люди, которые просят у Бога открытого и прямого вмешательства в дела нашего мира, что произойдет, когда это случится. Ведь это будет конец мира. Когда автор выходит на сцену, это значит, что спектакль окончен.

Бог собирается завоевать этот мир; но какая для вас будет польза говорить, что вы на Его стороне, тогда, когда на ваших глазах будет плавиться и исчезать вся материальная Вселенная? Что-то, о чем вы никогда не задумывались, войдет в наш мир, сокрушая все на своем пути; что-то столь прекрасное для одних и такое ужасное для других, что ни у кого из нас уже не останется никакого выбора. На этот раз Бог придет не инкогнито; это будет явление такой небывалой силы, что в каждом существе оно вызовет либо непреодолимую любовь, либо непреодолимый ужас. Но выбирать, на чьей вы стороне, будет тогда слишком поздно. Бессмысленно говорить, что вы предпочли лечь, когда встать оказалось невозможно. Это не будет время выбора; это будет время, когда нам станет ясно, чью сторону мы избрали, независимо от того, сознавали мы это или нет.

Сейчас, сегодня, в этот самый момент, у нас еще есть возможность сделать правильный выбор. Бог медлит, чтобы предоставить нам ее. Но это не будет длиться вечно. Мы должны принять ее, либо отвергнуть.

Книга III. ХРИСТИАНСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

ТРИ ЧАСТИ МОРАЛИ

Рассказывают об одном ученике, которого спросили, как он представляет себе Бога. Тот ответил, что, насколько он понимает, Бог — это «такая личность, которая постоянно следит, не живет ли кто в свое удовольствие, и когда Он замечает такое, то вмешивается, чтобы это прекратить». Боюсь, что именно в таком духе понимают многие люди слово «мораль»: то, что мешает нам получать удовольствие.

В действительности же моральные нормы — это инструкции, обеспечивающие правильную работу человеческой машины. Каждое из правил морали нацелено на то, чтобы предотвратить поломку, или перенапряжение, или трение. Вот почему на первый взгляд кажется, будто они постоянно вмешиваются в нашу жизнь и препятствуют проявлению наших природных наклонностей.

Когда вы учитесь, как работать на какой-нибудь машине, инструктор то и дело поправляет вас: «Нет, не так, никогда не делайте этого», потому что в обращении с машиной у вас постоянно возникает искушение что-то попробовать или сделать, что вам представляется естественным и удачным, но на самом деле машина сломается.

Некоторые люди предпочитают говорить о нравственных «идеалах» вместо того, чтобы говорить о правилах морали, и о нравственном «идеализме» — вместо подчинения правилам морали. Конечно, совершенно верно, что совершенство в вопросах морали это «идеал» в том смысле, что мы не можем его достичь. В этом смысле все, что совершенно, для нас, людей, — идеал; мы не можем стать совершенными водителями или совершенными теннисистами, мы не можем провести совершенно прямую линию. Но с другой точки зрения называть моральное совершенство «идеалом» — значит вводить людей в заблуждение. Когда человек говорит, что какая-то женщина, или дом, или корабль, или сад — его идеал, он не имеет в виду (если он не совсем дурак), что все остальные должны иметь тот же самый идеал. В таких вопросах наше право — иметь разные вкусы и, следовательно, разные идеалы. Но называть идеалистом человека, изо всех сил старающегося соблюдать законы

морали, было бы опасным. Это может привести на мысль, что стремление к моральному совершенству — дело его вкуса и мы, остальные, не обязаны этот вкус разделять. Подобная мысль была бы катастрофической ошибкой.

Совершенное поведение может быть таким же недостижимым, как совершенное переключение скоростей в автомобиле; но это необходимый идеал, предписанный всем людям самой природой человеческой машины, точно так же как совершенное переключение скоростей — идеал для всех водителей в силу самой природы автомобиля. Еще опасней считать самого себя человеком высоких идеалов, оттого что вы стараетесь никогда не говорить лжи (вместо того чтобы лгать лишь изредка), или никогда не совершать прелюбодеяния (вместо того чтобы совершать его крайне редко), или никогда не впадать в раздражение (а не просто быть умеренно раздражительным). Вы рисковали бы стать педантом и резонером, полагающим, что он — человек особенный, заслуживающий поздравлений за свой идеализм. На деле у вас столько же оснований ожидать поздравлений за то, что при сложении чисел вы стараетесь получить правильный ответ. Нет сомнений, что совершенное вычисление — это идеал; вы, безусловно, делаете временами ошибки. Однако нет особой заслуги, если вы стараетесь считать внимательно. Предельно глупо было бы не стараться, потому что любая ошибка принесет вам неприятности. Точно так же каждый моральный проступок чреват неприятностями, возможно — для других и непременно — для вас. Когда мы говорим о правилах и подчинении вместо «идеалов» и «идеализма», мы тем самым напоминаем себе об этих фактах.

Теперь сделаем еще один шаг вперед. Человеческая машина может выходить из строя двумя путями. Один — это когда человеческие индивиды удаляются друг от друга или, наоборот, когда они сталкиваются и причиняют друг другу вред обманом или грубостью. Второй — когда что-то ломается внутри индивида, то есть когда части его, атрибуты (например, способности, желания и т. п.) противоречат одно другому либо приходят в столкновение друг с другом.

Вам проще будет понять эту идею, если вы представите нас в виде кораблей, плывущих в определенном порядке. Плавание будет успешным только в том случае, если, во-первых, корабли не сталкиваются и не преграждают пути друг другу и, во-вторых, если каждый корабль годен к плаванию и двигатель у каждого — в полном порядке. Необходимо, чтобы исполнялись оба эти условия. Ведь если корабли будут постоянно сталкиваться, они скоро станут непригодными к плаванию. С другой стороны, если штурвалы не в порядке, они не смогут избежать столкновений. Или, если хотите, представьте себе человечество в виде оркестра, исполняющего какую-то мелодию. Чтобы игра получалась слаженной, необходимы два условия. Каждый инструмент должен быть настроен и каждый должен вступать в положенный момент, чтобы не нарушать общей гармонии.

Но мы с вами не учли одного. Мы не спросили, куда собирается наш флот или какую мелодию хочет сыграть наш оркестр. Инструменты могут быть хорошо настроенными, и каждый из них может вступать в нужный момент, но и в этом случае выступление не будет успешным, если музыкантам заказана танцевальная музыка, а они исполняют похоронный марш. И как бы хорошо ни проходило плавание, оно обернется неудачей, если корабли приплывут в Калькутту, тогда как порт их назначения — Нью-Йорк.

Соблюдение моральных норм связано, таким образом, со следующими тремя вещами. Первое — с честной игрой и гармоническими отношениями между людьми. Второе — с тем, что можно было бы назвать наведением порядка внутри самого человека. И наконец, третье — с определением общей цели человеческой жизни; с тем, для чего человек создан; с тем, по какому курсу должен следовать флот; какую мелодию избирает для исполнения дирижер оркестра.

Вы, быть может, заметили, что наши современники почти всегда помнят о первом условии и забывают о втором и третьем. Когда пишут в газетах, что мы боремся за доброту и честную игру между нациями, классами и отдельными людьми, это и значит, что думают только о первом условии. Когда человек говорит о том, что он хочет сделать: «В этом нет

ничего плохого, потому что это никому не вредит», — он думает только о первом условии. Он считает, что внутреннее состояние его корабля не имеет значения, если только оно не грозит столкновением кораблю соседнему. И вполне естественно, что, когда мы начинаем думать о морали, первое, что нам приходит в голову, — это общественные отношения. Почему? Да потому что, во-первых, последствия низкого морального состояния общества очевидны и давят на нас повседневно: это война и нищета, взяточничество и ложь, плохая работа. Кроме того, по первому пункту у нас почти не бывает разногласий с другими людьми. Почти все люди во все времена соглашались (в теории) с тем, что человеческие существа должны быть честными, добрыми, должны помогать друг другу. Однако, хотя и естественно с этого начинать, нельзя ставить на этом точку, ибо в таком случае вообще не было бы смысла размышлять о морали. До тех пор, пока мы не перейдем ко второму условию, мы будем лишь обманывать самих себя.

Разумно ли ожидать от капитанов, что они станут так поворачивать штурвалы, чтобы корабли их не сталкивались между собой, если сами корабли — старые, разбитые посудины, и штурвалы вообще не поворачиваются? Какой смысл записывать на бумаге правила общественного поведения, если мы знаем, что жадность, трусость, дурной характер и самомнение помешают нам эти правила выполнить? Я ни на секунду не предлагаю вам отказаться от мысли, и мысли серьезной, об улучшении нашей общественной и экономической системы. Я только хочу сказать, что все эти размышления о морали останутся просто «солнечным зайчиком», пока мы не поймем: ничто, кроме мужества и бескорыстия каждого человека, не заставит какую бы то ни было общественную систему работать, как надо. Не так уж трудно избавить граждан от тех или иных нарушений уголовного кодекса, скажем, взяточниками и хулиганами; но пока остаются взяточники и хулиганы, сохраняется угроза, что они протопчут себе новые дорожки, чтобы продолжить старую игру. Вы не можете сделать человека хорошим с помощью закона. А без хороших людей у вас не может быть хорошего общества. Вот почему нам не избежать второго условия, нравственного преобразования самого человека.

Здесь, я думаю, мы не сможем остановиться. Мы подходим сейчас к той точке, откуда расходятся различные линии поведения, в зависимости от несхожих представлений о Вселенной. Возникает соблазн тут и остановиться и стараться лишь придерживаться тех нравственных норм, с которыми соглашаются все разумные люди. Но можем ли мы это сделать? Не забывают, что религия включает в себя ряд таких утверждений, которые либо соответствуют истине, либо они заблуждение. Если они истинны, из этого следуют одни заключения относительно того, правильным ли курсом следует человеческий флот, если ошибочны — то совершенно другие. Вернемся, например, к тому человеку, который утверждает, что поступок, не причиняющий вреда другому, не может считаться плохим. Он прекрасно понимает, что не должен причинять повреждений ни одному кораблю. Но он искренне полагает: что бы он ни делал со своим кораблем — это касается лишь его одного. Однако вопрос в том, является ли этот корабль его собственностью? Разве не важно, господин ли я моего собственного разума и тела, или только квартирант, ответственный перед настоящим хозяином? Если меня создал кто-то другой для своих целей, я несу перед ним ответственность, которой бы не имел, если бы принадлежал только себе.

Далее: христианство заявляет, что каждый человек будет жить вечно, и это — либо истина, либо заблуждение. Из этого вытекает, что если мне суждено прожить каких-нибудь 70 лет, то о множестве вещей мне едва ли надо беспокоиться, но о них стоило бы беспокоиться, и очень серьезно, если бы мне предстояло жить вечно. Возможно, мой дурной характер становится все хуже или присущая мне зависть постоянно прогрессирует, но это происходит настолько постепенно, что изменения в худшую сторону, накопившиеся во мне за семьдесят лет, практически незаметны. Однако за миллион лет мои недостатки могли бы развиться во что-то ужасное. И если христианство не ошибается, «ад» — абсолютно верный технический термин, передающий то состояние, в какое приведут меня за миллионы лет зависть и дурной характер.

Затем проблема смертности или бессмертия человека обуславливает в конечном счете правоту тоталитаризма или демократии. Если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, или нация, или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу лет, безусловно, представляют большую ценность. Но если право христианство, то индивидуум не только важнее, а несравненно важнее, потому что он вечен и жизнь государства или цивилизации — лишь миг по сравнению с его жизнью.

Вот и выходит, что, если мы намерены задуматься о морали, нам придется думать обо всех трех разделах: об отношении человека к человеку, о внутреннем состоянии человека и об отношениях между человеком и той Силой, которая сотворила его. Мы все в состоянии прийти к согласию относительно первого пункта. Разногласия начинаются со второго и становятся очень серьезными, когда мы доходим до третьего пункта. Именно здесь проявляются основные различия между христианской и нехристианской моралью. В остальной части книги я собираюсь исходить из предпосылок христианской морали и из того, что христианство — право. На этом основании я и попытаюсь представить картину в целом.

II ГЛАВНЫЕ ДОБРОДЕЛИ

Предыдущий раздел был первоначально составлен как краткая радиобеседа.

Если вам разрешается говорить только 10 минут, то приходится жертвовать всем ради краткости. Рассуждая о морали, я как бы поделил ее на три части (предложив пример с кораблями, плывущими конвоем), ибо хотел «охватить вопрос» и при этом быть как можно лаконичнее. Ниже я хочу познакомить вас с тем, как подразделяли это авторы прошлого. Они подходили к этому очень интересно, но для радиобесед их метод неприменим, так как требует очень много времени.

Согласно с этим методом существуют семь добродетелей. Четыре из них называются главными (или кардинальными), а остальные три — богословскими. Главные добродетели — это те, которые признают все цивилизованные люди. О богословских или теологических добродетелях знают, как правило, только христиане. Я подойду к этим теологическим добродетелям позднее. В настоящий момент меня занимают только четыре главные добродетели. Кстати, слово «кардинальные» не имеет ничего общего с «кардиналами» римской католической церкви. Оно происходит от латинского слова, означающего дверную петлю. Эти добродетели названы кардинальными, потому что они, так сказать, основа. К ним относятся благоразумие, воздержанность, справедливость и стойкость.

Благоразумие означает практический здравый смысл. Человек, обладающий им, всегда думает о том, что делает и что может из этого выйти. В наши дни большинство людей едва ли считают благоразумие добродетелью. Христос сказал, что мы сможем войти в Его мир, только если уподобимся детям, и христиане сделали вывод: если вы «хороший» человек, то, что вы глупы, роли не играет. Это не так. Во-первых, большинство детей проявляют достаточно благоразумия в делах, которые действительно для них интересны, и довольно тщательно их обдумывают. Во-вторых, как заметил апостол Павел, Христос совсем не имел в виду, чтобы мы оставались детьми по разуму. Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только «кроткими, как голуби», но и «мудрыми, как змеи». Он хочет, чтобы мы, как дети, были просты, недвуличны, любвеобильны, восприимчивы. Но еще Он хочет, чтобы каждая частица нашего разума работала в полную силу и пребывала в первоклассной форме. То, что вы даете деньги на благотворительные цели, не значит, что вам не следует проверить, не идут ли ваши деньги в руки мошенников. То, что ваши мысли заняты Самим Богом (например, когда вы молитесь), не значит, что вы должны довольствоваться теми представлениями о Нем, которые были у вас в пять лет. Нет сомнений в том, что людей с недалеким от рождения разумом Бог будет любить и использовать не меньше, чем наделенных блестящим умом. У Него и для них есть место. Но Он хочет, чтобы каждый из нас в полной мере пользовался теми умственными способностями, которые нам отпущены. Цель не в том, чтобы быть

хорошим и добрым, предоставляя привилегию быть умными другим, а в том, чтобы быть хорошим и добрым, стараясь при этом быть настолько умным, насколько это в наших силах. Богу противна лень интеллекта, как и любая другая.

Если вы собираетесь стать христианином, я хочу предупредить вас, что это потребует от вас полной отдачи и разума вашего, и всего остального. К счастью, это полностью компенсируется: всякий, кто искренне старается быть христианином, вскоре начинает замечать, как все острее становится его разум. Здесь одна из причин, почему не требуется специального образования, чтобы стать христианином: христианство — образование само по себе. Вот почему такой необразованный верующий, как Бенъян, сумел написать книгу, которая поразила весь мир.

Воздержанность — одно из тех слов, значение которых, к сожалению, изменилось. Сегодня оно обычно означает полный отказ от спиртного. Но в те дни, когда вторую из главных добродетелей окрестили «воздержанностью», это слово ничего подобного не означало. Воздержанность относилась не только к выпивке, но и ко всем удовольствиям, и предполагала не абсолютный отказ от них, но способность чувствовать меру, предаваясь удовольствиям, не переходить в них границы. Было бы ошибкой считать, что все христиане обязаны быть непьющими; мусульманство, а не христианство запрещает спиртные напитки. Конечно, в какой-то момент долгом христианина может стать отказ от крепких напитков — он чувствует, что не может вовремя остановиться, если начнет пить, либо находится в обществе людей, склонных к чрезмерной выпивке, и не должен поощрять их примером. Но суть в том, что он воздерживается в силу определенных, разумных причин от того, чего вовсе не клеймит. Некоторым скверным людям свойственна такая особенность: они не в состоянии отказаться от чего бы то ни было «в одиночку»; им надо, чтоб от этого отказались и все остальные. Это не христианский путь. Какой-то христианин может счесть для себя необходимым отказаться в силу тех или иных причин от брака, от мяса, от пива, от кино. Но когда он начнет утверждать, что все эти вещи плохи сами по себе, или смотреть свысока на тех людей, которые в этих вещах себе не отказывают, он встанет на неверный путь.

Большой вред был нанесен смысловым сужением слова. Благодаря этому люди забывают, что точно так же можно быть неумеренным во многом другом. Мужчина, который смыслом своей жизни делает гольф или мотоцикл, либо женщина, думающая лишь о нарядах, об игре в бридж или о своей собаке, проявляет такую же «неумеренность», как и пьяница, напивающийся каждый вечер. Конечно, их «неумеренность» не выступает столь явно — они не падают на тротуар из-за своей бриджмании или гольфомании. Но можно ли обмануть Бога внешними проявлениями!

Справедливость относится не только к судебному разбирательству. Это понятие включает в себя честность, правдивость, верность обещаниям и многое другое. И стойкость предполагает два вида мужества: то, которое не боится смотреть в лицо опасности, и то, которое дает человеку силы переносить боль. Вы, конечно, заметите, что невозможно достаточно долго придерживаться первых трех добродетелей без участия четвертой.

И еще на одно необходимо обратить внимание: совершить какой-нибудь благоразумный поступок и проявить выдержку — не то же самое, что быть благоразумным и воздержанным. Плохой игрок в теннис может время от времени делать хорошие удары. Но хорошим игроком вы называете только такого человека, у которого глаз, мускулы и нервы настолько натренированы в серии бесчисленных отличных ударов, что на них действительно можно положиться. У такого игрока они приобретают особое качество, которое свойственно ему даже тогда, когда он не играет в теннис. Точно так же уму математика свойственны определенные навыки и угол зрения, которые постоянно присущи ему, а не только когда он занимается математикой. Подобно этому человек, старающийся всегда и во всем быть справедливым, в конце концов развивает в себе то качество характера, которое называется справедливостью. Именно качество характера, а не отдельные поступки имеем мы в виду, когда говорим о добродетели.

Различие это важно понять, ибо приравнивая отдельные поступки к качеству характера,

мы рискуем ошибиться трижды.

1. Мы могли бы подумать, что если в каком-то деле поступили правильно, то не имеет значения, как и почему мы так поступили — добровольно или по принуждению, сетуя или радуясь, из страха перед общественным мнением или ради самого дела. Истина же в том, что добрые поступки, совершенные не из доброго побуждения, не способствуют формированию того качества нашего характера, имя которому добродетель. А именно такое качество и имеет значение. Если плохой теннисист ударит по мячу изо всех сил не из-за того, что в данный момент такой удар требуется, а из-за того, что он потерял терпение, то по чистой случайности его удар может помочь ему выиграть эту партию: но никак не поможет ему стать надежным игроком.

2. Мы могли бы подумать, что Бог лишь хочет от нас подчинения определенному своду правил, тогда как на самом деле Он хочет, чтобы мы стали людьми особого сорта.

3. Мы могли бы подумать, что добродетели необходимы только для этой жизни, в другом мире нам не надо будет стараться быть справедливыми, потому что там нет причин для раздоров; нам не придется проявлять смелость, потому что там не будет опасности. Возможно, все это так, и в мире ином нам не представится случая бороться за справедливость или проявлять храбрость. Но там нам, безусловно, потребуется быть людьми такого сорта, какими мы могли бы стать, только если б мужественно вели себя здесь, боролись за справедливость в нашей земной жизни. Суть не в том, что Бог не допустит нас в Свой вечный мир, если мы не обладаем определенными свойствами характера, а в том, что если здесь люди не обретут, по крайней мере, зачатков этих качеств, никакие внешние условия не смогут создать для них «рая», то есть дать им глубокое, незыблемое, великое счастье, такое счастье, какого желает для нас Бог.

III ОБЩЕСТВЕННЫЕ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

Относительно той части христианской морали, которая касается человеческих взаимоотношений, в первую очередь необходимо уяснить следующее: Христос приходил не для того, чтобы проповедовать какую-то совершенно новую мораль. Золотое правило Нового завета — поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, — лишь резюме того, что в глубине души каждый принимает за истину. Великие учителя нравственности никогда не выдвигали каких-то новых правил: этим занимались лишь шарлатаны и маньяки. Кто-то сказал: «Людям гораздо чаще надо напоминать, чем учить их чему-то новому». Истинная задача каждого учителя нравственности в том, чтобы снова и снова возвращать нас обратно к простым, старым принципам, которые мы все то и дело упускаем из виду; подобно тому как вы снова и снова приводите лошадь к барьеру, через который она отказывается прыгать; подобно тому как вы снова и снова заставляете ребенка возвращаться к тому разделу урока, от которого он норовит увильнуть.

Вторая вещь, которую следует себе уяснить относительно христианства, состоит в следующем: у него нет (и оно не утверждает, что есть) детально разработанной политической программы для применения в каком бы то ни было обществе, в определенный момент принципа: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Нет и быть не может. Ведь христианство рассчитано на всех людей, на все времена, а конкретная программа, подходящая для какого-то одного времени и места, не подошла бы для других. Да и принцип работы у христианства совсем иной. Когда оно говорит вам, чтобы вы накормили голодного, то не дает вам урока кулинарии. Или когда говорит, чтобы вы читали Библию, то не преподает вам древнееврейскую, или греческую, или, скажем, английскую грамматику. Христианство никогда не преследовало цели подменить собою или вытеснить ту или иную отрасль человеческого знания; оно скорее выступает как направляющий фактор, как некий руководитель, который каждой отрасли знания (или искусства) отводит соответствующую роль; оно источник энергии, который способен во всех них вдохнуть новую жизнь, если только они отдадут себя в полное его распоряжение.

Люди говорят: «Церковь должна руководить нами». Это верно, если верно их представление о церкви; и ошибочно, если оно неправильно. Под церковью следует подразумевать всех истинно и активно верующих христиан земли вместе взятых. Тогда тезис «Церковь должна руководить нами» обретает следующее содержание: те христиане, которые наделены соответствующими талантами, должны быть, скажем, экономистами и государственными деятелями и все экономисты и государственные деятели должны быть христианами; и все их усилия в политике и экономике должны быть направлены на претворение в жизнь Золотого правила Нового завета.

Если бы так случилось и если бы мы, остальные, были действительно готовы принять это, тогда мы нашли бы христианское решение всех наших социальных проблем довольно быстро. Но на деле под руководящей ролью церкви большинство понимает некий направляемый духовенством политический курс или разработку церковными деятелями особой политической программы. Это глупо. Церковнослужители — особая группа людей в пределах церкви, которые избраны и специально подготовлены для наблюдения за такими вещами, которые важны для нас, потому что мы предназначены для вечной жизни. А мы просим этих людей взяться за дело, которому они никогда не учились. Политикой и экономикой следует заниматься, за них надо отвечать нам, рядовым верующим. Применение христианских принципов к профсоюзной деятельности или к образованию должно исходить от христианских профсоюзных деятелей и христианских учителей; точно так же как христианскую литературу создают христианские писатели и драматурги, а не епископы, собравшиеся вместе и пытающиеся писать в свободное время повести и романы.

И тем не менее Новый завет, не вдаваясь в детали, дает нам довольно ясный намек на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он дает нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: «Кто не работает, да не ест». Каждый должен был бы трудиться, и труд каждого приносил бы пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в еще более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. Этому обществу чужды чванливость, зазнайство, притворство.

В каком-то смысле христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних «левых». С другой стороны, христианство решительно настаивает на послушании, покорности (и внешнем уважении) представителям власти, которые соответствовали бы занимаемому положению, покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жен своим мужьям. Далее, общество это должно быть жизнерадостным.

Беспокойство и страх должны в нем рассматриваться как отклонение от нормы. Естественно, члены его взаимно вежливы, так как вежливость — тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и по существу — прогрессивна, а семейные отношения и стиль поведения выглядят довольно старомодно — возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравились бы отдельные частицы такого общества, но я боюсь, что мало кому из нас понравилось бы все как есть.

Именно этого и следовало бы ожидать, если бы мы на основе христианства пытались составить генеральный план для всего человеческого содружества. Ведь все мы так или иначе отошли от этого единого плана, и каждый из нас пытается сделать вид, будто изменения, вносимые им лично — и есть самый план. Вы убеждаетесь в этом всякий раз, когда сталкиваетесь с теми или иными аспектами христианства: каждому нравятся те или иные стороны, которые он хотел бы объявить незыблемыми, отказавшись от всего остального. Поэтому-то нам не слишком удается продвинуться вперед; поэтому-то люди, борющиеся, в сущности, за противоположные вещи, утверждают, что именно они борются за торжество

христианства.

Еще одно: древние греки, евреи Ветхого Завета и великие христианские мыслители средневековья дали нам совет, который совершенно игнорирует современная экономическая система. Все люди прошлого предостерегали: не давайте деньги в рост. Однако одалживание денег под проценты — то, что мы называем «помещением капитала», — основа всей нашей системы. Делать отсюда категорический вывод, что мы не правы, не следует. Некоторые люди говорят: Моисей, Аристотель и христиане едины во мнении, что «ростовщичество» следует запретить, ибо они не могли предвидеть акционерных обществ. Они имели в виду только индивидуальных ростовщиков, и предостережение их не должно нас беспокоить.

Тут я ничего не могу сказать. Я не экономист и просто не знаю, виновата или нет эта система вложения капитала в состоянии современного общества. Это именно та область, где нам нужен христианин-экономист. Но просто нечестно не сказать вам, что три великие цивилизации единодушно (по крайней мере, на первый взгляд) сошлись на осуждении того, на чем основана вся наша жизнь.

Еще одно, прежде чем я покончу с этим. В том стихе Нового завета, где говорится, что каждый должен работать, указывается и причина: «...трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся» (Еф. 4, 28). Благотворительность, то есть забота о бедных, существенная часть христианской морали. В пугающей притче об овцах и козлах дается как бы стержень, вокруг которого вращается все остальное. В наши дни некоторые люди говорят, что в благотворительности нет необходимости. Вместо этого мы должны создать такое общество, в котором не будет бедных. Они, возможно, абсолютно правы, мы должны создать такое общество. Но если кто-нибудь думает, что из-за этого мы можем уже сейчас прекратить благотворительную деятельность, такой человек отходит от христианской морали. Не думаю, чтобы кто-нибудь мог точно установить, сколько следует давать бедным. Я боюсь, единственный способ избежать ошибки — давать больше, чем мы можем отложить. Иными словами, если мы расходует на удобства, роскошь, удовольствия приблизительно столько же, сколько другие люди с таким же доходом, то на благотворительные цели мы, видимо, даем слишком мало. И если, давая, мы не ощущаем никакого ущерба для себя, значит, мы даем недостаточно. Должны быть такие желанные для нас вещи, от которых нам приходится отказываться, потому что наши расходы на благотворительность делают их недоступными. Я говорю сейчас об обычных случаях. Когда случается несчастье с нашими родственниками, друзьями, соседями или сотрудниками, Бог может потребовать гораздо больше, вплоть до того, что наше собственное положение окажется под угрозой. Для многих из нас величайшее препятствие к благотворительности — не любовь к роскоши или деньгам, а неуверенность в завтрашнем дне. Этот страх чаще всего — искушение. Иногда нам мешает тщеславие; мы поддаемся искушению истратить больше, чем следует, на показную щедрость (чаевые, гостеприимство) и меньше, чем следует, на тех, кто действительно нуждается в помощи.

А сейчас, прежде чем я закончу, я постараюсь угадать, как подействовал этот раздел книги на тех, кто его прочитал. Я предполагаю, что среди читателей есть так называемые «левые», которых возмутило, что я не пошел дальше. Люди же противоположных взглядов, вероятно, думают, что я, наоборот, слишком далеко зашел влево. Если так, то в наших проектах построения христианского общества мы наталкиваемся на камень преткновения. Дело в том, что большинство из нас подходит к этому не с целью выяснить, что говорит христианство, а с надеждой найти в христианстве поддержку собственной точке зрения. Мы ищем союзника там, где нам предлагается либо Господин, либо Судья. К сожалению, и сам я — такой же. В этом разделе есть мысли, которые я хотел бы опустить. Вот почему подобные разговоры ни к чему не приведут, если мы не готовы пойти длинным, кружным путем. Христианское общество не возникнет до тех пор, пока большинство не захочет его по-настоящему; а мы не захотим его по-настоящему, пока не станем христианами. Я могу повторять Золотое правило, пока не посинею, однако не стану ему следовать, пока не научусь любить ближнего, как самого себя. А я не научусь любить ближнего, как самого себя, до тех

пор, пока не научусь любить Бога. Но я могу научиться любить Бога только тогда, когда я научусь повиноваться Ему. Словом, как я и предупреждал, это ведет нас к проблеме нашего внутреннего «я», то есть от вопросов социальных — к вопросам религиозным. Ибо самый длинный круговой путь — кратчайший путь домой.

IV МОРАЛЬ И ПСИХОАНАЛИЗ

Я сказал, что нам не удастся установить христианского общества до тех пор, пока большинство из нас не станет христианами. Это, конечно, не значит, что мы можем отказаться от преобразований общества вплоть до какой-то воображаемой даты. Напротив, нам следует взяться за два дела одновременно: первое — мы должны искать все возможные пути для применения Золотого правила в современном обществе; и второе — мы сами должны стремиться стать такими людьми, которые действительно будут применять это правило, если увидят, как это делать. А сейчас я хочу начать разговор о том, что такое «хороший человек» в христианском понимании.

Прежде чем я перейду к деталям, я хотел бы остановиться на двух пунктах более общего характера.

Во-первых, христианская мораль объявляет себя инструментом, который способен наладить человеческую машину, и, я думаю, вам интересно узнать, есть ли что-нибудь общее у христианства с психоанализом, который как будто бы предназначен для той же цели. Тут нам придется установить четкое разграничение между двумя вопросами: между существующими медицинскими теориями и техникой психоанализа, с одной стороны, и общим философским взглядом на мир, который Фрейд и другие связывали с психоанализом, — с другой. Философия Фрейда прямо противоречит христианству и философии другого великого психолога — Юнга. Когда Фрейд говорит о том, как лечить неврозы, он рассуждает как специалист в своей области. Но когда он переходит к вопросам философии, то превращается в любителя. Поэтому есть все основания прислушиваться к нему в первом случае, но не во втором. Именно так я и поступаю, и с тем большей уверенностью, что убедился: когда Фрейд оставляет свою тему и принимается за другую, которая мне знакома (я имею ввиду языкознание), то проявляет крайнее невежество. Однако сам психоанализ, независимо от всех философских обоснований и выводов, которые делают из него Фрейд и его последователи, ни в какой мере не противоречит христианству. Его методика перекликается с христианской моралью во многих пунктах. Поэтому неплохо, если бы каждый проповедник познакомился — более или менее — с психоанализом. Но надо при этом помнить, что психоанализ и христианская мораль не идут рука об руку от начала и до конца, поскольку задачи перед ними поставлены разные.

Когда человек делает выбор в области морали — налицо два процесса. Первый — сам акт выбора. Второй — проявление различных чувств, импульсов и тому подобного, зависящих от психологической установки человека и как бы являющихся тем сырьем, из которого «лепится» решение. Существуют два вида такого сырья. В основе первого лежат чувства, которые мы называем нормальными, поскольку они типичны для всех людей. Второй — определяется набором более или менее неестественных чувств, вызванных какими-то отклонениями от нормы на уровне подсознания.

Страх перед теми или иными вещами, которые действительно представляют опасность, будет примером первого вида: безрассудный страх перед кошками или пауками — примером второго вида. Стремление мужчины к женщине относится к первому виду; извращенное стремление одного мужчины к другому — ко второму. Что же делает психоанализ? Он старается избавить человека от противоестественных чувств, чтобы предоставить ему более доброкачественное «сырье» в момент морального выбора. Мораль же имеет дело с самими актами выбора.

Давайте рассмотрим это на примере. Представьте себе, что трое мужчин отправляются на войну. Один из них испытывает естественный страх перед опасностью, свойственный

каждому нормальному человеку; он подавляет этот страх с помощью нравственных усилий и становится храбрым. Теперь предположим, что двое других из-за отклонений в подсознании страдают преувеличенным страхом, победить который не дано никаким нравственным усилиям. Далее представим, что в военное подразделение, где они служат, приезжает психоаналитик, исцеляет их от противоестественного страха и теперь эти двое ничем не отличаются от первого, нормального мужчины. Это разрешение психологических проблем. Однако тут-то и возникает проблема нравственная. Почему? Да потому, что теперь, когда оба страдавших отклонениями от нормы излечились, они могут избрать совершенно разные линии поведения. Первый из них может сказать: «Слава Богу, я избавился от этого идиотского страха. Теперь я могу делать то, к чему всегда стремился, — исполнять свой долг перед родиной».

Однако другой может рассудить иначе: «Ну что ж, я очень рад, что сейчас я чувствую себя сравнительно спокойно под пулями. Но это, конечно, не меняет моего намерения. Чем лезть в пекло самому, позволю кому-нибудь другому, если только представится возможность, принять огонь на себя. Вот хорошо! Теперь я смогу уберечь себя, не привлекая при этом внимания».

Разница — чисто моральная, психоанализ в этом случае бессилён. Как бы вы ни улучшали исходное «сырьё», вам все-таки придется столкнуться со свободным выбором, который, в конечном счете, продиктован тем, на какое место человек ставит свои интересы — на первое или на последнее. Именно нашим свободным выбором — и только им — определяется мораль.

Плохой психологический материал — не грех, а болезнь. Тут требуется не покаяние, а лечение. Это, между прочим, очень важно понимать. Люди судят друг о друге по внешним проявлениям. Бог судит нас на основе того морального выбора, который мы делаем. Когда психически больной человек, испытывающий патологический страх к кошкам, движимый добрыми побуждениями, заставляет себя подобрать котенка, вполне возможно, что в глазах Бога он проявляет больше мужества, чем здоровый человек, награжденный медалью за храбрость в сражении. Когда человек, крайне испорченный с детства, привыкший думать, что жестокость — это достоинство, проявляет хоть немножечко доброты или воздерживается от жестокого поступка и, таким образом, рискует быть осмеянным друзьями, он, быть может, в глазах Бога делает больше, чем сделали бы мы с вами, пожертвовав жизнью ради друга.

К этой же самой идее можно подойти и с другой стороны. Многие из нас производят впечатление очень милых, славных людей. Но на деле, возможно, мы приносим лишь незначительную часть той пользы, которую могли бы принести, принимая во внимание нашу хорошую наследственность и отличное воспитание. Поэтому в действительности мы хуже, чем те, кого сами считаем злодеями. Можем ли мы с уверенностью сказать, как бы мы себя повели, если бы были наделены психологическими комплексами, да вдобавок плохо воспитаны и, сверх всего, получили бы власть, ну, скажем, Гимmlера? Вот почему христианам сказано: не судите.

Мы видим только плоды, которые получились из сырья вследствие выбора, сделанного человеком. Но Бог судит его не за качество сырья, а за то, как он использовал его. Большая часть психологических свойств зависит от физиологических особенностей, но когда тело отмирает, остается лишь нетленный истинный человек, который выбирал и теперь несет ответственность за лучшее или худшее использование того материала, что был в его распоряжении. Всевозможные добродетельные поступки, которые мы считали проявлением наших собственных достоинств, были, оказывается, результатом нашего хорошего пищеварения, и они не зачтутся нам; не зачтется и другим многое плохое, что совершали они по причине различных комплексов или плохого здоровья. И тогда, наконец, мы впервые увидим каждого таким, каков он есть. Нас ожидает немало сюрпризов.

Все это ведет ко второму пункту. Люди часто думают о христианской морали как о сделке. Бог говорит: «Если вы выполните столько-то правил, я награжу вас. А если вы не будете их соблюдать, то поступлю с вами иначе». Я не думаю, что это наилучшее понимание

христианской морали. Скорее, делая выбор, вы чуть-чуть преобразуете основную, истинную часть самого себя, ту часть, которая ответственна за выбор, во что-то новое, чем она прежде не была. И если взять всю вашу жизнь в целом, со всеми бесчисленными выборами, то окажется, что на протяжении всей жизни вы медленно обращали эту главную часть либо в небесное, либо в адское существо; либо в такое, которое пребывает в гармонии с Богом, с другими, себе подобными созданиями и с самим собой, либо в иное, пребывающее и с Богом, и с себе подобными, и с собою — в состоянии войны. Относиться к первой категории значит принадлежать небу, то есть вкушать радость и мир, обретать знание и силу. Быть же существом второй категории означает терзаться безумием и страхом, страдать от гнева, бессилия и вечного одиночества. Каждый из нас в каждый данный момент своего существования движется либо в том, либо в другом направлении.

В этом — объяснение одной особенности, которая постоянно озадачивала меня у христианских авторов: в иной момент они кажутся крайне строгими, а в иной — чересчур снисходительными и либеральными. Они говорят о грешных мыслях как о чем-то невероятно серьезном: а затем, касаясь самых страшных убийц и предателей, заявляют: стоит им только раскаяться, и они будут прощены. Позднее я пришел к выводу, что они правы. Ведь их мысли прикованы к той зарубке, которую оставляет каждый наш поступок на крошечной, но главной части человеческого «я»; никто в этой жизни его не видит, но все мы будем терзаться или — наоборот — наслаждаться им вечно. Один человек занимает такое положение, что его гнев приведет к кровопролитию и гибели тысяч людей. Положение другого таково, что, каким бы гневом он ни пылал, над ним будут только смеяться. Однако маленькая зарубка на внутреннем «я» каждого из них может быть одинаковой в обоих случаях. Каждый из них причинил себе вред, и если каждый из них не покается, то в следующий раз ему будет еще труднее противиться искушению гнева, и с каждым новым разом гнев его будет все яростнее. Однако если каждый из них всерьез, по-настоящему обратится к Богу, то сумеет выпрямить вывих, который исказил его внутреннее «я»; и каждый из них в конечном счете обречен, если не сделает этого. Масштабы поступка, как они видятся со стороны, роли не играют.

И еще одно, последнее. Помните, я говорил, что правильное направление ведет не только к миру, но и к знанию. По мере того как человек становится лучше, он яснее видит то зло, которое еще остается в нем; становясь же хуже, меньше замечает его в себе. Умеренно плохой человек знает, что он не очень хорош, тогда как человек, насквозь испорченный, полагает, что с ним все в порядке. О том, что это так, говорит нам здравый смысл. Вы понимаете, что значит спать, когда бодрствуете, а не когда спите. Вы заметите арифметические ошибки, когда голова ваша работает четко и ясно: делая ошибки, вы их не замечаете. Вы можете понять природу опьянения только трезвым, а не когда пьяны. Хорошие люди знают и о добре, и о зле; плохие не знают ни о том, ни о другом.

ПРАВСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ПОЛА

А теперь мы должны рассмотреть, как относится христианская мораль (нравственность) к вопросу половых отношений и что христиане называют добродетелью целомудрия. Христианское правило целомудрия не следует путать с общественными правилами скромности, приличия или благопристойности. Общественные правила приличия устанавливают, до какого предела допустимо обнажать человеческое тело, каких тем прилично касаться в разговоре и какие выражения употреблять в соответствии с обычаями данного социального круга. Таким образом, нормы целомудрия одни и те же для всех христиан во все времена, правила приличия меняются. Девушка с Тихоокеанских островов, которая едва-едва прикрыта одеждой, и викторианская леди, облаченная в длинное платье, закрытое до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными, согласно стандартам общества, в котором они живут; и обе, независимо от одежды, которую носят, могут быть одинаково целомудренными (или, наоборот, нескромными). Отдельные слова и выражения, которыми целомудренные женщины

пользовались во времена Шекспира, можно было бы услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя. Когда люди нарушают правила пристойности, принятые в их обществе, чтобы разжечь страсть в себе или в других, они совершают преступление против нравственности. Но если они нарушают эти правила по небрежности или невежеству, то повинны лишь в плохих манерах. Если, как часто случается, они нарушают эти правила намеренно, чтобы шокировать или смутить других, это не обязательно говорит об их нескромности, скорее — об их недоброте.

Только недобрый человек испытывает удовольствие, ставя других в неловкое положение. Я не думаю, чтобы чрезмерно высокие и строгие нормы приличия служили доказательством целомудрия или помогали ему; и потому значительное упрощение и облегчение этих норм в наши дни рассматриваю как явление положительное.

Однако тут есть и неудобство: люди различных возрастов и несхожих типов признают различные стандарты приличия. Создается большая неразбериха. Я думаю, пока она остается в силе, старым людям или людям со старомодными взглядами следует очень осторожно судить о молодежи. Они не должны делать вывод, что молодые или «эмансипированные» люди испорчены, если (согласно старым стандартам) они ведут себя неприлично. И наоборот, молодым людям не следует называть старших ханжами или пуританами из-за того, что, те не в состоянии с легкостью принять новые стандарты. Подлинное желание видеть в других все хорошее, что в них есть, и делать все возможное, чтобы эти «другие» чувствовали себя как можно легче и удобнее, привело бы к решению большинства подобных проблем.

Целомудрие — одна из наименее популярных христианских добродетелей. В этом вопросе нет исключений; христианское правило гласит: «Либо женись и храни абсолютную верность супруге (или супругу), либо соблюдай полное воздержание». Это настолько трудное правило, и оно настолько противоречит нашим инстинктам, что напрашивается вывод: либо не право христианство, либо с нашими половыми инстинктами в их теперешнем состоянии что-то не в порядке. Либо то, либо другое. И конечно, будучи христианином, я считаю, что неладно с нашими половыми инстинктами.

Но так считать у меня есть и другие основания. Биологическая цель сексуальных отношений — это дети, как биологическая цель питания — восстановление нашего организма. Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько нам хочется, то, скорее всего, мы будем есть слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но никак не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической цели, но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю своему половому аппетиту и если в результате каждого акта будет рождаться ребенок, то в течение десяти лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот вид аппетита несоразмерно выходит за границу своих биологических функций. Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдется достаточно желающих посмотреть, как раздевается на сцене женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного спектакля: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем салфетка начинает медленно подниматься, постепенно открывая взгляду содержимое блюда; и перед тем как погаснут театральные огни, каждый зритель может увидеть, что на блюде лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Когда вы увидите все это, не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то, выросший в другом мире, увидел бы сцену стриптиза, не подумал ли бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке?

Один критик заметил, что, если бы он обнаружил страну, где пользуется популярностью этаким акт «стриптиза», он решил бы, что народ в этой стране голодает. Критик хотел сказать, что увлечение стриптизмом похоже не на половое извращение, но скорее на половое голодание. Я согласен с ним, что если в какой-то неизвестной стране люди проявляют живой интерес к упомянутому «стриптизу» отбивной, то одним из объяснений мог бы быть голод. Однако сделаем следующий шаг и проверим нашу гипотезу, выяснив, много или мало пищи

потребляет житель предполагаемой страны. Если наблюдения покажут, что едят здесь немало, нам придется отказаться от первоначальной гипотезы и поискать другое объяснение. Так и с зависимостью между половым голоданием и интересом к стриптизу: мы должны выяснить, превосходит ли половое воздержание нашего века половое воздержание других столетий, когда стриптиза не было. Такого воздержания мы не находим. Противозачаточные средства резко снизили риск, связанный с половыми излишествами, и ответственность за них и в пределах брака, и вне его; общественное мнение стало гораздо более снисходительным к незаконным связям и даже к извращениям по сравнению со всеми остальными веками с послеязыческих времен. К тому же гипотеза о «половом голодании» не единственно возможное объяснение. Каждый знает, что половой аппетит, как и всякий другой, стимулируется излишествами. Вполне возможно, что голодающий много думает о еде. Но то же самое делает и обжора.

И еще одно, третье соображение. Немногие желают есть то, что пищей не является, или делать с пищей что-либо другое, а не есть ее. Иными словами, извращенный аппетит к пище — вещь крайне редкая. А вот извращения сексуальные — многочисленны, пугающи и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все эти детали, но придется. Делать это приходится потому, что в последние двадцать лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание в такой же степени правомерно, как и любое другое естественное желание; нас убеждали, что, если только мы откажемся от глупой викторианской идеи подавлять это желание, все в нашем человеческом саду станет прекрасно. Это — неправда. Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но в последние 20 лет их не подавляют. О них судачат повсюду, весь день напролет, а они все еще не пришли в норму. Если вся беда в подавлении секса, в замалчивании, то с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого не случилось. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди начали обходить этот вопрос именно из-за того, что он выходил из-под контроля, превращался в чудовищную неразбериху.

Современные люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного». Под этим они могут подразумевать две вещи. Они могут иметь в виду, что нет ничего постыдного как в том, что человечество воспроизводит себя определенным способом, так и в том, что способ этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Христианство полностью с этим согласно. Беда не в самом способе и не в удовольствии. В старину христианские учителя говорили: «Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от половых отношений, чем получает теперь». Я знаю, что некоторые туповатые христиане создали впечатление, будто с точки зрения христианства половые отношения, тело, физические удовольствия — зло сами по себе. Эти люди совершенно не правы. Христианство — почти единственная из великих религий, которая одобрительно относится к телу, которая считает, что материя — это добро, что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело, что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах и это новое тело станет существенной составной частью нашего счастья, нашей красоты, нашей силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все величайшие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения — зло, христианство тут же возражает.

Однако когда сегодня люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного», они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том положении, в котором пребывают эти отношения сегодня. Если они это имеют в виду, то, я думаю, они не правы. Я считаю, что сегодняшнее положение с сексом — весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы крайне позорно для человечества, если бы половина населения земного шара сделала пищу главным интересом в своей жизни и проводила время, глядя на картинки, изображающие съедобное, облизываясь и пуская слюну.

Я не хочу сказать, что мы с вами лично ответственны за сложившуюся ситуацию. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам наши предки. Кроме того, мы выросли под гром пропаганды невоздержания. Существуют люди, которые ради прибыли желают, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, примет во внимание все трудности, которые нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво желали преодолеть эти трудности.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, которые действительно ищут помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле вовсе этого не хотим. Давно еще один известный христианин сказал, что когда он был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он осознал, что, пока его губы шептали: «О Господи, сделай меня целомудренным», сердце втайне добавляло: «Только, пожалуйста, не сейчас». То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

Существуют три причины, почему в настоящее время нам особенно трудно желать целомудрия; я уже не говорю о том, чтобы достичь его.

Во-первых, наша искаженная природа, бесы, искушающие нас, и вся современная пропаганда похоти, объединившись, внушают нам, что желания, которым мы противимся, так естественны и разумны и направлены на укрепление нашего здоровья, что сопротивление им — своего рода ненормальность, почти извращение. Афиша за афишей, фильм за фильмом, роман за романом связывают склонность к половым излишествам с физическим здоровьем, естественностью, молодостью, открытым и веселым характером. Подобная параллель — лжива. Как всякая сильно действующая ложь, она замешана на правде, о которой мы говорили выше: половое влечение само по себе (за исключением излишеств и извращений) — нормальный и здоровый инстинкт. Ложь — в предположении, что любой половой акт, которого вы желаете в данный момент, здоров и нормален. Даже если оставить христианство в стороне, с точки зрения элементарной логики это лишено смысла. Ведь очевидно, что уступка всем нашим желаниям ведет к импотенции, болезням, ревности, лжи и всему тому, что никак не согласуется со здоровьем, веселым нравом и открытостью. Чтобы достичь счастья даже в этом мире, необходимо быть как можно более воздержанным. Поэтому нет оснований считать, что любое сильное желание естественно и разумно. Каждому здравомыслящему и цивилизованному человеку должны быть присущи какие-то принципы, руководствуясь которыми он одни свои желания осуществляет, другие отвергает. Один человек руководствуется христианскими принципами, другой — гигиеническими, третий — социальными. Настоящий конфликт происходит не между христианством и «природой», а между христианскими принципами и принципами контроля над «природой». Ведь «природу» (то есть естественные желания) так или иначе приходится контролировать, если мы не желаем разрушить свою жизнь. Следует признать, что христианские принципы строже других. Но христианство само помогает верующему в соблюдении их, тогда как при соблюдении других принципов вы никакой внешней помощи не получаете.

Во-вторых, многих людей отпугивает самая мысль о том, чтобы всерьез следовать христианским принципам целомудрия, ибо они считают (прежде, чем попробовали), что это невозможно. Но, испытывая что бы то ни было, нельзя думать о том, возможно это или нет. Ведь над экзаменационной задачей человек не раздумывает, но старается сделать все, на что способен. Даже самый несовершенный ответ будет как-то оценен; но если он вообще не ответит на вопрос, то и оценки не получит. Не только на экзаменах, но и на войне, либо занимаясь альпинизмом, или когда учатся кататься на коньках, плавать или ездить на велосипеде, даже застегивая тугой воротник замерзшими пальцами, люди часто совершают то, что казалось невозможным прежде, чем они попробовали. Поразительно, на что мы способны, когда заставляет необходимость.

Мы можем быть уверены в том, что совершенного целомудрия, как и совершенного

милосердия, не достигнуть одними человеческими усилиями. Вы должны попросить Божьей помощи. Но даже после того, как вы ее попросили, долгое время вам может казаться, что вы этой помощи не получаете или получаете ее недостаточно. Не падайте духом. Всякий раз, когда оступаетесь, просите прощения, собирайтесь с духом и делайте новую попытку. Очень часто поначалу Бог дает не самую добродетель, а силы на все новые и новые попытки. Какой бы важной добродетелью ни было целомудрие (или храбрость, или правдивость, или любое другое достоинство), самый процесс развивает в нас такие душевные навыки, которые еще важнее. Этот процесс освобождает нас от иллюзий об эффективности собственных усилий и учит во всем полагаться на Бога. Мы учимся, с одной стороны, тому, что не можем полагаться на самих себя даже в наши лучшие моменты, а с другой — тому, что и в случае самых ужасных неудач нам не следует отчаиваться, потому что неудачи наши — прощены. Единственной роковой ошибкой для нас было бы успокоиться на том, что мы есть, не стремясь к совершенству.

В-третьих, люди часто превратно понимают то, что в психологии называется «подавлением». Психология учит, что «подавляемые половые инстинкты» представляют из себя серьезную опасность. Но слово «подавляемые» — технический термин. Оно не значит «пренебрегаемые» или «отвергаемые». Подавленное желание или мысль отбрасывается в наше подсознание (обычно в очень раннем возрасте) и может возникнуть в сознании только в видоизмененной до неузнаваемости форме. Подавленные половые инстинкты могут проявляться как нечто, не имеющее к сексу никакого отношения. Когда подросток или взрослый человек сопротивляется какому-то осознанному желанию, он ни в коей мере не создает для себя опасности «подавления». Напротив, те, кто серьезно пытаются хранить целомудрие, лучше осознают половую сторону своей природы и знают о ней гораздо больше, чем другие люди. Они познают свои желания, как Веллингтон знал Наполеона или как Шерлок Холмс знал Мориарти; они разбираются в них, как крысолов в крысах, а слесарь-водопроводчик — в протекающих трубах. Добродетель — пусть даже не достигнутая, но желаемая — приносит свет, излишества лишь затуманивают сознание.

И наконец, несмотря на то что мне пришлось так долго говорить о сексе, я хочу, чтобы вы ясно поняли: центр христианской морали — не здесь. Если кто-нибудь полагает, что отсутствие целомудрия христиане считают наивысшим злом, то он заблуждается. Грехи плоти — очень скверная штука, но они наименее серьезные из всех грехов. Самые ужасные, вредоносные удовольствия чисто духовны: это удовольствие соблазнять других на зло; желание навязывать другим свою волю, клеветать, ненавидеть, стремиться к власти. Ибо во мне живут два начала, соперничающие с тем «внутренним человеком», которым я должен стремиться стать. Это — животное начало и дьявольское. Последнее — наихудшее из них. Вот почему холодный самодовольный педант, регулярно посещающий церковь, может быть гораздо ближе к аду, чем проститутка. Но конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой.

ХРИСТИАНСКИЙ БРАК

Последняя глава преимущественно в отрицательном свете трактовала проявление сексуальных импульсов; я почти не коснулся положительных аспектов, а именно христианского брака.

Обсуждать вопросы супружеских отношений я не хотел бы по двум, в частности, причинам. Первая — в том, что христианская доктрина о браке крайне непопулярна. А вторая — в том, что сам я никогда не был женат и, следовательно, могу говорить только с чужих слов. Но, несмотря на это, я полагаю, что, рассуждая о вопросах христианской морали, едва ли можно обойти ее стороной.

Христианская идея брака основывается на словах Христа, что мужа и жену следует рассматривать как единый организм. Ибо именно это означают Его слова «одна плоть». И христиане полагают, что, когда Иисус произносил их. Он констатировал факт, так же как констатацией факта были бы слова, что замок и ключ составляют единый механизм или что

скрипка и смычок — один музыкальный инструмент. Он, Изобретатель человеческой машины, сказал нам, что две ее половины — мужская и женская — созданы для того, чтобы соединиться в пары, причем не только ради половых отношений; союз этот должен быть всесторонним. Уродство половых связей вне брака в том, что те, кто вступают в них, пытаются изолировать один аспект этого союза (половой) от всех остальных. Между тем именно в неразделимости их — залог полного и совершенного союза. Христианство не считает, что удовольствие, получаемое от половых отношений, более греховно, чем, скажем, удовольствие от еды. Но оно считает, что нельзя прибегать к ним лишь как к источнику удовольствия: это так же противоестественно, как, например, наслаждаться вкусом пищи, избегая глотания и пищеварения, то есть жуя пищу и выплевывая.

И, как следствие этого, христианство учит, что брак — союз двух людей на всю жизнь. Верно, что разные церкви придерживаются на этот счет не совсем схожих мнений. Некоторые не разрешают развода совсем. Другие разрешают его очень неохотно, только в особых случаях. Очень печально, что между христианами нет согласия в таком важном вопросе. Но справедливость требует отметить, что между собой различные церкви согласны по вопросу брака все же гораздо больше, чем с окружающим миром. Я имею в виду, что любая церковь рассматривает развод как ампутацию части живого тела, как своего рода хирургическую операцию. Одни церкви считают эту операцию настолько неестественной, что вовсе не допускают ее. Другие допускают развод, но как крайнюю меру в исключительно тяжелых случаях.

Все они согласны с тем, что эта процедура скорее похожа на ампутацию обеих ног, чем на расторжение делового товарищества. Никто из них не принимает современной точки зрения на развод, утверждающей, что он совершается партнерами как своего рода реорганизация, необходимая, если между ними больше нет любви или если один из них полюбил кого-то другого. Прежде чем мы перейдем к этой современной точке зрения на развод, в ее связи с целомудрием, нам следовало бы проследить ее связь с другой добродетелью, а именно справедливостью.

Последняя включает в себя, помимо всего прочего, верность обещаниям. Каждый, кто венчался в церкви, давал торжественное публичное обещание хранить верность своему партнеру до смерти. Долг сдерживать его не находится в специфической зависимости от характера половых отношений. Обещание, данное при заключении брачного союза, схоже с любым другим. Если, как утверждают наши современники, половое влечение ничем не отличается от других наших импульсов, то и относиться к нему следует, как к любому из них. Как всякую тягу к излишества, его надо контролировать. Если же, как я думаю, половой инстинкт отличается от других тем, что болезненно воспален, то мы должны реагировать на него особенно осторожно, чтобы он не толкнул нас на бесчестный поступок.

На это кто-нибудь возразит, что считает обещание, данное в церкви, простой формальностью, которую не имел намерения соблюдать. Кого же тогда он старался обмануть, давая это обещание? Бога? Это было бы неумно. Себя самого? Тоже не умнее. Невесту, ее родственников? Это было бы предательством. Чаще всего, я думаю, брачная пара (или один из них) надеется обмануть публику. Они желают респектабельности, связанной с браком, но не желают платить за это. Такие люди — обманщики и самозванцы. Если они к тому же испытывают удовлетворение от обмана, то мне нечего им сказать, ибо кто станет навязывать высокий и трудный долг целомудрия людям, у которых еще не пробудилось желание быть честными? А если они уже образумились и возымели такое желание, то обещание, данное ими, послужит им сдерживающей силой, и они станут вести себя, откликаясь на зов справедливости, а не целомудрия. Если люди не верят в постоянный брак, им, пожалуй, лучше жить вместе, не вступая в него. Это честнее, чем давать клятвы, которых не намерен исполнять.

Верно, что совместная жизнь вне брака делает их виновными (с точки зрения христианства) в грехе прелюбодеяния. Но нельзя избавиться от одного порока, добавив к нему другой: распушенность нельзя исправить, добавив к ней клятвопреступление.

Очень популярная в наши дни идея, что единственное оправдание брака — любовь между супругами, не оставляет места для брачного контракта или брачных обетов. Если все держится на влюбленности, обещание теряет смысл и давать его не следует. Любопытно, что сами влюбленные, пока еще влюблены, знают это лучше, чем те, которые рассуждают о любви. По замечанию Честертона, влюбленным присуща естественная склонность связывать друг друга обещаниями. Любовные песни во всем мире полны клятв в вечной верности. Христианский закон не навязывает влюбленным чего-то такого, что чуждо природе любви, а лишь требует, чтобы они с полной серьезностью относились к тому, на что вдохновляет их страсть.

И конечно, обещание, данное, когда я был влюблен и потому, что я был влюблен, обещание хранить верность на всю жизнь, обязывает меня быть верным даже в том случае, если любовь прошла. Ведь обещание может относиться только к действиям и поступкам, то есть то, что я могу контролировать. Никто не может обещать, что будет постоянно испытывать одно и то же чувство. С таким же успехом можно обещать никогда не страдать головной болью или всегда быть голодным. Возникает вопрос: какой смысл держать двух людей вместе, если они больше не любят друг друга? На это есть несколько серьезных причин социального характера: не лишать детей семьи; защитить женщину (которая, возможно, пожертвовала своей карьерой, выходя замуж) от перспективы быть брошенной, как только она наскучит мужу. Но существует еще одна причина, в которой я убежден, хотя мне не совсем легко объяснить ее.

И вот почему: слишком многие люди просто не в состоянии понять, что если Б лучше, чем В, то А может быть еще лучше, чем Б. Они предпочитают понятия «хороший» и «плохой», а не «хороший», «лучший» и «самый лучший» или «плохой», «худший» и «самый худший». Они хотят знать, считаете ли вы патриотизм хорошим качеством. Вы отвечаете, что, конечно, патриотизм — хорошее качество, гораздо лучшее, чем эгоизм, присущий индивидуалисту, но что всеобщая братская любовь — выше патриотизма, и если они вступают в конфликт между собой, то предпочтение следует отдать братской любви. Казалось бы, вы даете полный ответ, но ваши оппоненты видят в нем лишь желание увильнуть от ответа. Они спрашивают, что вы думаете о дуэли. Вы отвечаете, что простить человеку оскорбление гораздо лучше, чем сражаться с ним на дуэли. Однако даже дуэль может быть лучше, чем ненависть на всю жизнь, которая проявляется в тайных попытках унижить человека, всячески повредить ему. Если вы дадите им такой ответ, они отойдут от вас, жалуясь, что вы не хотите ответить прямо. Я очень надеюсь, что никто из читателей не сделает подобной ошибки в отношении того, о чем я собираюсь сейчас говорить.

Влюбленность — восхитительное состояние, во многих отношениях оно полезно для нас. Любовь помогает нам быть великодушными и мужественными, раскрывает перед нами не только красоту любимого существа, но и красоту, разлитую во всем, и, наконец, контролирует (особенно вначале) наши животные половые инстинкты. В этом смысле любовь — великая победа над похотью. Никто в здравом уме не станет отрицать, что влюбленность лучше обычной чувственности или холодной самовлюбленности. Но, как я сказал прежде, опаснее всего следовать какому-то из импульсов нашей природы любой ценой, ни перед чем не останавливаясь. Быть влюбленным — вещь хорошая, но не лучшая.

Есть много вещей, которые меркнут перед влюбленностью; но есть и такие, которые выше ее. Вы не можете класть это чувство в основание всей своей жизни. Да, оно благородно, но оно всего лишь чувство, и нельзя рассчитывать, что оно с одинаковой интенсивностью будет длиться всю жизнь. Знание, принципы, привычки могут быть долговечны: чувство приходит и уходит. И в самом деле, что бы люди ни говорили, состояние влюбленности преходяще. Да и то сказать: если бы люди пятьдесят лет испытывали друг к другу точно то же, что в день перед свадьбой, их положение было бы не слишком завидным. Кто смог бы вынести постоянное возбуждение и пять лет? Что случилось бы с нашей работой, аппетитом, сном, с нашими дружескими связями? Но конец влюбленности, конечно — не конец любви. А любовь — именно любовь, в отличие от влюбленности, — не просто

чувство. Это глубокий союз, поддерживаемый волевыми усилиями, укрепляемый привычкой. Любовь укрепляется (в христианском браке) и благодатью, о которой просят и которую получают от Бога оба партнера. Поэтому они могут любить друг друга даже тогда, когда друг другом недовольны. (Ведь любите же вы себя, когда недовольны собой.) Они в состоянии сохранить эту любовь и тогда, когда каждый из них мог бы влюбиться в кого-нибудь еще, если бы позволил себе. Влюбленность в самом начале побудила их дать обещание верности друг другу. Вторая, более спокойная любовь дает им силы хранить это обещание. Именно на такой любви работает мотор брака. Влюбленность была только вспышкой для запуска. Если вы со мной не согласны, то, конечно, скажете: «Он ничего об этом не знает, потому что сам не женат». Очень возможно, что вы правы. Но прежде чем вы это скажете, убедитесь, пожалуйста, в том, что судите на основании личного опыта или на основании наблюдений за жизнью своих друзей. Не судите на основании идей, почерпнутых из романов и фильмов. И требуется много терпения и умения, чтобы выделить те уроки, которые нам действительно преподаны жизнью.

Из книг люди нередко получают представление, будто влюбленность может длиться всю жизнь, если вы не ошиблись при выборе. Отсюда вывод: если этого нет, значит, допущена ошибка. Остается лишь сменить партнера. Думающие так не осознают, что и восторг новой любви постепенно угаснет точно так же. Ведь и в этой форме жизни, как и в любой другой, возбуждение приходит вначале, но не остается навсегда. То возбуждение, которое испытывает мальчишка при первой мысли о полете, уляжется, когда он придет в авиацию и приступит к учебным полетам. И восторг, который теснит вам душу, когда вы впервые попадаете в какое-то прекрасное место, постепенно гаснет, если вы там поселитесь. Значит ли это, что лучше вообще не учиться летать и не переселяться в красивейшие места? Отнюдь нет. В обоих случаях, пройдя через первую фазу, вы почувствуете, как первоначальное возбуждение сменяется более спокойным и постоянным интересом. Более того (я едва могу найти слова, чтобы выразить, какое большое значение придаю этому), только те люди, которые готовы примириться с потерей трепета и довольствоваться трезвым интересом, способны обрести новые восторги. Человек, который научился летать и стал хорошим пилотом, внезапно слышит музыку сфер. Человек, который поселился в прекрасном месте, открывает для себя радость еще больше украшать его, насаждая в нем сад.

В какой-то мере, я думаю, Христос имел в виду и это, когда сказал, что ничто не может жить, пока не умрет. Не пытайтесь удерживать удовольствие, питаемое возбуждением. Это было бы самой опасной ошибкой. Дайте возбуждению пройти, дайте ему умереть, переживите это умирание и перейдите в следующий за ним период спокойной заинтересованности и счастья. Сделайте это, и вы увидите, что вы все время живете в мире новых восторгов и нового трепета. Но если вы попытаетесь искусственно включить восторженное состояние в свое повседневное «меню», то обнаружите, как оно постепенно слабеет и все реже вас посещает, и вот уж вы доживаете свою жизнь преждевременно состарившимся, утратившим иллюзии человеком, которому все наскучило. Именно из-за того, что очень немногие люди это понимают, вы встречаете вокруг так много людей среднего возраста, ворчащих, что юность прошла попусту. Нередко они сетуют на прошедшую юность в таком возрасте, когда перед ними еще должны открываться новые горизонты со всех сторон. Гораздо интереснее по-настоящему научиться плавать, чем бесконечно (и безнадежно) стараться вернуть то чувство, которое вы испытали, когда впервые ребенком надели ласты и поплыли.

Очень часто в романах и пьесах вы находите мысль, будто влюбленность — такое чувство, которому невозможно противиться. Будто это что-то такое, что просто поражает вас, как, к примеру, корь. Некоторые люди в это верят, и, будучи женаты, срывают предохранитель со своих чувств при встрече с привлекательной знакомой. Однако я склонен думать, что в жизни такие непреодолимые страсти посещают нас гораздо реже, чем в книгах (во всяком случае, взрослых людей). Когда мы встречаем человека красивого, умного, привлекательного, мы, в каком-то смысле, должны полюбить эти его прекрасные качества, должны восхищаться

ими. Но не от нас ли в основном зависит, перерастет ли это восхищение в то, что мы зовем влюбленностью? Нет сомнений, что если мы напичканы романтическими сюжетами и любовными песнями, да к тому же пребываем под действием алкоголя, то способны превратить любое восхищение в любовь такого рода. Точно так же, если вдоль тропинки вырыта канава, вся дождевая вода будет собираться в нее; или, если мы носим синие очки, все вокруг кажется нам синим. Но это — наша собственная вина.

Прежде чем мы оставим вопрос о разводе, я бы хотел разграничить две вещи, которые часто смешивают. Христианский принцип брака — это один вопрос. Совсем другой вопрос: как далеко могут идти христиане, если они избиратели или члены парламента, в старании привить свой взгляд на брак остальным членам общества? Очень многие люди считают, что если вы христианин, то должны затруднить развод для всех остальных. Я с этим не согласен. Я, например, знаю, что возмутился бы, если бы мусульмане постарались запретить всем нам, остальным, вино. Я придерживаюсь следующего мнения: церковь должна откровенно признать, что граждане Великобритании в большинстве своем не христиане и, следовательно, от них нельзя ожидать, чтобы они вели христианский образ жизни. Необходимо иметь два рода браков: один — регулируемый государством на основании законов, обязательных для всех граждан; другой — регулируемый церковью на основании тех законов, которые обязательны для всех ее членов. Различие должно быть очень четким, чтобы людям было ясно, какая пара вступает в брак по-христиански, а какая — нет.

Я думаю, я сказал достаточно о постоянстве и неразрывности христианского брака. Нам остается разобраться в одном, еще более непопулярном вопросе. Христианские жены дают обещание повиноваться своим мужьям. В христианском браке глава семьи — мужчина. В связи с этим возникают два вопроса: 1. Почему в семье обязательно должен быть глава, почему нельзя допустить равенства? 2. Почему главой должен быть мужчина?

1. Необходимость иметь главу в семье вытекает из идеи, что брак — союз постоянный. Конечно, когда муж и жена живут в согласии, вопрос о главенстве не возникает. И мы должны надеяться, что именно это является нормой в христианском браке. Но если возникает разногласие, что тогда? Тогда супругам не избежать серьезного разговора. Допустим, они уже пытались говорить и тем не менее к согласию не пришли. Что им делать дальше? Они не могут решить вопроса с помощью голосования, потому что при наличии лишь двух сторон голосование невозможно. В таком случае остаются две вещи: либо им придется разойтись в разные стороны, либо один из них должен получить право решающего голоса. При постоянном браке одна из сторон должна в предвидении крайнего случая иметь власть и решать вопросы семейного союза. Ибо никакой постоянный союз невозможен без конституции.

2. Если в семье должен быть глава, то почему именно мужчина? Ну что ж, во-первых, есть ли у кого серьезное желание, чтобы главную роль в семье играла женщина? Как я уже сказал, я сам не женат. Однако я вижу, что даже те женщины, которые хотят быть главою в своем доме, обычно не приходят в восторг, наблюдая такую же ситуацию у соседей. Скорее всего, они скажут: «Бедный мистер Икс! (имея в виду соседа). Почему он позволяет этой ужасной женщине верховодить? Я просто не могу его понять!» Я даже не думаю, что эта женщина будет польщена, если кто-нибудь заметит, что она сама «верховодит» в своей семье. Должно быть, есть что-то противоестественное в женском руководстве мужьями, потому что сами жены несколько смущены этим и презирают таких мужей.

Но есть еще одна причина; и здесь, скажу откровенно, я говорю как холостяк, потому что причину эту лучше видно со стороны, чем с позиции женатого человека. Отношения семьи с внешним миром — так сказать, внешняя политика семьи — должны находиться, в конечном счете, под контролем мужа. Почему? Потому что он всегда должен быть (и, как правило, бывает) более справедлив к посторонним. Женщина сражается в первую очередь за своих детей и своего мужа, против всего остального мира. Для нее, вполне естественно, их требования, их интересы перевешивают все соображения. Она — их чрезвычайный поверенный. Задача мужа — следить за тем, чтобы это естественное предпочтение не

ставилось постоянно во главу угла в отношениях семьи с окружающими. За ним должно оставаться последнее слово, чтобы он мог, в случае необходимости, защитить других от семейного патриотизма своей жены. Если кто-нибудь из вас сомневается в этом, позвольте мне задать вам вопрос. Если ваша собака укусила соседского ребенка или ваш ребенок ударил соседскую собаку, с кем вы предпочли бы иметь дело — с хозяином или с хозяйкой? Или если вы замужняя женщина, позвольте мне спросить вас: как бы вы ни обожали мужа, не признаетесь ли вы, что его главный недостаток — неспособность постоять за свои и ваши права при столкновении с соседями?

ПРОЩЕНИЕ

Я сказал в одной из предыдущих глав, что целомудрие — едва ли не самая непопулярная из христианских добродетелей. Но я не уверен, что был прав. Пожалуй, есть добродетель еще менее популярная, чем целомудрие. Она выражается в христианском правиле: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Непопулярна она потому, что христианская мораль включает в понятие «твоего ближнего» и «твоего врага»... Итак, мы подходим к ужасно тяжелой обязанности прощать своих врагов.

Каждый человек соглашается, что прощение — прекрасная вещь, до тех пор, пока сам не окажется перед альтернативой прощать или не прощать, когда прощение должно исходить именно от него. Мы помним, как оказались в такой ситуации в годы войны. Обычно само упоминание об этом вызывает бурю, и не потому, что люди считают эту добродетель слишком высокой и трудной. Нет, просто прощение такого рода кажется им недопустимым, им ненавистна самая мысль о нем. «Нас тошнит от подобных разговоров», — заявляют они. И половина из вас уже готова меня спросить: «А как бы вы относились к гестапо, если бы были поляком или евреем?»

Я сам хотел бы это знать. Точно так же как хотел бы знать, что мне делать, если передо мной встанет выбор: умереть мученической смертью или отказаться от веры. Ведь христианство прямо говорит мне, чтобы я не отказывался от веры ни при каких обстоятельствах. В этой книге я не пытаюсь сказать вам, что я мог бы сделать, — я могу сделать крайне мало. Я пытаюсь показать вам, что представляет из себя христианство. Не я его придумал. И в самой сердцевине его я нахожу эти слова: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Здесь нет ни малейшего намека на то, что прощение дается нам на каких-то других условиях. Слова эти совершенно ясно показывают, что если мы не прощаем, то не простят и нас. Двух путей здесь нет. Так что же нам делать?

Что бы мы ни пробовали делать, все будет трудно. Но я думаю, две вещи мы можем сделать, и они облегчат нам нашу трудную задачу. Приступая к изучению математики, вы начинаете не с дифференциального исчисления, а с простого сложения. Точно так же, если мы действительно хотим (а все зависит именно от нашего желания) научиться прощать, нам, наверное, следует начать с чего-то полегче, чем гестапо. Например, с того, чтобы простить мужа, или жену, или родителей, или детей, или ближайших соседей за что-то, что они сказали или сделали на прошлой неделе. Это, возможно, захватит наше внимание. Затем нам надо понять, что значит «любить ближнего, как самого себя». А как я люблю себя?

Вот сейчас, когда я подумал об этом, я понял, что у меня нет особой нежности и любви к себе самому. Я даже не всегда люблю свое собственное общество. Значит, слова «возлюби ближнего своего», очевидно, не означают «испытывай к нему нежность» или «найди его привлекательным». Впрочем, так и должно быть, потому что, конечно же, как бы вы ни старались, вы не заставите себя почувствовать нежность к кому бы то ни было. Хорошо ли я отношусь к самому себе? Считаю ли я себя приятным человеком? Что ж, боюсь, что минутами — да (и это, несомненно, худшие мои минуты). Но люблю я себя не поэтому; не потому, что считаю себя славным парнем. На деле все наоборот, а именно: любовь к себе заставляет меня думать, что я, в сущности, славный парень. Следовательно, и врагов своих мы можем любить, не считая их приятными людьми. Это великое облегчение. Потому что

очень многие думают, что простить своих врагов значит признать, что они, в конце концов, не такие уж плохие, тогда как на самом деле всем ясно, что они действительно плохи.

Давайте продвинемся еще на шаг вперед. В моменты просветления я не только не считаю себя приятным человеком, но, напротив, нахожу себя просто отвратительным. Я с ужасом думаю о некоторых вещах, которые я совершил. Значит, мне, по всей видимости, дозволяется ненавидеть и некоторые поступки моих врагов. И вот уже мне вспоминаются слова, давно произнесенные христианскими учителями: «Ты должен ненавидеть зло, а не того, кто совершает его». Или иначе: «Ненавидеть грех, но не грешника». Долгое время я считал это различие глупым и надуманным; как можно ненавидеть то, что делает человек, и при этом не ненавидеть его самого? Но позднее я понял, что годами именно так и относился к одному человеку, а именно к самому себе. Как бы я ни ненавидел свою трусость или лживость, или жадность, я тем не менее продолжал любить себя, и мне это было совсем не трудно. Фактически я ненавидел свои дурные качества потому, что любил себя. Именно поэтому так огорчало меня то, что я делал, каким я был. Следовательно, христианство не побуждает нас ни на грань смягчить ту ненависть, которую мы испытываем к жестокости или предательству. Мы должны их ненавидеть. Ни одного слова, которые мы сказали о них, не следует брать обратно. Но христианство хочет, чтобы мы ненавидели их так же, как ненавидим собственные пороки, то есть чтобы мы сожалели, что кто-то мог поступить так, и надеялись, что когда-нибудь, где-нибудь он сможет исправиться и снова стать человеком.

Проверить себя можно следующим образом. Предположим, вы читаете в газете историю о гнусных и грязных жестокостях. На следующий день появляется сообщение, где говорится, что опубликованная вчера история, возможно, не совсем соответствует истине и все не так страшно. Почувствуете ли вы облегчение: «Слава Богу, они не такие негодяи, как я думал». Или будете разочарованы и даже попытаетесь держаться первоначальной версии просто ради удовольствия думать, что те, о ком вы читали, — законченные мерзавцы? Если человек охвачен вторым чувством, тогда, боюсь, он вступил на путь, который — пройди он его до конца — заведет его в сети дьявола. В самом деле, ведь он хочет, чтобы черное было еще чернее.

Стоит дать волю этому чувству, и через какое-то время захочется, чтобы серое, а потом и белое тоже стало черным. В конце концов появится желание все, буквально все — Бога, и наших друзей, и себя самих — видеть в черном свете. Подавить его уже не удастся. Атмосфера безудержной ненависти поглотит такую душу навеки.

Попытаемся продвинуться еще на шаг вперед. Означает ли «Возлюби врага своего», что мы не должны его наказывать? Нет: ведь и то, что я люблю самого себя, не значит, что я всячески должен спасать себя от заслуженного наказания, вплоть до смертной казни. Если вы совершили убийство, то по христианскому принципу надо сдаться в руки властям и испить чашу даже до смерти. Только такое поведение было бы правильным с христианской точки зрения. Поэтому я полагаю, что судья-христианин абсолютно прав, приговаривая преступника к смерти, прав и солдат-христианин, когда убивает врага на поле сражения. Я всегда придерживался этого мнения с тех пор, как сам стал христианином, задолго до войны, и сегодня держусь его. Известное «Не убий» приводится в неточном переводе. Дело в том, что в греческом языке есть два слова, которые переводятся как глагол «убивать». Но одно из них значит действительно просто «убить», тогда как другое — «совершить убийство». И во всех трех Евангелиях — от Матфея, Марка и Луки, — где цитируется эта заповедь Христа, употребляется именно то слово, которое означает «не совершай убийства». Мне сказали, что такое же различие существует и в древнееврейском языке. «Убивать» — далеко не всегда означает «совершать убийство», так же как половой акт не всегда означает прелюбодеяния. Когда воины спросили у Иоанна Крестителя, как им поступать, он и намека не сделал на то, что им следует оставить армию. Ничего такого не требовал и Сам Иисус, когда, например, встретился с римским сотником. Образ рыцаря-христианина, готового во всеоружии защищать доброе дело, — один из великих образов христианства. Война — вещь отвратительная, и я уважаю искреннего пацифиста, хотя считаю, что он полностью

заблуждается. Кого я не могу понять, так это полупацифистов, встречающихся в наши дни, которые пробуют внушить людям, что если уж они вынуждены сражаться, то пусть сражаются, как бы стыдясь, не скрывая, что делают это по принуждению. Подобный стыд нередко лишает прекрасных молодых военных из христиан того, что принадлежит им по праву и является естественным спутником мужества, а именно — бодрости, радости и сердечности.

Я часто думаю про себя, что бы случилось, если бы, когда я служил в армии во время первой мировой войны, я и какой-нибудь молодой немец одновременно убили друг друга и сразу же встретились после смерти. И, знаете, я не могу себе представить, чтобы кто-то из нас двоих почувствовал обиду, негодование или хотя бы смущение. Думаю, мы просто рассмеялись бы над тем, что произошло.

Я могу себе представить, что кто-нибудь скажет: «Если человеку дозволено осуждать поступки врага и наказывать и даже убивать его, то в чем же разница между христианской моралью и обычной человеческой точкой зрения?» Разница есть, и колоссальная. Помните: мы, христиане, верим, что человек живет вечно. Поэтому значение имеют только те маленькие отметины на нашем внутреннем «я», которые в конечном счете обращают душу человеческую либо в небесное, либо в адское существо. Мы можем убивать, если это необходимо, но не должны ненавидеть и упиваться ненавистью. Мы можем наказывать, если надо, но не должны испытывать при этом удовольствия. Иными словами, мы должны убить глубоко гнездящуюся в нас враждебность, стремление отомстить за обиды. Я не хочу сказать, что любой человек может прямо сейчас покончить с этими чувствами. Так не бывает.

Я имею в виду следующее: всякий раз, когда это чувство шевелится в глубине нашей души, заявляя о себе, день за днем, год за годом, на протяжении всей нашей жизни, мы должны давать ему отпор. Это тяжелая работа, но не безнадежная. Даже когда мы убиваем или наказываем, мы должны так относиться к врагу, как относились бы к себе, то есть желать, чтобы он не был таким скверным, надеяться, что он сумеет исправиться. Короче, мы должны желать ему добра. Вот что имеет в виду Библия, когда говорит, чтобы мы возлюбили своих врагов: мы должны желать им добра, не питая к ним особой нежности и не говоря, что они — славные ребята, если они не таковы.

Да, это значит любить и таких людей, в которых нет ничего вызывающего любовь. Но, с другой стороны, есть ли в каждом из нас что-нибудь так уж достойное любви и обожания? Нет, мы любим себя только потому, что это мы сами. Бог же предназначил нам любить внутреннее «я» каждого человека точно так же и по той же причине, по которой мы любим свое «я». В нашем собственном случае Он дал нам готовый образец (которому мы должны следовать), чтобы показать, как эта любовь работает. И, воспользовавшись собственным примером, мы должны перенести правило любви на внутреннее «я» других людей. Возможно, нам легче будет его усвоить, если мы вспомним, что именно так любит нас Бог: не за приятные, привлекательные качества, которыми, по нашему мнению, мы обладаем, но просто потому, что мы — люди. Помимо этого нас, право же, не за что любить. Ибо мы способны так упиваться ненавистью, что отказаться от нее нам не легче, чем бросить пить или курить.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ГРЕХ

Я перехожу сейчас к той части христианской морали, в которой она особенно резко отличается от всех других норм нравственности. Существует порок, от которого не свободен ни один человек в мире. Но каждый ненавидит его в ком-то другом, и едва ли кто-нибудь, кроме христиан, замечает его в себе. Я слышал, как люди признаются, что у них плохой характер, либо в том даже, что они трусы. Но я не припомню, чтобы когда-либо слышал от нехристианина признание в этом пороке. И я очень редко встречал неверующих, которые были бы хоть немного снисходительны к проявлению этого порока в других. Нет такого порока, который делает человека более непопулярным, и нет такого порока, который мы

менее замечаем в себе. Чем больше этот порок у нас, тем больше мы ненавидим его в других.

Я говорю о гордыне или самодовольстве, противоположную ей добродетель христиане называют смирением. Вы, быть может, помните, что когда я говорил о морали в вопросах пола, то предупредил вас, что центр христианской нравственности лежит не там. И вот сейчас мы подошли к этому центру. Согласно христианскому учению, самый главный порок, самое страшное зло — гордость. Распушенность, раздражительность, пьянство, жадность и тому подобное — все это мелочь по сравнению с ней. Именно гордость сделала дьявола тем, чем он стал. Гордость ведет ко всем другим порокам: это абсолютно враждебное Богу состояние духа.

Возможно, вы думаете, я преувеличиваю. В таком случае вдумайтесь еще раз в мои слова. Несколько мгновений назад я сказал, что чем больше гордости в человеке, тем сильнее он ненавидит это качество в других. Если вы хотите выяснить меру собственной гордыни, проще всего это сделать, задав себе вопрос: «Насколько глубоко я возмущаюсь, когда другие унижают меня, или отказываются меня замечать, или вмешиваются в мои дела, или относятся ко мне покровительственно, или красуются и хвастают в моем присутствии?» Дело в том, что гордость каждого человека соперничает с гордостью всякого другого. Именно потому, что я хотел быть самым заметным на вечеринке, меня так раздражает, что кто-то другой привлекает к себе всеобщее внимание.

Нам следует ясно понять, что гордости органически присущ дух соперничества, в этом сама ее природа. Другие пороки вступают в соперничество, так сказать, случайно. Гордость не довольствуется частичным обладанием. Она удовлетворяется только тогда, когда больше, чем у соседа. Мы говорим, что люди гордятся богатством, или умом, или красотой. Но это не совсем так. Они гордятся тем, что они богаче, умнее или красивее других. Если бы все стали одинаково богатыми, или умными, или красивыми, людям нечем было бы гордиться. Только сравнение возбуждает в нас гордость: сознание, что мы выше остальных, приносит нам удовлетворение. Там, где не с чем соперничать, гордости нет места. Вот почему я сказал, что гордости дух соперничества присущ органически, тогда как о других пороках этого не скажешь. Половое влечение может пробудить дух соперничества между двумя мужчинами, если они желают обладать одной и той же женщиной. Но это только случайность. Ведь они могли бы увлечься двумя разными девушками. Между тем гордый человек уведет вашу девушку не потому, что он ее любит, а только для того, чтобы доказать самому себе, что как мужчина он лучше, чем вы. Жадность может толкнуть людей на соперничество, если они испытывают недостаток в тех или иных вещах. Но гордый человек, даже если у него этих вещей больше, чем ему хотелось бы, будет стараться приобрести их еще больше просто для того, чтобы утвердиться в силе и власти. Почти все зло в мире, которое люди приписывают жадности и эгоизму, на самом деле — результат гордости.

Возьмите, к примеру, деньги. Желание лучше проводить отпуск, иметь лучший дом, лучшую пищу и лучшие напитки делает человека жадным до денег: он хочет иметь их как можно больше. Но это до определенного предела. Что заставляет человека, получающего 40 000 долларов в год, стремиться к 80 000? Теперь уже не просто жадность к удовольствиям. Ведь при 40 000 долларов роскошная жизнь для него вполне доступна. Это гордость вызывает в нем желание стать богаче других и желание еще более сильное — обрести власть, ибо именно власть доставляет гордости особое удовольствие. Ничто не дает человеку такого чувства превосходства, как возможность играть другими людьми будто оловянными солдатиками. Что заставляет молодую девушку сеять несчастье повсюду, где она появляется, собирая вокруг себя поклонников? Конечно, не половой инстинкт. Девушки подобного рода очень часто бесстрастны. Ее толкает на это гордость. Что заставляет политического лидера или целую нацию постоянно стремиться к новым успехам и достижениям, не довольствуясь прежними? Опять-таки гордость. Гордости присущ дух соперничества. Вот почему ее невозможно удовлетворить. Если я страдаю гордостью, то пока хоть один человек обладает большей властью, богатством или умом, чем я, он будет мне соперником и врагом.

Христианство право: именно гордость порождает главные несчастья в каждом народе и

в каждой семье с начала мира. Другие пороки могут иногда спланивать людей; так, среди тех, кто охоч до выпивки и чужд целомудрия, вы можете обрести веселых приятелей. Но гордость всегда означает враждебность — она и есть сама враждебность. И не только враждебность человека к человеку, но и человека к Богу.

В лице Бога вы встречаетесь с чем-то таким, что во всех отношениях неизмеримо превосходит вас. Пока вы не осознали этого, а следовательно, и того, что в сравнении с Ним вы — ничто, вы вообще не в состоянии познать Бога. Вы не можете познать Его, не отрешившись от своей гордости. Ведь гордый человек всегда смотрит свысока на все и на всех, то есть сверху вниз: как же увидеть ему то, что над ним!

Возникает ужасный вопрос. Как возможно, что люди, пожираемые гордостью, говорят, будто они верят в Бога, и считают самих себя очень религиозными? Я боюсь, что эти люди поклоняются воображаемому Богу. Теоретически они признают, что перед лицом этого призрачного Бога они — ничто. Но им постоянно представляется, будто этот Бог одобряет их и считает их лучше других; они платят Ему воображаемым, грошовым смирением, переполняясь в то же время горделивым высокомерием по отношению к окружающим. Я полагаю, Христос думал и о таких людях, когда говорил, что некоторые будут проповедовать Его и именем Его изгонять бесов, но при конце мира услышат от Него, что Он никогда их не знал. Любой из нас в любой момент может попасть в эту ловушку. К счастью, у нас есть возможность испытать себя. Всякий раз, когда возникает ощущение, что наша религиозная жизнь делает нас лучше других, мы можем быть уверены, что ощущение это не от Бога, а от дьявола. Вы можете быть уверены, что Бог действительно присутствует в вашей жизни только тогда, когда либо совсем забываете о себе, либо видите себя незначительным и нечистым. Лучше совсем забыть о себе.

Это ужасно, что самый страшный из всех пороков способен проникнуть в самую сердцевину нашей религиозной жизни. Но это и вполне понятно. Другие, менее вредоносные пороки исходят от дьявола, действующего на нас через нашу животную природу. А этот порок проникает в нас иным путем: он приходит непосредственно из ада. Ведь природа его — чисто духовная, а следовательно, и действие его гораздо более утонченно и смертоносно. По этой причине гордость часто может служить для исправления других пороков. Учителя, к примеру, нередко вызывают к гордости учеников или к их самоуважению, как они это называют, чтобы заставить их вести себя прилично. Многим людям удается преодолеть трусость, приверженность к дурным страстям или исправить скверный характер, убеждая себя, что пороки эти ниже их достоинства; они достигают победы, разжигая в себе гордость. И, глядя на это, дьявол смеется. Его вполне устраивает, что вы становитесь целомудренными, храбрыми, владеющими собой, если при этом ему удастся подчинить вашу душу диктату гордости, — точно так же он бы не возражал, чтобы вы излечились от озноба, если взамен ему позволено передать вам рак. Ведь гордость — это духовный рак: она пожирает самую возможность любви, удовлетворения и даже здравого смысла.

Прежде чем мы покончим с этой темой, я должен предостеречь вас против таких ошибок:

1. Если вы испытываете удовольствие, когда вас хвалят, это не свидетельствует о гордости. Ребенок, которого похлопали по плечу за хорошо выученный урок, женщина, чьей красотой восхищается возлюбленный, спасенная душа, которой Христос говорит: «Хорошо, верный раб», — все они чувствуют себя польщенными, и это вполне закономерно. Ведь здесь — удовольствие вызывает не то, какой вы, а сознание, что вы сделали приятное кому-то, кого хотели (и правильно!) порадовать. Беда начинается тогда, когда вы от мысли: «Я доставил ему удовольствие; как хорошо!» — переходите к мысли: «Должно быть, я очень хороший человек, раз сделал это». Чем больше вы нравитесь себе и чем меньше удовольствия испытываете от похвалы, тем хуже вы становитесь. Если похвала вообще перестает занимать вас и любование самим собою становится единственным источником вашего удовольствия, значит, вы достигли дна. Вот почему тщеславие — тот сорт гордости, который проявляется, главным образом, на поверхности, — пожалуй, наименее опасно и

наиболее прощительно.

Тщеславный человек жаждет похвалы, аплодисментов, обожания и всегда напрашивается на комплименты. Это недостаток, но недостаток детский и даже, как ни странно, не очень вредоносный. Он лишь показывает, что полностью довольствоваться самообожанием вы пока не можете. Вы еще достаточно цените других людей, чтобы привлечь их внимание. Иными словами, вы еще сохраняете в себе человечность. Воистину черная, дьявольская гордость приходит тогда, когда вы начинаете считать всех остальных настолько ниже себя, что вас уже не волнует, как они о вас думают. Подчас нам действительно не следует обращать внимание на мнение людей, если в своих словах и поступках мы руководствуемся правильными соображениями, тем более что для нас несравненно важнее, что об этом думает Бог. Но гордый человек не обращает на других внимания совсем по иной причине. Он говорит: «Почему я должен добиваться аплодисментов этой толпы, как если бы мнение всех этих людей имело какую-то ценность? Да если бы оно и было так, я не тот человек, чтобы краснеть от удовольствия при комплименте, словно девчонка, впервые приглашенная на танец. Я — самостоятельный взрослый человек. Все, что я сделал во имя своих собственных идеалов, я сделал или потому, что одарен артистическим складом ума, или следуя традициям моей семьи, короче, потому что я такой, какой я есть. Толпе это нравится? Ее дело! Для меня все они — ничто». В подобном случае настоящая, достигшая предела гордость может выступать противницей тщеславия. Как я сказал выше, дьявол любит лечить мелкие недостатки, подменяя их крупными. Стараясь излечиться от тщеславия, мы не должны звать на помощь нашу гордость.

2. Мы часто слышим, как человек гордится сыном, или отцом, или школой, или службой. Возникает вопрос: грех такого рода гордость? Я думаю, все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слово «гордиться». Часто оно звучит в наших устах как синоним словосочетания «восхищаться от всего сердца». А такое восхищение, безусловно, весьма далеко от греха. Но бывает и по-другому: слово «гордиться» может означать, что человек чувствует себя важной персоной на основании заслуг своего выдающегося отца или из-за принадлежности к знаменитому роду. Хорошего в этом мало: и все-таки это лучше, чем гордиться самим собой. Любить кого-то и восхищаться кем-то, помимо себя, — шаг в сторону от полного духовного крушения. Однако подлинное духовное оздоровление не придет к нам до тех пор, пока мы будем любить что-то и преклоняться перед чем-то больше, чем мы любим Бога и преклоняемся перед Ним.

3. Мы не должны думать, будто Бог запрещает гордость, ибо она оскорбляет Его; что Он требует от нас смирения, чтобы подчеркнуть Свое величие, как если бы Он Сам был болен гордостью. Думаю, Бога меньше всего занимает Его достоинство. Все дело в том, что Он хочет, чтобы мы познали Его. Он хочет дать Себя нам. И если мы действительно, по-настоящему соприкоснемся с Ним, то невольно и с радостью покоримся и почувствуем при этом бесконечное облегчение, отделавшись наконец от надуманной чепухи о нашем достоинстве, которая всю жизнь не дает нам покоя, лишает радости. Он старается сделать нас покорными, чтобы мы могли пережить это облегчение. Он пытается освободить нас от фантастического, уродливого наряда, в который мы рядимся и чванливо расхаживаем как маленькие глупцы. Хотелось бы и мне стать более покорным и смиренным. Если бы я добился этого, то смог бы побольше рассказать вам об облегчении и удобстве, которые приходят к нам, когда мы снимаем с себя пышный маскарадный наряд, когда отделяемся от своего фальшивого «я» с его позами и претензиями: «Ну посмотрите на меня, разве не славный я парень?» Даже приблизиться к такому состоянию на миг — все равно, что выпить холодной воды в пустыне.

4. Не думайте, что настоящее смирение — вкрадчивость и елейность, нарочитое подчеркивание собственного ничтожества. Встретив действительно смиренного человека, вы, скорее всего, подумаете, что он веселый, умный парень, который проявил неподдельный интерес к тому, что вы говорили ему. А если он не понравится вам, то, наверно, потому, что

вы ощутите укол зависти к человеку, который способен так легко и радостно воспринимать жизнь. Он не думает о своем смирении; он вообще не думает о себе.

Если кто-то желает стать смиренным, я могу подсказать ему первый шаг: осознайте свою гордость. Этот шаг будет и самым значительным. По крайней мере, ничего нельзя предпринять, пока он не сделан. Если вы думаете, что не страдаете гордыней, значит, вы действительно ею страдаете.

ЛЮБОВЬ

В предыдущей главе я сказал, что существуют четыре основные и три теологические добродетели. К теологическим относятся вера, надежда и любовь. О вере я буду говорить в двух последних главах. О любви мы уже беседовали в седьмой главе, но там я сконцентрировал все внимание на той ее стороне, которая выражается в способности прощать. Сейчас я хочу кое-что добавить.

Любовь — не состояние чувств, а скорее состояние воли, которое мы воспринимаем как естественное по отношению к самим себе и которое должны научиться распространять, на других.

В главе «Прощение» я сказал, что любовь к себе не свидетельствует о том, что мы себе нравимся. Она означает, что мы желаем себе добра. Точно так же христианская любовь к ближним не обязывает нас восхищаться ими. Одни люди могут нам нравиться, а другие — нет. Важно понять, что наши симпатии и антипатии не грех и не добродетель, как отношение, скажем, к еде. Это просто факт. А вот как мы претворяем наши склонности или неприязнь в жизнь, может стать либо грехом, либо добродетелью.

Симпатия к определенным людям облегчает нам милосердие. Следовательно, мы должны всемерно поощрять в себе природное свойство любить людей (как поощряем мы нашу склонность к физическим упражнениям или к здоровой, натуральной пище) не потому, что в этом и заключается любовь, а потому, что это помогает нам любить. С другой стороны, нам надо постоянно следить, чтобы наша приязнь к одним людям не сказалась на нашей любви к другим, не толкнула нас на несправедливый поступок. Ведь бывает и так, что наша склонность вступает в конфликт с нашей любовью к тому человеку, к которому мы эту склонность питаем. Например, ослепленная любовью мать может в силу своей естественной нежности избаловать собственного ребенка: свое пылкое чувство к сыну или дочери она удовлетворяет (не сознавая того) за счет его (или ее) благополучия в будущем.

Но хотя естественную симпатию к другим и следует поощрять в себе, это не означает, что для развития в своей душе любви мы должны всячески разжигать в себе симпатию. Некоторые люди наделены холодным темпераментом. Возможно, в этом их несчастье; но это не больший грех, чем плохое пищеварение. Однако такой темперамент не освобождает их от обязанности учиться любви. Правило, которое существует для всех нас, очень ясно: не теряйте времени, раздумывая над тем, любите ли вы ближнего; поступайте так, как если бы вы его любили. Как только мы начинаем делать это, мы открываем один из великих секретов: ведя себя по отношению к человеку так, как если бы мы его любили, мы постепенно начинаем любить его. Причиняя вред тому, кто нам не нравится, мы замечаем, что от этого он не нравится нам еще больше; сделав же по отношению к нему добрый жест, чувствуем, что наша нелюбовь стала меньше. Но в этом правиле есть одно исключение. Если вы совершили хороший поступок не ради того, чтобы угодить Богу и исполнить закон любви, а для того, чтобы продемонстрировать, какой вы, в сущности, славный, умеющий прощать человек, чтобы заставить благодетельствованного вами чувствовать себя вашим должником и предвкушать от него благодарность в будущем, вас, по всей видимости, ждет разочарование. Ведь люди не глупы. Они сразу видят, когда что-то делается из расчета и напоказ.

Зато всякий раз, когда мы делаем добро кому-то другому только потому, что этот другой — тоже человек, созданный (как и мы с вами) Богом, и потому, что желаем ему счастья, как желаем его себе, мы научаемся любить его немножко больше. Или, по крайней

мере, меньше не любить его.

Вот и получается, что хотя христианская любовь представляется чем-то бесстрастным тем, кто чрезмерно склонен к чувствительности, хотя она и сильно отличается от пылкой симпатии и нежных чувств, в конечном счете она именно к симпатии и нежности ведет. Разница между христианином и мирским человеком не в том, что мирскому человеку присущи лишь симпатии, а христианину — только любовь. Она в том, что мирской человек относится с добротой к тем, кто ему нравится. А христианин старается быть добрым к каждому, и, по мере того как он это делает, он начинает замечать, что люди нравятся ему больше, даже те, о которых вначале он и подумать тепло не мог.

Тот же духовный закон действует и в обратном направлении. Немцы, возможно, плохо относились к евреям сначала из-за того, что они их ненавидели. Позднее они стали ненавидеть их еще больше из-за того, что преследовали их и уничтожали. Чем более жестоко вы поступаете с человеком, тем больше ненависти к нему испытываете. Чем больше вы его ненавидите, тем больше жестокости проявляете. Порочный круг замкнулся.

И добро, и зло — оба возрастают в геометрической прогрессии. Вот почему те маленькие решения, которые мы с вами принимаем повседневно, имеют такое бесконечно важное значение. Пустяковое, казалось бы, доброе дело, совершенное вами сегодня, — это овладение стратегическим пунктом, от которого несколькими месяцами позднее вы сможете устремиться к завоеваниям и победам, прежде вам недоступным. А незначительная как будто уступка нечистому желанию или гневу обернется потерей горного рубежа, или узловой станции, или укрепления, откуда враг сможет начать атаку в ином случае немыслимую.

Некоторые авторы используют понятие «любовь» для описания не только христианской любви между людьми, но и любви Бога к человеку и человека — к Богу. Людям свойственно беспокоиться по поводу последней из этих двух. Им сказано, что они должны любить Бога. Но они не могут найти в себе этих чувств. Что им делать? Ответ все тот же. Они должны поступать так, как если бы они Его любили. Не пытайтесь насильственно выжимать из себя эти чувства. Задайте себе вопрос: «Что бы я делал, если бы был уверен, что люблю Бога?» И найдя ответ, претворите его в жизнь. В общем, Божья любовь к нам — более безопасный предмет для размышлений, чем наша любовь к Нему. Никто не может постоянно испытывать преданность. И даже если бы мы могли, это не то, чего Бог желает от нас более всего. Христианская любовь и к Богу, и к человеку — это волевой акт. Стараясь следовать Его воле, мы исполняем Его заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего». Он Сам даст нам чувство любви, если сочтет нужным. Мы не в состоянии выработать его в себе собственными усилиями, и мы не должны требовать этого чувства как чего-то, принадлежащего нам по праву. Но нам следует помнить одну великую истину: наши чувства появляются и исчезают. Его любовь к нам неизменна. Она не становится меньше из-за наших грехов или нашего безразличия и поэтому не слабеет в своей решимости излечить нас от греха, чего бы это нам ни стоило и чего бы это ни стоило Ему.

НАДЕЖДА

Надежда — одна из теологических добродетелей. Постоянные размышления о вечности — не бегство от действительности (как считают некоторые наши современники), а одна из функций, которые призван осуществить христианин. Это не значит, что нам не следует беспокоиться о состоянии современного мира. Читая историю, вы видите, что именно христиане, внесшие неоценимый вклад в развитие нашего сегодняшнего мира, более других думали о мире грядущем. Сами апостолы, которые положили начало обращению к христианству Римской империи, великие люди, создавшие культуру средневековья, английские евангелисты, добившиеся уничтожения работорговли, — все они оставили след на земле именно потому, что ум их был занят мыслями о небе. И лишь по мере того как христиане все меньше думали о мире ином, слабело их влияние на положение вещей в этом мире. Цельтесь в небо — попадете и в землю; цельтесь в землю — не попадете никуда! Это

правило кажется странным, но мы сталкиваемся с чем-то подобным и в других областях. Например, здоровье — великое благо, но как только вы делаете его объектом своих забот, вам начинает казаться, что оно у вас не в порядке. Думайте побольше о работе, развлечениях, свежем воздухе, вкусной пище — и вполне вероятно, что здоровье получите в придачу. И еще: если все наши мысли направлены на совершенствование нашей цивилизации, нам не спасти ее. Для этого надо научиться думать о чем-то ином и хотеть (в еще большей степени) этого иного.

Слишком многим из нас очень трудно хотеть «неба» вообще — разве что во имя того, чтобы встретиться с умершими близкими. Одна из причин, почему нам это трудно, в том, что мы не приучены. Вся наша система образования ориентирует наш разум на этот мир. Другая причина в том, что, когда такое желание проявляется, мы его попросту не узнаем. Большинство людей, которые действительно научились бы заглядывать в глубины своего сердца, знали бы: то, что они желают, и желают очень сильно, в этом мире обрести нельзя. Здесь много такого, что сулит нам желаемое, но эти обещания никогда не выполняются. Страстная юношеская мечта о первой любви или о какой-то заморской стране, волнение, с которым мы беремся за дело, глубоко нас интересующее, не могут быть удовлетворены ни женитьбой, ни путешествием, ни научными изысканиями. Я не имею в виду неудачные браки, либо неудавшиеся каникулы, или несбывшиеся ученые карьеры. Я говорю о самых удачных. В первый момент, когда наша мечта — на пороге осуществления, нам кажется, что мы ухватили жар-птицу за яркое ее оперение, но уже в следующий момент она ускользает от нас. Я думаю, вы все понимаете, о чем я веду речь. Жена может быть прекрасной женой, гостиницы и пейзажи — просто отличными, а химия — невероятно интересным делом, но при всем при этом что-то ускользает от нас.

Существуют две неверные реакции на это и одна правильная.

1. Реакция глупца. Он винит всех и вся. Его не покидает мысль, что, если бы он попробовал связать свою жизнь с другой женщиной или если бы отправился в более дорогое путешествие, то ему удалось бы поймать то таинственное нечто, которого ищем все мы. Большинство скучающих, разочарованных богатых людей относятся к этому типу. Всю свою жизнь переходят они от одной женщины к другой (оформляя разводы и новые браки), переезжают с континента на континент, меняют хобби, не теряя надежды, что вот это-то наконец настоящее, но разочарование неизменно постигает их.

2. Реакция утратившего иллюзии здравомыслящего человека. Он вскоре приходит к заключению, что все эти надежды были пустой мечтой. Конечно, говорит он, когда вы молоды, вы полны великих ожиданий. Но доживите до моего возраста, и вы оставите погоню за солнечным зайчиком. На этом он и успокаивается, учится не ожидать от жизни слишком многого и старается заглушить в себе голос, нашептывающий ему о волшебных далях. Такой подход к проблеме, конечно, гораздо лучше первого и приносит человеку больше счастья, а сам человек — меньше неприятностей обществу. Обычно он становится педантом, склонным покровительственно, снисходительно относиться к молодым. Но в целом жизнь протекает для него довольно гладко. Это был бы наилучший путь, если бы нам не предстояло жить вечно. Но что, если безграничное счастье существует, ожидая нас где-то? Что, если человек действительно может поймать солнечный зайчик? В этом случае было бы очень печально обнаружить слишком поздно (сразу же после смерти), что своим так называемым здравым смыслом мы убили в себе право наслаждаться этим счастьем.

3. Реакция христианина. Христианин говорит: «Ничто живое не рождается на свет с такими желаниями, которые невозможно удовлетворить. Ребенок испытывает голод, но на то и пища, чтобы насытить его. Утенок хочет плавать: что ж, в его распоряжении вода. Люди испытывают влечение к противоположному полу; для этого существует половая близость. И если я нахожу в себе такое желание, которое ничто в мире не способно удовлетворить, это, вероятнее всего, можно объяснить тем, что я был создан для другого мира. Если ни одно из земных удовольствий не приносит мне подлинного уболагодворения, это не значит, что Вселенной присуще некое обманчивое начало. Возможно, земные удовольствия и рассчитаны

не на то, чтобы удовлетворить ненасытное желание, а на то, чтобы, возбуждая его, манить меня вдаль, где и таится настоящее. Если это так, то я должен постараться, с одной стороны, никогда не приходить в отчаяние, проявив неблагодарность за эти земные благословения, а с другой стороны, мне не следует принимать их за что-то другое, копией, или эхом, или несовершенным отражением чего они являются. Я должен хранить в себе этот неясный порыв к моей настоящей стране, которую я не сумею обрести, прежде чем умру. Я не могу допустить, чтобы она скрылась под снегом, или пойти в другую сторону. Желание дойти до этой страны и помочь другим найти туда дорогу должно стать целью моей жизни».

Нет смысла обращать внимание на людей, старающихся высмеять христианскую надежду о небе, говоря, что им не хотелось бы провести всю вечность, играя на арфах. Этим людям надо ответить, что если они не могут понять книг, написанных для взрослых, то не должны и рассуждать о них. Все образы в Священном писании (арфы, венцы, золото) — это просто попытка выразить невыразимое. Музыкальные инструменты упоминаются в Библии потому, что для многих людей (не для всех) музыка — это такое явление нашего мира, которое лучше всего передает чувство экстаза и бесконечности. Венцы или короны указывают на то, что люди, объединившиеся с Богом в вечности, разделят с Ним Его славу, силу и радость. Золото символизирует неподвластность неба времени (ведь металл этот не ржавеет) и его непреходящую ценность. Люди, понимающие все эти символы буквально, с таким же успехом могли бы подумать, что, когда Иисус говорил нам, чтобы мы были, как голуби. Он имел в виду, что мы должны нести яйца.

ВЕРА

В этой главе я собираюсь поговорить с вами о том, что христиане называют верой. Очевидно, что слово «вера» используется ими в двух смыслах или на двух уровнях; и я рассмотрю каждый из них по очереди. В первом случае это слово означает принятие или признание за истину доктрин христианства. Довольно просто. Но вот что озадачивает людей, по крайней мере, озадачивало меня: в этом смысле христиане рассматривают веру как добродетель. Я, помню, не переставал задавать вопросы, почему, на каком основании она может быть добродетелью — что может быть морального или аморального в принятии или непринятии какого-то набора заявлений? Я говорил, что каждый здравомыслящий человек принимает или отвергает любое заявление не потому, что он хочет или не хочет его принять, но потому, что доводы в пользу его кажутся ему либо удовлетворительными, либо нет. И если он ошибся, оценивая, насколько вески представленные ему доказательства, это не значит, что он плохой человек. Разве что недостаточно умный. Если же, считая доказательства неубедительными, он все-таки старался бы поверить, несмотря ни на что, это было бы просто глупо.

Что ж, я и сегодня придерживаюсь этой точки зрения. Но тогда я не видел одной вещи, которой многие люди не видят и по сей день. Я считал, что, если человеческий разум однажды признал что-то как истину, это «что-то» автоматически будет считаться им истиной до тех пор, пока не появится серьезная причина для пересмотра привычной точки зрения. Я фактически считал, что человеческий разум целиком управляется логикой. Но это не так. Например, умом — на основании веских доказательств я совершенно убежден в том, что обезболивающие средства не могут вызвать у меня удушья и что опытный хирург не начнет операцию, пока я совсем не усну. Однако это не меняет того факта, что, когда меня кладут на операционный стол и я ощущаю на своем лице эту ужасную маску, меня, словно ребенка, охватывает паника. Мне приходит в голову, что я задохнусь, я пугаюсь, что меня начнут резать прежде, чем мое сознание отключится окончательно. Иными словами, я теряю веру в анестезию. И происходит это не потому, что эта вера противоречит рассудку. Напротив, им-то она и обоснована. Я теряю ее из-за воображения и эмоций. Битва между верой и разумом, с одной стороны, и эмоциями и воображением, с другой.

Когда вы задумаетесь над этим, то в голову вам придет множество примеров. Человек

знает на основании достоверных фактов, что его знакомая девушка большая лгунья, что она не умеет держать секретов и ей нельзя доверять. Но когда он оказывается в ее обществе, разум его теряет веру в эту информацию о ней и он начинает думать: «А может быть, на этот раз она будет другой», и снова ставит себя в дурацкое положение, рассказывая ей то, чего рассказывать не следовало. Его чувства и эмоции разрушили его веру в то, что было правдой, и он это знал.

Или возьмите другой пример: мальчик учится плавать. Он прекрасно понимает умом, что человеческое тело совсем не обязательно пойдет ко дну, если оставить его в воде без поддержки: он видел десятки плавающих людей. Но сможет ли он верить в это, когда инструктор уберет руку и оставит в воде без поддержки именно его? Или он внезапно потеряет веру, испугается и пойдет ко дну?

Приблизительно то же происходит с христианством. Я не прошу кого бы то ни было принять Христа, если рассудок его под давлением убедительных доказательств говорит ему обратное. Так вера не приходит. Но предположим, голос рассудка, опять-таки под давлением доказательств, свидетельствует в пользу христианства. Я могу сказать, что случится на протяжении нескольких последующих недель. Наступит момент, когда вы получите плохие известия, или попадете в беду, или встретите людей, не верящих в то, во что вы верите, и тотчас же поднимутся противоречивые чувства и поведут атаку на убеждения. Или придет минута, когда вы пожелаете обладать женщиной, или захотите сказать ложь, или впадете в самолюбование, или подвернется случай раздобыть деньги не совсем честным путем, — короче, такая минута, когда было бы удобнее, если бы вся эта христианская вера оказалась выдумкой. И снова желания поведут атаку на убеждения. Я не говорю о таких моментах, когда вы столкнетесь с новыми логическими доводами против христианства. Таким доводам или фактам надо смело смотреть в лицо, но не об этом, речь. Я говорю о тех случаях, когда христианским убеждениям человека противостоят чувства и настроение.

Вера в том смысле в каком я сейчас употребляю это слово — искусство держаться тех убеждений, с которыми разум однажды согласился, независимо от того, как меняется настроение; потому что настроения человека будут меняться, какую бы точку зрения он ни принял. Я знаю это из личного опыта. Теперь, когда я стал христианином, у меня бывает временами такое состояние, когда христианская истина представляется мне маловероятной. Но в бытность мою атеистом на меня порой находило настроение, когда она, напротив, казалась мне очень вероятной. Подобного мятежа против вашего истинного «я» со стороны ваших чувств и настроений вам в любом случае не избежать. Вот почему вера так необходима. Пока вы не научитесь управлять настроениями, — пока вы не укажете им на их место, вы не сможете оставаться ни убежденным христианином, ни убежденным атеистом. Вы будете вечно мятущимся существом, чьи убеждения зависят от погоды или от пищеварения. Следовательно, человек должен развивать в себе привычку веры.

Первый шаг в этом направлении — признать, что ваши настроения постоянно меняются. Далее. Если вы однажды приняли христианство, то следующий ваш шаг — позаботиться о том, чтобы каждый день на какое-то время сознательно возвращаться разумом к его основным доктринам. Вот почему ежедневные молитвы, чтение религиозной литературы и посещение церкви составляют столь неотъемлемую часть христианской жизни. Мы нуждаемся в постоянном напоминании о том, во что мы верим. Ни христианские убеждения, ни какие бы то ни было другие не закрепляются в человеческом уме автоматически. Их необходимо питать. Возьмите сто человек, потерявших веру в христианство, и поинтересуйтесь, сколько из них изменили свои убеждения под воздействием доводов разума? Вы увидите, что большинство отошло от христианства просто так, из-за своей инертности.

А сейчас я должен перейти к вопросу о вере в более высоком ее значении, и это самое трудное из всего, с чем мне приходилось иметь дело. Вначале мне придется вернуться назад, к вопросу смирения. Вы помните, я говорил, что первый шаг на пути к смирению — в признании присущей человеку гордости? Второй шаг — в серьезной попытке проводить в

жизнь христианские добродетели. Одной недели для этого недостаточно, столь короткое время — непоказательно. Постарайтесь делать это на протяжении шести недель. За это время, полностью провалившись и даже упав ниже того уровня, с которого начали, вы обнаружите некоторую правду о себе. Ни один человек не знает, насколько он плох, пока по-настоящему не постарается быть хорошим.

В наши дни распространилось глупое представление, будто хорошие люди не знают, что такое соблазн. Это — явная ложь. Только те, которые стараются противостоять искушению, знают, насколько оно сильно. Вы поняли, как сильна немецкая армия, сражаясь против нее, а не сдавшись ей в плен. Вы познаете силу ветра только тогда, когда идете против него, а не когда ложитесь на землю. Человек, который поддался искушению через пять минут, просто не имеет представления о том, каким оно стало бы через час. Вот, между прочим, почему плохие люди знают очень мало о том, что такое зло. Они защитились от этого знания тем, что всегда уступали искушению в самом начале. Мы никогда не узнаем силу импульса зла внутри нас, если не попытаемся противостоять ему. Христос был единственным человеком на земле, который ни разу не уступил искушению, поэтому Он и единственный человек, который знал его во всей полноте.

Следовательно, главное, чему мы учимся при серьезной попытке не отступать от христианских добродетелей, — это умению признать, что неспособны жить в согласии с ними. От допущения, что Бог предлагает нам своего рода экзамен, на котором мы могли бы получить хорошие отметки за свои заслуги, придется отказаться. Отпадает и предположение о сделке, при которой мы могли бы исполнить взятые на себя обязательства, и, таким образом, поставить Бога в положение, когда Ему просто пришлось бы во имя справедливости выполнить Свои обязательства.

Я думаю, каждому, кто имел какую-то неясную веру в Бога до того, как стал христианином, приходила в голову мысль о подобном экзамене или сделке. Но коль скоро люди становятся христианами, они начинают осознавать, что идея эта не срабатывает. Тогда некоторые решают, что само христианство обречено на неудачу, и отходят от него. Очевидно, эти люди воображают Бога каким-то простаком. Но Он, безусловно, прекрасно обо всем знает. Одна из задач христианства именно в том и состоит, чтобы показать нам несостоятельность вышеупомянутых представлений. Бог ожидает того момента, когда мы увидим, что на этом экзамене невозможно заработать проходного балла, как невозможно сделать Бога нашим должником.

Затем приходит другое открытие. Каждая способность, которой вы наделены: способность двигать конечностями или мыслить — все это дано Богом, и если каждый момент своей жизни мы посвятим исключительно служению Ему, то и тогда не сможем дать Ему ничего, что так или иначе уже не принадлежало бы Ему. Когда мы говорим о человеке, делающем что-то для Бога или дающем что-то Богу, это подобно тому, как если бы маленький мальчик пришел к отцу и сказал: «Папа, дай мне деньги, чтобы купить тебе подарок». Конечно, отец даст, и подарок доставит ему удовольствие. Все это очень мило и правильно. Но только глупец может подумать, что при этой сделке отец выигрывает. Лишь когда человек сделает оба эти открытия. Бог сможет по-настоящему приняться за работу над ним. Только после этого и начинается для него настоящая жизнь. Человек пробуждается...

После всех этих разъяснений мы можем перейти к разговору о вере во втором смысле.

ВЕРА (продолжение)

Мне хотелось бы, чтобы на то, с чего я начну этот разговор, каждый обратил особое внимание. А начну я с предупреждения. Если эта глава не представится вам интересной, если вам покажется, что в ней делается попытка ответить на вопросы, которые у вас никогда не возникали, не читайте ее до конца. Дело в том, что в христианстве есть вещи, которые можно понять еще до того, как вы стали христианином. Но немало и таких вещей, которые вы не в состоянии понять до тех пор, пока сами не преодолите часть пути. Это чисто практические

вещи, хотя на первый взгляд и не кажутся такими. Они как бы указывают направления, отмечают перекрестки и предупреждают о препятствиях, которые вы встретите на пути веры. И естественно, они ничего не говорят человеку, который еще не достиг перекрестков, и не наткнулся на препятствия. Всякий раз, когда вы сталкиваетесь в христианской литературе с заявлениями, которые для вас лично не имеют практического смысла, не задумывайтесь над ними. Проходите мимо них. Наступит день, может быть — годы спустя, когда вы внезапно поймете, что это значит. Возможно, вам принесло бы вред, если бы вы поняли их слишком рано.

Все это, конечно, говорит против меня, как говорило бы против всякого другого. Возможно, я собираюсь объяснить то, до чего сам еще не вполне дошел. Поэтому я прошу тех христиан, которые разбираются в тонкостях нашей доктрины, внимательно следить за ходом моих высказываний и указать мне на допущенные ошибки. Остальных же прошу принять то, что я говорю, как некую крупицу истины, которая может оказаться для них полезной, памятуя при этом, что я и сам не полностью убежден в своей правоте.

Я пытаюсь говорить о вере во втором, более высоком смысле этого слова. Я только что сказал, что потребность разобраться в нем возникает не прежде, чем человек сделал все от него зависящее, чтобы следовать христианским добродетелям, и увидел, что это для него невозможно: не раньше, чем он осознал, что, если бы это даже удалось ему, он отдал бы Богу только то, что и без того Ему принадлежало. Иными словами, лишь тогда, когда он обнаружил полное свое банкротство.

Позвольте мне еще раз повторить: для Бога важнее всего не наши действия, а наше состояние. Он хочет, чтобы мы были существами особого рода или качества, а именно — такими, какими Он предназначал нам быть в самом начале, то есть существами, определенным образом связанными с Ним. Не обязательно добавлять «и связанными определенным образом друг с другом», второе вытекает из первого. Если у вас установились правильные отношения с Богом, то непременно установятся правильные взаимоотношения и со всеми вашими собратьями. Это как спицы колеса: если они правильно посажены на втулку, то будут симметричны и по отношению друг к другу. А пока человек думает о Боге как об экзаменаторе, который требует от него выполнения определенного проверочного задания, или как об одной из сторон в двухсторонней сделке, пока он считает, что в отношениях с Богом можно ставить, обоюдные требования, преждевременно говорить о правильных отношениях с Богом. Он еще не понял, что такое он сам и что такое Бог.

В правильные отношения с Создателем человек не сумеет вступить до тех пор, пока не обнаружит полного своего банкротства. Когда я говорю «обнаружит», я имею в виду, что он действительно это обнаружит, а не как попугай повторит за другими слова о своем банкротстве. Конечно, и ребенок, получивший какое-то религиозное образование, вскоре научится повторять, что мы не можем предложить Богу ничего такого, что бы уже Ему не принадлежало, но даже этого мы не в состоянии предложить Ему целиком, не удержав чего-то для себя. Однако я имею в виду подлинное открытие, когда человек на личном опыте убеждается, что все это правда. Но обнаружить нашу неспособность следовать Божьему закону нам дано только ценой самых настойчивых попыток соблюдать его, в несостоятельности которых мы сами убедимся. Пока мы не приложим настоящих стараний, где-то в глубине души мы будем надеяться, что если в следующий раз мы постараемся изо всех сил, то наконец сумеем стать непогрешимыми. Таким образом, с одной стороны, возвращение к Богу требует от нас нравственных усилий, предельных стараний: но, с другой стороны, не эти старания приведут нас к желанной цели. Зато они ведут к жизненно важному моменту, в который мы обращаемся к Богу со словами: «Ты должен сделать это, потому что сам я сделать этого не в состоянии». И я прошу вас, не задавайте себе вопроса: «Достиг ли я этого момента?» Не копайтесь в своих ощущениях, стараясь понять, наступает ли та самая минута. Это толкнуло бы вас на неверный путь. Ведь когда в нашей жизни случаются какие-то важные события, то в тот именно момент, когда они происходят, мы подчас и не сознаем этого. В каждую данную минуту человек не говорит себе: «Слава Богу, я расту!» Чаше всего

он способен заметить, что действительно вырос, только оглянувшись назад. Вы можете наблюдать действие того же принципа и в более простых вещах. Человек, который с нетерпением ожидает прихода сна, скорее всего, не сможет заснуть. И то, о чем я говорю сейчас, тоже, возможно, не с каждым случится, подобно вспышке молнии, как это случилось с апостолом Павлом или Беньяном.

Это может происходить так постепенно, что человек не сумеет указать ни часа, ни даже года, когда это произошло. Значение имеет характер происшедшего с нами, а не то, что мы при этом переживали. Это изменение выразится в переходе от уверенности в своих силах к такому состоянию, когда, отчаявшись в наших попытках добиться желаемого результата, мы все предоставим Богу.

Я знаю, слова «предоставить Богу» некоторых могут ввести в заблуждение. Тем не менее в данный момент их нельзя не произнести. Для христианина они означают все доверить Христу; в них выражается упование на то, что Христос каким-то образом поделится с нами Своей способностью к совершенному послушанию, которое Он осуществлял от рождения Своего до распятия. В этих словах звучит надежда на то, что Христос сделает человека более подобным Себе в том смысле, что Он излечит его слабости, исправит его недостатки. Говоря христианским языком, Сын Божий разделит с нами Свою природу и сделает нас причастными этому высокому сыновству. В IV книге я постараюсь поглубже проанализировать значение этих слов.

Итак, Христос предлагает нам нечто важное и притом — даром; более того, Он даром предлагает нам все. В некотором смысле христианская жизнь и состоит в принятии этого совершенно исключительного предложения. Но трудность заключается в способности признать, что все, что мы сделали, и все, что мы можем сделать, в сущности, ничто. Однако полностью передать наши заботы Иисусу вовсе не означает перестать действовать, прекратить стараться. Довериться Ему — значит, делать все то, что Он подсказывает. Какой смысл говорить, что вы доверяете такому-то человеку, если вы не следуете его советам? Таким образом, если вы действительно полностью доверились Ему, вы будете стараться Ему подчиняться. Но стараться теперь вы будете по-иному, ни о чем не волнуясь. Вы станете выполнять то, о чем Он говорит, не для того, чтобы спастись, а из-за того, что Он уже начал спасать вас. Вы станете жить и действовать иначе: не во имя надежды попасть на небо в награду за свое поведение, а потому, что внутри вас уже забрезжил слабый отблеск небесного света.

Христиане часто спорят о том, что ведет христианина в дом Отца: добрые дела или вера в Христа. Я не уверен, что имею право приниматься за столь трудную тему, но мне кажется, что спорить об этом все равно, что спрашивать, какое лезвие в ножницах более необходимое. Только самое серьезное нравственное усилие поможет вам ясно понять, что все ваши усилия тщетны, и лишь вера в Христа способна спасти вас от отчаяния в такой момент. Впоследствии эта вера неизбежно приведет вас к совершению добрых дел.

Существовали две пародии на истину, которых в прошлом придерживались некоторые христиане и которые были осуждены другими верующими христианами. Возможно, если мы задумаемся над этими пародиями, то нам станет яснее сама истина.

Одна из идей, подвергшихся осуждению, состояла в следующем: «Добрые дела — это единственное, что важно. Лучшее доброе дело — это благотворительность. Лучшая форма благотворительности — денежные пожертвования. А кому же лучше жертвовать деньги, как не церкви? Так что дайте церкви 10000 фунтов стерлингов, и она позаботится о том, чтобы с вами все было в порядке». На эту бессмыслицу, очевидно, напрашивается возражение: «Добрые дела, совершенные в силу того представления, будто небо можно купить, не добры ни с какой точки зрения. Они всего лишь торговая сделка».

Другое заблуждение сводилось к следующему: «Значение имеет только вера. Следовательно, если у вас есть вера, то действия ваши и поступки роли не играют. Грешите в свое удовольствие, мой друг, развлекайтесь и наслаждайтесь жизнью, а Христос позаботится о том, чтобы все это не отразилось на вашем пребывании в вечности». Возражая на эту

абсурдную идею, мы говорим: «Если то, что вы называете верой в Христа, не заставляет вас обратить хоть немного внимания на то, что Он говорит, значит, это и не вера. У вас нет ни веры, ни доверия к Нему — разве что кое-какие теоретические знания».

Проблему того, что важнее — дела или вера, Библия решает, объединяя эти два представления в одной замечательной фразе. В первой части ее мы читаем: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Фил. 2, 12), и это выглядит так, как если бы все зависело от нас и наших добрых дел; но во второй части того же предложения говорится: «Потому что Бог производит в вас хотение, и действие по Своему благоволению», и это можно понять в том смысле, что Бог делает за нас все, мы же — ничего. Именно с этой дилеммой и приходится сталкиваться в христианстве.

Я и сам порою ощущаю себя в тупике, но это меня не удивляет. Видите ли, мы сейчас пытаемся понять с позиций двоякого толкования нечто такому толкованию не подлежащее, а именно: что в точности делает Бог и что — человек, когда они действуют сообща. Мысленно мы прежде всего сравниваем это с двумя людьми, работающими вместе, когда можно сказать: «Он сделал то-то, а я то-то». Но такое сравнение несостоятельно. Ибо Бог — не человек. Он действует как внутри нас, так и во внешнем мире. Даже если бы нам удалось понять, кто и что в этой ситуации делает, я не думаю, что человеческий язык приспособлен для выражения подобных понятий.

Пытаясь все-таки как-то выразить это, разные церкви говорят разные вещи. Но примечательно, что те из них, которые особенно подчеркивают важность добрых дел, говорят вам о необходимости веры; те же, что особое значение придают вере, настаивают на необходимости добрых дел. Это, пожалуй, все, что я могу сказать.

Я думаю, все христиане согласятся со мной в следующем: хотя на первый взгляд кажется, будто христианство сводится целиком к толкованию морали, долга и соблюдения правил, вины и добродетели, оно, однако, ведет нас дальше, за пределы всего этого. В нем человек видит проблеск иной страны, где никто о подобных вещах не говорит, разве только в шутку. Каждый в той стране исполнен того, что мы называем добром, как зеркало наполнено светом. Но никто там не называет это добром. Это вообще никак не называют. О нем просто не думают. Там слишком заняты постоянным созерцанием источника, из которого оно исходит. Но мы приблизились к той сфере, откуда дорога уходит за пределы нашего мира. Ничьи глаза не способны видеть так далеко, хотя глаза многих, очевидно, способны видеть дальше, чем видят мои.

Книга IV.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИЧНОСТИ, ИЛИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В УЧЕНИИ О ТРОИЦЕ

СОТВОРИТЬ — НЕ ЗНАЧИТ РОДИТЬ

Меня многократно предупреждали, чтобы я не рассказывал вам того, что собираюсь рассказать в этой книге. Мне говорили: «Обыкновенный читатель не желает иметь дела с теологией; дайте ему простую, практическую религию». Я отверг эти советы. Я не думаю, что обыкновенный читатель настолько глуп. Слово «теология» означает «наука о Боге»; и я полагаю, что каждый человек, хоть немножко задумывающийся о Создателе всего сущего, хотел бы, насколько это возможно, получить самые ясные и точные представления о Нем. Вы не дети, так зачем же обращаться с вами, как с детьми?

В какой-то мере я понимаю, почему некоторым людям хотелось бы обойти теологию стороной. Я помню, во время одной моей беседы пожилой офицер, побывавший, видно, во многих переделках, поднялся и сказал: «Мне вся эта болтовня ни к чему. Но, доложу вам, я тоже человек религиозный. Я знаю, что Бог есть. Как-то ночью, когда я был один в пустыне, я чувствовал Его присутствие. Это величайшая тайна. Именно поэтому я не верю всем вашим аккуратным маленьким формулам и догмам о Нем. Да и каждому, кто пережил реальную

встречу с ним, они покажутся жалкими, сухими и ненастоящими».

В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Думаю, что, вполне вероятно, он и в самом деле пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, воспринял это как переход от чего-то реального к менее значительному и настоящему. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли настоящие океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Однако дело вот в чем. Карта — действительно кусок раскрашенной бумаги, но вы должны понять две вещи. Во-первых, она составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу океана. За одним исключением, однако. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себе все различные опыты вместе взятые. Во-вторых, если вы хотите куда-то отправиться, карта будет вам совершенно необходима. Пока вы довольствуетесь прогулками по берегу, впитывать в себя зрелище океана гораздо приятнее, чем рассматривать карту. Но пожелай вы отправиться в Америку, она будет вам несравненно полезнее, чем опыт ваших прогулок.

Теология подобна карте. Простое размышление о христианских доктринах и изучение их, если вы на этом остановитесь, менее значимо и интересно, чем то, что пережил тот офицер в пустыне. Доктрины — это не Бог. Они представляют из себя своего рода карту. Но карта эта составлена на основании опыта, пережитого сотнями людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим опытом любые захватывающие переживания или религиозные чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, выглядят крайне примитивно и нечетко.

Затем, если вы хотите продвигаться вперед, карта вам совершенно необходима. Видите ли, то волнующее переживание, которое поразило офицера в пустыне, при всей его реальности, бесполезно даже для него. Оно никуда не ведет, так как сводится лишь к эмоциональному потрясению и не требует никакой работы. Это все равно что смотреть на волны океана, стоя на берегу. Вы не попадете в Ньюфаундленд, если этим ограничится ваш контакт с Атлантическим океаном. И вы не обретете жизни вечной, лишь наслаждаясь ощущением Божьего присутствия в цветах и музыке. Однако вы никуда не попадете и в том случае, если только будете смотреть на карту, а выйти в открытое море не решитесь. Выйдя же в плавание без карты, вы не сможете чувствовать себя в безопасности.

Иными словами, теология — это практическая наука, особенно в наши дни. В старые времена, когда образование не было таким массовым, а дискуссии — столь популярными, как теперь, люди, возможно, могли довольствоваться очень простыми истинами о Боге. Но сейчас дело обстоит иначе. Каждый человек читает, каждый прислушивается к тому, о чем ведутся дискуссии. Так что и не принимая участия в теологических беседах, люди какие-то представления о Боге все-таки имеют. Однако это сплошь и рядом — плохие, беспорядочные и устаревшие представления. Очень многие из них выдают сегодня за нечто новое, между тем как они уже несколько столетий назад были рассмотрены, изучены и отвергнуты известными теологами. К их числу относятся некоторые современные популярные формы религии; исповедание их — такой же шаг назад, каким было бы возвращение к представлению о том, что Земля плоская.

Вникните в популярную в Англии трактовку христианской доктрины, и вы увидите, что она сводится к следующему: Иисус Христос — великий учитель нравственности, и если бы только мы последовали Его совету, то сумели бы установить лучший социальный порядок и избежать еще одной войны. Что ж, это верно. Но такая трактовка касается лишь малой части христианской истины и, как ни странно на первый взгляд, именно практической-то ценности и не имеет.

Да, если бы мы воспользовались советами Христа, то вскоре создали бы гораздо более счастливый мир. Однако для начала идти так далеко, как Христос с Его неземной мудростью,

вовсе не обязательно. Если бы мы делали то, что советовали нам Платон, или Аристотель, или Конфуций, то и тогда наше положение в мире было бы гораздо лучше, чем сейчас. За чем же дело стало? А за тем, очевидно, что мы никогда не следовали советам ни одного из этих великих учителей. Так почему мы должны им следовать сейчас? Почему советам Христа мы последуем скорее, чем советам других? Потому что Он — лучший учитель нравственности? Но если это так, то вероятность того, что мы пойдем за Ним, только снижается. Ведь если мы не в состоянии усвоить урок по курсу начальной школы, можно ли рассчитывать, что мы усвоим что-то посложнее? Если христианство сводится к еще одному доброму совету, то ценность его невелика. За последние четыре тысячелетия человечество не имело недостатка в хороших советах. Несколько дополнительных — положения не изменят.

Но возьмите любую серьезную теологическую работу, трактующую вопросы христианства, и вы увидите, что в ней и в упомянутой популярной трактовке речь идет о совершенно разных вещах. Христианские авторы заявляют, что Христос — Сын Божий (что бы это ни значило). Они говорят, что те, кто Ему доверится и поверит, тоже смогут стать сынами Божьими (что бы это ни значило). Наконец, они говорят, что смерть Его спасла нас от наших грехов (что бы это ни значило).

Не имеет смысла жаловаться, что заявления эти трудно понять. Христианство утверждает, что оно говорит нам о другом мире, о чем-то таком, что за пределами этого мира, который мы можем осязать, слышать и видеть. Вы вправе считать это откровение не соответствующим истине; но, если то, что христианство утверждает, все-таки истина, понять ее, естественно, будет нелегко, по крайней мере, так же трудно, как проблемы современной физики, и по той же причине.

Больше всего нас шокирует в христианстве, что, отдавшись Христу, мы можем стать сынами Божьими. Кто-нибудь может спросить: «Разве мы не Божьи дети уже сейчас? Разве не в том состоит одна из главных идей христианства, что Бог — Отец всего человечества?» Что ж, в некотором смысле, несомненно, мы все — дети Божьи. Я имею в виду, что Бог вызвал нас к существованию, Он любит и заботится о нас, как Отец. Но когда Библия говорит нам о возможности стать сынами Божьими, она, безусловно, подразумевает что-то другое. И это приводит нас к центральному пункту теологии.

В одном из христианских символов веры говорится, что «Христос, Сын Божий, рожден от Бога, а не сотворен Им», и далее добавляется: «рожденный Отцом прежде всех веков» (то есть до сотворения мира). Пожалуйста, уясните себе как следует, что это откровение не имеет ничего общего с тем, что впоследствии Христос родился на земле как Человек и был Сыном девы. В данный момент мы не рассматриваем вопроса о Непорочном зачатии. Нас интересует что-то такое, что имело место еще до сотворения мира, до начала времен. «Прежде всех веков Христос был рожден, а не сотворен». Что это значит?

Родить — значит стать отцом. Сотворить — значит сделать. Разница между этими двумя понятиями в следующем: рожденное от вас обладает той же природой, что и вы. От человека рождаются человеческие дети, от бобра бобрята, птица кладет яйца, из которых вылупляются птенцы. Но когда вы делаете что-то, то создаете нечто отличное от вас самих по природе. Птица вьет гнездо, бобер строит плотину, человек делает радиоприемник или может сотворить что-то более похожее на него, чем приемник, например статую. Если он достаточно искусный скульптор, то может создать статую, очень похожую на человека. И все-таки неживая статуя никогда не будет человеком, поскольку не может ни дышать, ни думать; она лишь походит на него.

Все это надо очень ясно усвоить. То, что рождено Богом, есть Бог, как рожденное от человека — человек. То, что создано Богом, — это не Бог, как и созданное человеком — не человек. Вот почему люди — не сыны Божьи в том смысле, в каком Сын Божий — Христос. Люди могут быть похожи на Бога, но они — существа другого рода. Они скорее похожи на статую или картину, изображающую Бога.

Как и статуя, которая похожа на человека, но не имеет в себе жизни, человек (в некотором смысле, что я и собираюсь объяснить) похож на Бога, но в нем нет того рода

жизни, который присущ Богу.

Давайте сначала рассмотрим первый пункт (сходство человека с Богом). Все, что создано Богом, носит черты какого-то сродства с Ним. Космос похож на Него своей необъятностью. Не то чтобы необъятность космоса была того же рода, что и необъятность Бога; но безграничность Вселенной как бы символ Его безграничности или выражение ее в понятиях недуховного порядка. Материя имеет сродство с Богом в том смысле, что она тоже обладает энергией: хотя, конечно, физическая энергия отличается от энергии, свойственной Богу. Растительный мир схож с Богом в том, что, как и Он, обладает жизнью. Но биологическая жизнь — не та же самая, которая присуща Богу. Она — только символ или тень Его жизни.

Когда мы переходим к животному миру, то обнаруживаем другие черты сродства с Богом, помимо биологической жизни. Интенсивная жизнедеятельность и продуктивность насекомых, возможно, первый, неясный намек на непрерывающуюся созидательную активность Бога. У более высоких форм, млекопитающих, мы наблюдаем начало инстинктивной привязанности. Конечно, эта привязанность не то же самое, что любовь, присущая Богу; но она похожа на нее, как похожа на пейзаж картина, нарисованная на плоском листе бумаги.

И вот мы подошли к человеку, высшему существу в животном мире: в нем мы замечаем наиболее полное сродство с Богом. (Возможно, другие миры населены существами, еще более похожими на Бога, чем мы, но нам об этом ничего не известно.) Человек не только живет — он любит и думает; в нем биологическая жизнь достигает высшего уровня.

Однако в естественном состоянии человек лишен духовной жизни, то есть особого, более высокого рода жизни, который присущ Богу. Мы используем одно и то же слово «жизнь» для обозначения и того, и другого. Но если вы сделаете отсюда вывод, что они, в сущности, одно и то же, то ошибетесь. Они не идентичны между собой, как не идентичны необъятность Вселенной и необъятность Бога. Различие между биологической жизнью и духовной настолько важно, что впредь я собираюсь именовать их по-разному.

Биологическую жизнь, которую мы получаем через природу и которая (как и все в природе) отмечена тенденцией к постоянному угасанию и разложению, а потому нуждается в непрерывной поддержке (она и поступает к ней из природы в виде воздуха, воды, пищи и т. п.), — этот род жизни я буду называть «биос» (греческое слово). Духовную жизнь, которая содержится в Боге «от вечности» и является источником возникновения всей физической Вселенной, назовем греческим словом «зоэ» (что, собственно, и означает — «жизнь»). Биос, несомненно, схож с зоэ, как тень ее или символ. Сходство это такого рода, как между фотографией и самим сфотографированным местом, как между статуей и человеком. Трансформация, которая происходит в человеке, когда биос сменяется в нем на зоэ, равносильна превращению мраморной статуи в живого человека.

Именно в этом и состоит суть всех христианских откровений: наш мир представляет из себя студию Великого Скульптора. Мы с вами — статуи, и в студии ходит слух, что в один прекрасный день некоторые из нас оживут.

БОГ В ТРЕХ ЛИЦАХ

В предыдущей главе мы рассмотрели разницу между понятиями «рождать» и «делать» или «творить». Человек рождает ребенка, статую он делает. Бог рождает Христа, человека Он творит. Сказав это, я проиллюстрировал лишь одну истину о Боге: то, что рождается от Бога-Отца, сень Бог, Существо той же природы, что и Он Сам. В некотором роде это подобно рождению человеческого сына от человеческого отца. Однако сродство тут не абсолютное. Постараюсь объяснить это несколько подробнее.

Очень многие люди в наши дни говорят: «Я верю, что Бог существует, но не могу поверить, что Бог — это личность». Они чувствуют, что таинственное нечто, стоящее за всеми вещами, должно быть чем-то большим, чем просто личность. И христиане вполне

согласны с этим. Но никто, кроме христиан, не предлагает какую бы то ни было идею относительно того, чему может быть подобно существо, стоящее над личностью. Все остальные, соглашаясь, что Бог выходит за пределы личности, именно на этом основании и представляют Его чем-то безличным (а На деле чем-то меньшим, чем личность). Если же вы ищете в Боге сверхличность, некое начало, стоящее выше личности, то выбор между христианской и иными доктринами для вас отпадает. Ибо она, единственная в мире, именно так и трактует Бога.

Некоторые думают, что после этой жизни или после нескольких жизней человеческие души будут впитаны Богом. Но если вы спросите их, что они понимают под этим, то обнаружите, что их идея ничем не отличается от поглощения одних-веществ другими. Они и говорят, что это подобно тому, как капли стекают в океан. Но когда капля стекает в океан, ей приходит конец. Если это и происходит с нами, мы просто прекратим свое существование. Лишь у христиан вы найдете идею о том, как человеческие души могут обрести жизнь в Боге, оставаясь при этом собою; более того — становясь собою в значительно большей степени, чем они были прежде.

Я предупреждал вас, что теология — наука практическая. Цель нашего существования, таким образом, в нашем вовлечении в жизнь Бога. Неверные представления об этой жизни мешают достигнуть цели.

А сейчас я попросил бы особого внимания. Вы знаете, что в пространстве вы можете двигаться в трех направлениях: налево или направо, назад или вперед, вниз или вверх. Любое направление представляет из себя либо одно из этих трех, либо какую-то их комбинацию. Мы называем это тремя измерениями. А теперь напрягите внимание. Пользуясь лишь одним измерением, вы можете начертить только прямую линию. Пользуясь двумя, вы можете начертить фигуру, например квадрат. Квадрат состоит из четырех прямых линий. Давайте сделаем еще один шаг вперед. Если в вашем распоряжении три измерения, вы можете построить объемную фигуру, например куб, похожий на игральную кость или на кусочек сахара. Куб составлен из шести квадратов,

Замечаете, в чем тут дело? Мир, в котором только одно измерение, будет представлять из себя прямую линию. В мире с двумя измерениями мы все еще видим прямые линии, но несколько прямых линий создают фигуру. В трехмерном мире существуют плоские фигуры, но, составленные вместе, они образуют объемное тело. Иными словами, продвигаясь по направлению к более сложным уровням, вы не отбрасываете того, чем располагали на уровнях более простых, вы сохраняете их, группируя, однако, по-новому, в такие формы, которых вы не сумели бы придумать, если бы вам были известны только простейшие уровни.

Христианская теория о Боге строится по этому же принципу. Человеческий уровень — это простой и относительно пустой уровень. На нем одна личность — одно существо, а две личности будут двумя существами. Точно так же при двух измерениях (к примеру, на листе бумаги) один квадрат будет представлять из себя одну фигуру, два квадрата будут двумя фигурами. На Божественном уровне вы все еще — в мире личностей; но эти личности связаны там иначе, совсем другим способом. Мы, никогда не жившие на том уровне, не можем вообразить себе, — каким именно образом они связаны между собой.

В Божьем измерении вы, так сказать, находите существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся в то же время одним Существом; ведь остается же куб, содержащий шесть квадратов, одним кубом. Полностью постичь такое Существо мы, конечно, не в состоянии. Но и куба мы не сумели бы себе ясно представить, если бы могли оперировать лишь двумя измерениями в пространстве. Однако смутное представление об этом нам доступно. И когда оно приходит к нам, мы впервые начинаем постигать, пусть неясно, какую-то позитивную идею о Сверхличности, о Том, Кто больше, чем личность. Это что-то такое, до чего сами мы никогда бы не сумели додуматься. И тем не менее, однажды услышав об этом, мы почти чувствуем, что должны были и сами об этом догадаться, потому что эта идея безукоризненно согласуется со всем тем, что мы уже знаем.

Вы можете задать вопрос: «Если мы не можем вообразить себе Существо, вмещающее в

себя три личности, то какой смысл говорить о Нем?» Что ж, пожалуй, нет никакого. Однако смысл в нашем фактическом вовлечении в жизнь этого триединого Существа, которое может начаться в любое время — сегодня вечером, если хотите.

Я имею ввиду следующее. Обыкновенный, простой христианин становится на колени, чтобы произнести молитву. Он пытается установить связь с Богом. Но если этот человек — христианин, он знает, что сила, которая заставляет его молиться, — это тоже Бог, так сказать. Бог внутри него. Но он также знает, что все его фактические знания о Боге приходят через Христа — Человека, который был Богом. Это Христос стоит рядом с ним, помогая ему молиться, молясь за него. Вы понимаете, что происходит? Бог — это Тот, Кому он молится, цель, которую он пытается достичь. Бог в то же время внутри него, это — та сила, которая вызывает в нем желание молиться. И Бог же — тот путь, по которому толкает его к цели сила, находящаяся внутри. Таким образом, все это троякое функционирование Триединого Существа происходит в обычной маленькой спальне, где обыкновенный человек произносит свою молитву. Этот человек захвачен высшей формой жизни — той, которую я назвал словом «зоэ», или жизнью духовной. Богом он «затянут» в Бога, оставаясь в то же время самим собой.

Так и начиналась теология. Люди уже имели смутное представление о Боге. Затем пришел человек, заявивший, что он — Бог. Однако это был не такой человек, от которого можно отмахнуться, как от сумасшедшего. Он заставил их поверить Ему. После того как они видели Его убитым, Он пришел к ним снова. И позднее, после того как они объединились в маленькое общество, они обнаружили, что Бог каким-то непостижимым образом внутри них: Он направлял их, давал им силы совершать дела, на которые прежде они не были способны. Когда они сопоставили все это и крепко над всем поразмыслили, то пришли к христианской идее о Триедином Боге.

Понятие это не придумано людьми: лишь примитивные религии придуманы. Теология, в некотором смысле, экспериментальная наука. Говоря «в некотором», я имею в виду, что теология подобна экспериментальным наукам, однако не во всем. Если вы геолог и изучаете породы, то должны ездить в экспедиции, чтобы найти образцы этих пород. Они не придут к вам сами, но и не убегут от вас, если вы придете к ним. В этом деле вся инициатива принадлежит вам. Горные породы не в состоянии ни помочь, ни помешать вам. Но, предположим, вы зоолог и хотите сделать снимки диких животных в естественных для них условиях. Предстоящая вам задача отличается от задачи геолога, изучающего минералы. Дикие животные не придут к вам сами, но они в состоянии убежать от вас. И они обязательно это сделают, если вам не удастся остаться незамеченным. Появляются первые признаки их инициативы.

Поднимемся еще на один уровень. Предположим, вы хотите близко узнать человека. Но если он не позволит вам это, вам никогда это не удастся. Вы должны завоевать его доверие. В данном случае инициатива распределяется поровну — для дружбы между двумя человеческими существами необходима обоюдная инициатива.

Что касается познания Бога, то здесь инициатива исходит от Него. Если он не откроет вам Себя, вы не сможете сделать абсолютно ничего, чтобы найти Его. Так оно и бывает: одним Он открывается в большей степени, чем другим, не потому, что у Него есть любимчики, а потому, что для Него невозможно открыть Себя человеку, чей разум и характер не находится в соответствующем состоянии. Солнечный свет не может в пыльном зеркале отразиться так же ярко, как отражается он в чистом.

Эту же мысль можно пояснить иначе: в то время как в других науках вы пользуетесь инструментами, так сказать, из внешнего мира (микроскопами или телескопами), то инструмент, с помощью которого вы можете воспринять Бога, — все ваше существо. И если человек не содержит себя в чистоте, то образ Бога будет смутным и расплывчатым — как Луна, рассматриваемая через грязный телескоп. Вот почему варварские народы исповедуют варварские религии: они смотрят на Бога через нечистые линзы.

Бог может открыть Себя таким, какой Он действительно есть, только настоящим

людям — не просто людям, которые хороши сами по себе, а таким, которые объединились в одну семью, любят и поддерживают друг друга и помогают друг другу познать Его, Бога. Именно для таких отношений предназначал Он человечество: быть музыкантами в одном оркестре или органами в одном теле.

Таким образом, единственный подходящий инструмент для изучения Бога — христианское братство, совокупность всех христиан, вместе ожидающих встречи с Ним. Вот почему все люди, которые появляются время от времени на нашем горизонте, предлагая изобретенные ими или упрощенные религии в подмену христианских традиций, только зря теряют время. Они подобны человеку, который, вооружившись старым полевым биноклем, пытается учить настоящих астрономов. Он может быть умным человеком, возможно, он умнее, чем некоторые профессионалы, но его полевой бинокль — слишком неадекватный инструмент, чтобы он мог научить их чему бы то ни было. Через год-два о нем забудут, а настоящая наука будет идти, как шла.

Если бы христианство относилось к числу наших изобретений, мы, безусловно, сумели бы сделать его проще. Но это не так. Не нам, христианам, соперничать в облегчении и упрощении с людьми, изобретающими религии. Да и как нам тягаться с ними? Мы ведь имеем дело с фактом. Позволить себе быть попроще может лишь тот, кто не знает фактов и не заботится о них.

ВРЕМЯ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВРЕМЕНИ

Существует неверное представление, что, читая книгу, мы не должны ничего пропускать. Мне думается, напротив, те разделы или главы, которые, по нашему мнению, не могут принести нам никакой пользы, читать не следует. На протяжении этой книги я уже обращался к моим потенциальным читателям с подобным советом, и так как в этой главе я собираюсь говорить о вещах, которые одним могут быть полезны, а другими воспримутся как нарочитое и ненужное усложнение, то я повторяю свой совет: пропустите эту главу, если она не покажется вам интересной, и переходите к следующей.

В предыдущей главе я коснулся молитвы; и пока эта тема еще свежа в нашей с вами памяти, я хотел бы поговорить о трудностях, возникающих у некоторых людей. Помнится, один из таких людей сказал мне: «Я могу верить в Бога, но то, что Он слушает несколько сот миллионов человек, обращающихся к Нему одновременно, до меня не доходит». Я пришел к выводу, что очень многие люди разделяют эту точку зрения.

Попробуем же разобраться в этом. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что вся сложность, по-видимому, в слове «одновременно». Многие из нас легко могут себе представить, что при наличии у Бога неограниченного количества времени Он способен выслушать и неограниченное число просителей, если только они приходят к Нему один за другим. Таким образом, проблема, очевидно, в неспособности понять, как может Бог разбираться с необозримым количеством проблем в один и тот же момент.

Что ж, эта сложность, вероятно, была бы неразрешимой, если бы деле касалось нас с вами. Наша жизнь приходит к нам момент за моментом. Один момент исчезает прежде, чем появляется другой, и каждый вмещает в себя очень немного. Вот что такое время. Конечно, мы с вами принимаем как должное, что такой порядок, эта последовательность — прошлое, настоящее, будущее — не что-то действительное лишь для Земли и нас, ее обитателей, но объективная реальность, распространяющаяся на все сущее. Мы склонны считать, что вся Вселенная и даже Сам Господь Бог пребывают в постоянном движении от прошлого к будущему, как мы с вами. Между тем современная наука знает, что это не так. Теологи первыми заговорили о том, что некоторые вещи существуют вне времени. Позднее эту идею подхватили философы, и лишь в наше время — ученые.

Вероятнее всего. Бог существует вне времени. Его жизнь не состоит из моментов, следующих один за другим. Если миллион человек молится Ему в десять часов ночи. Ему не нужно выслушивать их всех в один и тот же отрезок времени, который мы называем «десять

часов». Этот миг и каждый другой от начала мира — бесконечное настоящее для Него. Если хотите, в Его распоряжении вся вечность, чтобы выслушать молитву пилота, с которой тот обращается к Нему, пока падает самолет.

Это трудно представить, я знаю. Позвольте мне пояснить эту мысль на таком примере. Предположим, я пишу повесть. Я пишу: «Мэри отложила работу. В следующее мгновение раздался стук в дверь». Для Мэри, которая вынуждена жить в воображаемое время, между тем, как она отложила работу, и стуком в дверь нет интервала. Но я, автор, который изобрел Мэри, не живу в этом воображаемом времени. Между первой и второй фразой я могу просидеть три часа, думая о Мэри. Я могу думать о ней, как если бы она была единственным действующим лицом в книге, размышлять о ней столько, сколько мне захочется; но все часы, которые я затратю на это, недействительны для того времени, в котором живет Мэри (для времени, в котором протекает сюжет романа).

Это, конечно, далеко не совершенная иллюстрация, но она может внести некоторую ясность. Поток времени, в русле которого движется жизнь в нашей Вселенной, отражается на Боге и последовательности или ритме Его действий не больше, чем отражается поток воображаемого времени в повести на творческом процессе ее автора. Бог в состоянии уделить неограниченное внимание любому из нас. Ему не надо разбираться с нами, как с огромной массой народа. По отношению к Нему — вы отдельный, особый человек, как если бы вы были единственным живым существом, созданным Им. Когда Христос умер, Он умер за каждого из нас, как если бы каждый был единственным в мире.

Моя иллюстрация не вполне соответствует идее, которую я стараюсь пояснить, и вот почему. Автор выходит из одного потока времени (протекающего в повести) только за счет того, что входит в другой, реальный. Бог, по моему убеждению, вообще не живет во времени. Его жизнь не сочится по капле, момент за моментом, как наша. У него все еще не закончился 1940 год; и уже наступил 1990-й. Ведь Его жизнь — это Он Сам.

Если вы представите себе время в виде прямой линии, вдоль которой мы вынуждены путешествовать, то Бога вы должны себе представить в виде целой страницы, на которой эта линия начерчена. Мы подходим к отдельным точкам этой линии, одна за другой; мы должны оставить «А» прежде, чем мы сможем достичь «Б», и не можем достичь «В» прежде, чем не оставим «Б» позади. Бог сверху, или извне, или отовсюду вмещает в Себя всю линию целиком и видит ее всю.

Эта идея стоит того, чтобы ее постичь, потому что с ее помощью из христианства устраняются кажущиеся трудности. Прежде чем я стал христианином, одно из основных моих недоумений сводилось к следующему. Христиане утверждают, что вечный Бог, Который вездесущ и Который движет всей Вселенной, стал однажды человеком. Что же происходило со Вселенной, спрашивал я, когда Он был младенцем или когда Он спал? Как Он мог быть одновременно Богом, Который знал все, и человеком, спрашивающим у Своих учеников: «Кто прикоснулся ко Мне?» Как видите, и здесь загвоздка — в категориях времени: «Когда Он был младенцем», «Как мог Он одновременно...». Иными словами, я предполагал, что жизнь Христа как Бога протекала во времени и Его жизнь как жизнь человека Иисуса в Палестине представляла из себя короткий отрезок, взятый из времени, точно так же как моя служба в армии была коротким периодом моей жизни. Возможно, так думает об этом большинство людей.

Мы представляем себе Бога живущим во времени, когда Его земная человеческая жизнь только предстояла Ему в будущем. Затем мы видим Его в этой жизни. Потом Он представляется нам, когда Он может оглянуться на Свою земную жизнь как на факт в прошлом. Но скорее всего эти наши представления не имеют ничего общего с реальностью. Мы не можем ставить земную жизнь Христа в Палестине в какое бы то ни было временное соотношение с Его жизнью как Бога, существующего вне пространства и времени. По-моему, вневременная истина о Боге — в том, что человеческая природа Христа с присущей ей слабостью, неведением и потребностью в сне включается каким-то образом во всю Его Божественную жизнь. Эта человеческая жизнь в Боге, с нашей точки зрения, определенный

период в истории нашего мира (с года рождения нашего Господа до Его распятия).

Мы считаем, что этот период — и период в истории Бога. Но у Бога нет истории. Он слишком реален от начала и до конца, чтобы иметь историю. Ведь иметь историю — значит потерять часть реального существования (потому что история — та часть его, которая ускользнула от нас в прошлое) и не обрести до поры до времени другой его части (потому что она еще в будущем). Фактически у нас нет ничего, кроме крошечной частицы настоящего, которое исчезает прежде, чем мы начинаем о нем говорить. Не приведи нам Господи думать, что и Бог таков же. Даже мы можем надеяться, что в вечности будем избавлены от такого рациона.

Если вы думаете, что Бог существует во времени, у вас возникает еще одна трудность. Каждый человек, который сколько-нибудь верит в Бога, верит и в то, что Бог знает о наших намерениях на завтрашний день. Но если Он знает, что я собираюсь сделать, не значит ли это, что я не свободен сделать противоположное?

Здесь опять-таки трудность возникает из-за предположения, что Бог существует и проявляет Себя в соответствии с линией времени, подобно нам; единственная разница в том, что Он может видеть будущее, а мы нет. Что ж, если бы это было так, если Бог может предвидеть наши поступки, то очень трудно было бы понять, как мы можем не совершать их. Но представьте себе, что Бог над линией времени. В этом случае то, что мы называем «завтра», видно Ему так же хорошо, как то, что мы называем «сегодня». Для Него все будет «сейчас». Он не вспоминает того, что мы делали вчера: Он просто видит это теперь, потому что, хотя для нас «вчера» безвозвратно ушло и потеряно, для Него оно остается действительностью. Он не предвидит те вещи, которые мы сделаем «завтра»; Он просто видит, как мы их делаем. Для нас «завтра» еще не настало, а Он уже сейчас в «завтра». Нам бы никогда не пришло в голову, что мы не свободны в выборе своих действий в данный момент из-за того, что Бог знает о том, что мы делаем. В каком-то смысле Он не знает наших действий до тех пор, пока мы их не совершили; но с другой стороны, когда бы мы их ни совершили, для Него это — «сейчас».

Это соображение мне сильно помогло. Если оно не помогает вам, забудьте о нем. Идея эта — вполне христианская в том смысле, что ее придерживались мудрые представители христианства, и ничего противоречащего христианству в ней нет. Но вы не найдете ее ни в Библии, ни в каком-либо из церковных догматов. И вы можете оставаться превосходным христианином, не принимая ее или не задумываясь над этим вообще.

БЛАГОТВОРНАЯ ИНФЕКЦИЯ

Я начинаю эту главу с просьбы, чтобы вы постарались ясно представить себе такую картину: на столе лежат две книги, одна поверх другой. Совершенно очевидно, что нижняя книга ту, что на ней, наверху, поддерживает. Только благодаря нижней книге верхняя на пять сантиметров выше поверхности стола, вместо того чтобы касаться этой поверхности. Давайте обозначим нижнюю книгу буквой «А», а верхнюю — буквой «Б». Позиция «А» обуславливает позицию «Б». Это ясно, не так ли? Теперь представим себе (это, конечно, не может случиться в действительности, но подойдет для иллюстрации, давайте представим себе, что обе книги находились в таком положении вечно. В этом случае позиция «Б» всегда зависела от позиции «А», но позиция «А» не существовала до позиции «Б». Иными словами, результат в данном случае не наступает после причины, как обычно бывает: сначала вы съедаете огурец, а потом у вас расстройство желудка. Этот принцип действует не всегда. Еще минутку терпения, и вы увидите, почему я считаю это важным.

Несколькими страницами ранее я сказал, что Бог — это Существо, состоящее из трех Лиц, но остающееся тем не менее одним Существом (и привел приблизительную иллюстрацию — куб, который состоит из шести квадратов, но остается одной фигурой). Но как только я стараюсь объяснить, как эти Лица взаимосвязаны, возникает впечатление, будто одно из них существовало прежде других. Мне приходится прибегать к словам, которые

повинны в таком впечатлении. Первое лицо в этом Троиединстве называется Отцом, второе Лицо — Сыном. Мы говорим, что Первый рождает или производит Второго: мы называем это рождением, а не творением, потому что Он производит Существо того же рода, что и Он Сам. В данном случае единственное подходящее слово — «Отец». Но, к сожалению, это слово предполагает, что Он существовал прежде, как человеческий отец существует до появления сына. На самом же деле это не так. Здесь нет места ни «прежде», ни «потом». Вот почему, я считаю, очень важно уяснить: одна вещь может быть источником или причиной другой и не существовать прежде нее. Сын существует потому, что существует Отец; но в этом существовании никогда не было момента, предшествующего рождению Сына.

Вероятно, лучше всего взглянуть на это следующим образом. Я попросил вас представить себе две книги. Возможно, большинство из вас сделали это, совершили некий акт воображения, и перед вами возникла мысленная картина. Совершенно очевидно, что он был причиной, она — следствием, или результатом. Но это не значит, что вы сначала вообразили, а затем получили эту картину. В тот самый момент, когда начало действовать ваше воображение, она возникла перед вашим мысленным взором. Все это время ваша воля удерживала ее перед вами. Однако акт воли и картина начали существование в один и тот же момент и прекратили в одно время. Если бы был Кто-то, живущий вечно, и если бы Он вечно представлял в Своем воображении одно и то же существо, то постоянно создавался бы какой-то мысленный образ, который был бы таким же вечным.

Я полагаю, именно так мы и должны думать о Сыне, Который постоянно струится от Отца, как струится свет от лампы, или тепло от огня, или мысль из головы. Он — самовыражение Отца, то, что Отец желает сказать, и во всей вечности никогда не было момента, когда бы Отец не произносил Своего Слова. Заметили вы, что происходит? Все эти примеры света и тепла создают впечатление, что Отец и Сын — это две субстанции а не две Личности. Очевидно, образ Отца и Сына, который дает нам Новый завет, гораздо более точный, чем любые иллюстрации, которыми мы пытаемся его подменить.

И так случается всякий раз, когда вы отходите от того, что сказано в Библии. Вполне оправданно отойти от текста на какой-то момент, чтобы лучше уяснить себе то или иное. Но затем необходимо к нему вернуться. Бог, естественно, гораздо лучше знает, как описать Самого Себя, чем любой из нас. Он знает, что отношения Отца и Сына следует, скорее всего, описывать как отношения между Первой и Второй Личностями, а не как что-то иное, придуманное нами. Самое главное в том, что это — отношения любви. Отец находит радость в Сыне, Сын преданно любит Отца. Прежде чем мы пойдем дальше, обратите внимание на огромную важность этих слов.

Самым разным людям нравится повторять христианское изречение: «Бог есть любовь». Но они как будто не замечают, что слова эти имеют смысл только в том случае, если Бог включает в Себя, по крайней мере, две Личности. Ведь Любовь — это что-то такое, что одно лицо испытывает к другому. Если бы Бог был существом в одном лице, тогда, до того как Он создал мир. Он не был бы любовью. Очевидно, когда говорят: «Бог есть любовь», люди имеют в виду что-то совсем другое, а именно, что «любовь есть Бог». Они, видимо, считают, что к нашему чувству любви, независимо от того, как и где оно возникает и к каким результатам приводит, следует относиться с величайшим уважением. Возможно, они и правы; но христиане совершенно иначе понимают слова «Бог есть любовь». Они верят, что живая, динамичная энергия любви действует в Боге вечно и именно она — источник всего сущего.

В этом, возможно, самое главное отличие христианства от всех остальных религий: Бог — не статичное существо и даже не просто личность. Это динамичная, пульсирующая энергия, жизнь, что-то почти драматическое, что-то (пожалуйста, не считите меня непочтительным) подобное танцу. Единство между Отцом и Сыном настолько живо и реально, что это единство само Личность. Я знаю, это звучит почти невыносимо, но взгляните на это следующим образом. Вы знаете, что, когда люди собираются вместе в клубе или в профсоюзе, возникает так называемый «дух» семьи, или клуба, или профсоюза. Люди говорят об этом духе, ибо когда они собираются вместе, то вырабатывают особую манеру

вести себя, которая не была бы им свойственна, если бы они оставались разрозненными. (Это коллективное поведение может быть, конечно, и лучше, и хуже, чем поведение индивидуальное.) Так или иначе, подобное объединение людей как бы вызывает к существованию коллективную личность. Это, естественно, не личность в буквальном смысле слова, а подобие личности. Но в том-то и заключается одно из различий между Богом и нами. То, что возникает из объединенной жизни Отца и Сына — Личность. Третье Лицо Троиинства, которое есть Бог. На профессиональном, теологическом языке это Третье Лицо называется Святым Духом, или Духом Божьим. Не волнуйтесь и не удивляйтесь, если обнаружите, что ваше представление о Нем более туманно и неясно, чем представление о первых двух Лицах Троиинства. Я думаю, на это существует вполне законная причина. В процессе своей христианской жизни вы, как правило, не смотрите на Него. Но Он постоянно действует через вас. Если вы думаете об Отце как о Том, Кто находится «где-то там», перед вами, а о Сыне как о Том, Кто стоит рядом с вами, помогая вам молиться и стараясь превратить вас в еще одного сына Божьего, то о Третьем Лице вы должны думать как о чем-то, находящемся внутри или позади вас. Возможно, для некоторых людей проще начать с Третьего Лица и продвигаться от Него в обратном направлении: Бог есть любовь, и эта любовь действует через людей, особенно через всю совокупность христиан вместе взятых. Но этот дух любви, от самой вечности — любовь между Отцом и Сыном.

Какое же все это имеет значение для нас? Самое большое на свете. Всю эту драму, или образ жизни троиинства, надо проиграть через каждого из нас. Или (если взглянуть на это с противоположной стороны) каждый из нас должен приблизиться к этому образу жизни, занять свою позицию в драме. Счастья, для которого мы созданы, не достичь иным путем. Все хорошее, как и плохое, подвержено воздействиям извне. Если вы хотите согреться, вы должны стать поближе к огню. Если хотите намокнуть, вы должны войти в воду. Если вы стремитесь к радости, силе, миру, вечной жизни, вы должны подойти ближе или даже войти в то, что всем этим обладает. Радость, сила, мир, бессмертие — не награды, которые Бог мог бы, если бы захотел, протянуть любому. Это величайший источник энергии и красоты, бьющий в самом центре действительности. Если вы поблизости от него, брызги его достигнут вас; если нет — останетесь сухим. Если человек соединен с Богом, то как ему не жить вечно? И как может человек, разделенный с Богом, не засохнуть и не умереть?

Однако как он может соединиться с Богом? Как нам с вами влиться в троединую жизнь?

Вы помните, что я сказал во второй главе о рождении и создании? Мы с вами не рождены Богом, мы только созданы Им; в нашем естественном состоянии мы не сыны Божьи, мы всего лишь статуи. В нас нет зoe, или духовной жизни; нам присуща только биос, или биологическая жизнь, которая неизбежно движется к угасанию и смерти. Суть того, что предлагает христианство, в следующем: мы можем, если не станем противиться Божьей воле, принять участие в жизни Христа. И если это случится, мы станем соучастниками той жизни, которая была рождена, а не создана, которая всегда существовала и всегда будет существовать. Христос — Божий Сын. Если мы войдем в Его жизнь, то станем Божьими детьми. Мы будем любить Отца, как любит Он, и Святой Дух будет пребывать в нас. Христос пришел в этот мир и стал человеком для того, чтобы распространить среди других людей ту высшую форму жизни, которая присуща Ему Самому. Я называю это «благодетельной инфекцией». Каждый христианин должен стать маленьким Христом. Именно это и значит «быть христианином».

УПРЯМЫЕ ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Сын Божий стал человеком для того, чтобы наделить людей способностью стать Божьими детьми. Мы не знаем — по крайней мере, я не знаю, — что случилось бы, если бы человеческий род не восстал против Бога и не присоединился к вражескому стану. Возможно, тогда каждый человек пребывал бы во Христе, был бы соучастником жизни Сына Божьего с рождения. Возможно, биос, или естественная жизнь, устремлялась бы тогда в зoe. то есть в

высшую, несотворенную жизнь, с самого своего зарождения, непрерывно, по мере развития. Но все это только догадки и предположения. А нас с вами волнует вопрос, как обстоят дела сейчас.

Вот как: два вида жизни не только разнятся между собой (они и были бы различны), но противоположны друг другу. Естественная жизнь в каждом из нас эгоцентрична, она требует внимания к себе и восхищения собою. Ей присуща склонность добиваться преимущества за счет других жизней, эксплуатировать всю Вселенную. И больше всего эта жизнь желает быть предоставленной самой себе — держаться в стороне от всего, что лучше, или сильнее, или выше, чем она, короче, в стороне от всего, что заставляет ее чувствовать себя маленькой и незначительной. Она боится света и воздуха духовного как люди, выросшие в грязи, боятся ванны. В каком-то смысле эта жизнь права. Она знает, что, если духовная жизнь вовлечет ее в свою орбиту, вся ее эгоцентричность, все ее своеволие будут убиты. И поэтому она готова сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы избежать этого.

Думали ли вы когда-нибудь в детстве о том, как было бы интересно, если бы ваши игрушки ожили? Что ж, давайте представим, что вы на самом деле оживили их. Вот на ваших глазах оловянный солдатик превращается в маленького человечка. Олову пришлось бы стать плотью; но вообразите, что оловянному солдатику это не нравится. Его совсем не привлекает плоть; он замечает, что олово испорчено. Он думает, что вы убиваете его. Он сделает все, что в его силах, чтобы помешать вам. Вам бы не удалось переделать его в человека, если бы это зависело от него.

Я не знаю, что сделали бы вы с таким оловянным солдатиком. Но с нами Бог сделал вот что: Второе Лицо Божественного Троиинства, Сын, Сам стал человеком. Он родился в мир, как рождается настоящий человек — реальный человек определенного роста, с определенным цветом волос, говорящий на определенном языке, весящий столько-то килограммов. Он. Вечносущий, Который знает все и Который сотворил Вселенную, стал не только человеком, но младенцем, а перед тем — зародышем в теле женщины. Если вы хотите понять, что это для Него значило, подумайте о том, как бы понравилось вам стать слизнем или крабом.

В результате этого в нашей человеческой семье появился такой Человек, Который был всем тем, чем предназначалось быть людям, — человеком, в котором созданная жизнь, унаследованная от Матери, позволила превратить себя полностью и совершенно в жизнь рожденную. Но естественное человеческое существо в Нем было полностью поглощено Божественным Сыном. Таким образом, человечество в один момент достигло, так сказать, пункта своего назначения — перешло в жизнь Христа. И поскольку трудность для нас в своего рода умерщвлении естественной жизни. Он избрал для себя такой жизненный путь, который убивал на каждом шагу Его человеческие желания. Он познал нищету, непонимание семьи, предательство одного из близких друзей; Он подвергался преследованиям и издевательствам и умер под пытками. И после того, как Он был убит — убиваем, фактически, каждый день, — человеческое существо в Нем, благодаря Своему органическому единству с Божьим Сыном, снова возродилось к жизни. Человек в Христе поднялся из мертвых. Человек, а не только Бог! В этом вся суть. В первый раз мы увидели настоящего человека. Один оловянный солдатик — такой же оловянный, как все остальные, — триумфально ожил.

И здесь мы подходим к той точке, в которой мой пример перестает действовать. В случае с игрушечными солдатиками то, что один из них оживает, не имеет абсолютно никакого значения для остальных. Все они существуют отдельно, независимо друг от друга. Но с человеческими существами дело обстоит иначе. Они лишь выглядят отдельными организмами, потому что вы видите, как они двигаются и действуют вне всякой связи друг с другом. Однако мы созданы так, что можем быть свидетелями только настоящего.

Если бы мы могли видеть прошлое, вещи выглядели бы для нас совсем по-другому. В жизни каждого человека был момент, когда он представлял из себя часть организма своей матери, а еще раньше — часть организма своего отца, которые в свою очередь были частью его дедушек и бабушек. Если бы вы могли видеть человечество на протяжении времени, как

видит его Бог, оно выглядело бы для вас не как масса отдельных точек, разбросанных тут и там, а как единый растущий организм, более всего напоминающий гигантское, необычайно сложное дерево. Вы увидели бы, что каждый человек связан со всеми другими. И не только это. В действительности каждый из нас отделен от Бога не больше, чем отделены мы друг от друга. Каждый мужчина и женщина, каждый ребенок во всем мире чувствует и дышит сейчас, в этот самый момент, только потому, что Бог поддерживает в нем жизнь. Следовательно, когда Христос стал человеком, это было не то же самое, как если бы ожил оловянный солдатик. Скорее о явлении Его в мир можно рассказать так: нечто, постоянно воздействующее на все человечество, в определенный момент начало оказывать влияние на всю массу людей по-новому. С упомянутого момента это влияние распространяется на тех, кто жил до Христа, и на тех, кто жил после Него, и даже на тех, кто никогда о Нем не слышал, подобно тому, как одна капля какого-то вещества, упавшая в стакан воды, придает новый вкус и новый цвет всему содержимому стакана. Безусловно, ни одна из этих иллюстраций не отражает сколько-нибудь полно истинного положения вещей. Бог ни с чем не сравним, Он творит вещи, которым нет ничего подобного, и вы едва ли можете рассчитывать, что обнаружите такое подобие.

Какое же изменение внес Он в среду человечества? В чем оно состоит? В превращении человека в сына Божьего, существа сотворенного — в существо рожденное: в превращении временной биологической жизни во вневременную духовную жизнь. И все это ради нас и для нас. В принципе, человечество уже спасено. Мы, отдельные люди, просто должны воспользоваться этим спасением, каждый человек — индивидуально. Но наиболее трудная часть процесса — та, которую мы не в состоянии выполнить сами, сделана за нас. Нам незачем своими силами забираться в духовную жизнь. Сама эта жизнь уже спустилась к человеческой семье. Если только мы откроем сердце Человеку, в Котором эта жизнь присутствует во всей полноте и Который, будучи Богом, в то же время настоящий человек, Он совершит это в нас и за нас. Помните, что я сказал о «благотворной инфекции»? Один из представителей нашей человеческой семьи обладает этой новой жизнью: если мы подойдем к Нему ближе, то заразимся от Него.

Вы, конечно, можете выразить ту же идею иными путями. Вы можете сказать, что Христос умер за наши грехи. Или что Отец простил нас, благодаря тому, что Христос совершил за нас то, что надлежало сделать нам самим. Либо что мы омыты кровью Агнца. Вы можете сказать, что Христос победил смерть. И все это верно. Примите ту из этих формулировок, которая вам больше по душе. Но только не начинайте при этом ссориться с другими из-за того, что они отдали предпочтение другой.

ДВА ПРИМЕЧАНИЯ

Я хотел бы дать здесь примечания к двум вопросам, возникшим в последней главе.

1) Один рассудительный критик пишет: «Если Бог хотел, чтобы у Него вместо игрушечных солдатиков были сыновья, почему же Он не родил сыновей сразу, вместо того чтобы создавать игрушечных солдатиков, а затем подвергать их столь трудному и болезненному процессу?»

Частично ответить на этот вопрос довольно просто; ответ на другую его часть, возможно, за пределами человеческого познания. Отвечу на легкую часть. Процесс превращения создания в сына не был бы ни трудным, ни болезненным, если бы человеческая семья не отвернулась от Бога тысячелетия тому назад. У людей была возможность сделать это, потому что Бог дал им свободу воли. Он дал им свободную волю потому, что мир простых автоматов никогда бы не смог познать любви, а следовательно, и истинного, безграничного счастья.

Трудная часть ответа — в следующем. Все христиане соглашались, что в полном, первоначальном смысле слова существует только один Сын Божий. Настаивая на своем вопросе: «А могло ли быть у Бога много сыновей?», мы рискуем забраться в такие дебри, из

которых выбраться не сумеем. Есть ли вообще в словах «А могло ли бы?..» какой-нибудь смысл, когда вопрос касается Бога? Я полагаю, что такой вопрос можно ставить в отношении вещи или явления, имеющих начало и конец, потому что она (или оно) могли бы быть иными из-за того, что какая-то другая вещь (или явление) были иными, а эти, в свою очередь, могли бы быть иными по той причине, что иной была какая-то третья вещь. И так далее (буквы на этой странице могли бы быть красными, если бы печатник взял красную типографскую краску, и он взял бы красную краску, если бы получил соответствующую инструкцию, и т. д. и т. п.). Но когда речь идет о Боге — то есть о первооснове, о некоей неизменяемой реальности, которая обуславливает все остальные реальности, явления, факты, то спрашивать, могло ли что-то обстоять иначе, бессмысленно. Он — То, что Он есть, и этим вопрос исчерпывается.

Но и помимо этого, мне крайне трудно осмыслить Бога, рождающего сыновей на протяжении вечности. Для того чтобы этих сыновей было много, они должны как-то отличаться друг от друга. Два пенни выглядят совершенно одинаково. Почему же их два? Очевидно, потому, что они находятся в различных местах и состоят не из одних и тех же атомов. Иными словами, чтобы говорить о них как об отдельных, различных единицах, мы должны прибегнуть к таким понятиям, как пространство и материя, то есть к сотворенной Вселенной. Я могу понять различие между Отцом и Сыном, не вовлекая в дело пространства или материи, потому что в этом случае один рождает, а другой рождается. Отец по отношению к Сыну будет не тем, чем Сын — по отношению к Отцу. Но если бы существовало несколько сыновей, их родственное отношение друг к другу и к Отцу было бы одинаковым, как бы они отличались друг от друга? С первого взгляда эту трудность, конечно, не замечают. Люди считают, что мысль о нескольких сыновьях имеет право на существование. Однако когда я задумываюсь об этом глубже, то прихожу к выводу, что реальной такая идея выглядит только потому, что мы смутно представляем этих сыновей в виде людей, стоящих друг подле друга в каком-то пространстве. Иначе говоря, хотя мы и воображаем, будто думаем о чем-то, существовавшем до сотворения Вселенной, на самом деле мы контрабандой пытаемся ввести в картину сотворенную Вселенную и поместить сыновей внутри нее. Когда мы перестаем это делать, но все еще стараемся думать об Отце, рождающем множество сыновей до сотворения мира, то обнаруживаем, что в сущности, думаем ни о чем. Образы тают, а сама идея обращается в набор слов. Потом возникает другая мысль: а не была ли Природа — пространство, время и материя — создана именно для того, чтобы сделать эту множественность возможной? Может быть, единственный путь получить «легионы» бессмертных духов — в предварительном создании множества физических существ во Вселенной и последующем одухотворении каждого из них? Но все это, конечно, догадки.

2) Представляя все человечество в виде единого огромного организма, подобного дереву, не следует думать, будто это свидетельствует о том, что индивидуальные различия не имеют значения или что реальные люди — Том, Нобби или Кэт — менее важны, чем такие коллективные понятия, как классы или расы. Фактически эти понятия противоположны друг другу. Отдельные части единого организма могут очень сильно отличаться одна от другой, а отдельные элементы, не являющиеся частями единого организма, могут быть похожи друг на друга. Шесть однопенсовых монет никак не связаны между собой, но выглядят одинаково. Мой нос и мои легкие по виду своему совершенно несхожи, но живут они только благодаря тому, что и тот, и другие входят в состав моего организма и принимают участие в его жизни.

Христианство рассматривает отдельных людей не просто как членов одной группы или отдельные предметы в перечне, но как органы единого тела, которые отличаются друг от друга, и каждый выполняет то, чего другие выполнить не могут. Когда вы ловите себя на желании сделать своих детей, или учеников, или соседей подобными вам во всем, вспомните, что Богу, вероятно, это вовсе не угодно. Вы и они — это отдельные органы, предназначенные для выполнения различных функций. С другой стороны, если у вас возникает искушение не обращать внимания на нужды других, потому что это не «ваше дело», вспомните: хотя другие

и не похожи на вас, они часть того же самого организма. Если вы забываете, что любой человек принадлежит к одному с вами организму, вы становитесь индивидуалистом. Если же вы забываете, что другой — не тот же орган, что вы, и пытаетесь подавить всякое различие между людьми, чтобы все стали одинаковыми, то становитесь тоталитаристом. Между тем христианин ни индивидуалистом, ни тоталитаристом быть не должен.

Мне очень хочется сказать вам — и вы хотите сказать мне, — какая из этих ошибок опаснее. Но это дьявол морочит нас. Он всегда посылает в мир ошибки парами, состоящими из двух противоположностей, и побуждает нас тратить как можно больше времени, размышляя о том, какая хуже. Вы, конечно, понимаете, почему? Он полагается на нашу неприязнь к одной из ошибок, чтобы постоянно привлекать нас к противоположной. Но мы не должны потакать ему. Мы должны с широко открытыми глазами идти к своей цели, следуя между соображениями той и другой ошибки и стараясь не впасть ни в одну.

ВООБРАЖЕНИЕ

Позвольте мне и эту главу начать двумя примерами, точнее, напомнить вам две истории, над которыми я попрошу вас задуматься. Одну из них — сказку «Аленький цветочек» — вы все читали. В этой сказке девушка должна была по какой-то причине выйти замуж за чудище. И она это сделала. Но прежде она поверила в любовь этого чудища, испытала на себе его доброту и сама попыталась ответить любовью. Когда она поцеловала чудище, как если бы оно было человеком, то, к великому ее облегчению, прямо на глазах чудище и на самом деле превратилось в прекрасного юношу, и зажили они в любви и согласии.

В другой истории рассказывается о человеке, который был вынужден носить маску. В этой маске он выглядел гораздо привлекательнее, чем без нее. Ему пришлось носить ее несколько лет, и когда он наконец снял ее, то обнаружил, что его лицо приняло очертания маски. Он воистину стал красивым. То, что было вначале притворной, ненастоящей красотой, стало реальностью.

Я думаю, обе эти истории могут (иносказательно, конечно) проиллюстрировать то, о чем я собираюсь говорить в этой главе. До сих пор я старался описывать факты — чем является Бог и что Он сделал. А сейчас я хочу перейти к практическому вопросу: что должны делать мы? Какой смысл имеет для нас вся эта теология? Возможно, мы почувствуем это уже теперь. Если вам достало интереса дочитать до этого места, надеюсь, вам хватит его и на то, чтобы сделать еще один шаг вперед, а именно: произнести молитвы. Чтобы вы ни сказали, вы, вероятно, повторите и слова той молитвы, которой научил нас Господь.

Вы помните, как она начинается? «Отче наш». Сейчас вы уже знаете, что эти слова значит. Они совершенно недвусмысленно свидетельствуют о том, что вы ставите себя в положение сына Божьего. Иными словами, вы облакаетесь в Христа, так сказать, воображаете себя Христом. В тот самый момент, когда до вас доходит смысл этих слов, вы начинаете понимать, что на самом деле вы — не сын Божий. Вы совсем не такое существо, как Сын, Чьи интересы, Чья воля абсолютно едины с интересами и волей Отца. Вы — комок сосредоточенных на самом себе страхов, надежд, жадности, зависти и самолюбия. И все это, вся ваша сущность, обречено на смерть. Таким образом, то, что вы берете на себя смелость уподобляться Христу — возмутительная самонадеянность. Но, странное дело, именно так Он и приказал нам вести себя.

Почему? Что за смысл выдавать себя за то, чем вы на самом деле не являетесь? Однако даже на человеческом уровне существуют, как вы знаете, два рода притворства — плохое и хорошее. В первом случае человек пытается кого-то обмануть: например, он притворяется, будто помогает вам, вместо того чтобы помочь на самом деле. Но второй, полезный вид притворства ведет к чему-то настоящему. Например, вам не хочется проявлять дружелюбие к Х., но вы знаете, что должны его проявить; в таком случае правильнее всего вести себя так, как если бы вы были лучше, чем на самом деле. И через некоторое время вы действительно почувствуете к Х. большее расположение, чем вначале. Всем нам это знакомо. Очень часто

единственный путь ощутить реальность чего-то — это вести себя так, как если бы вы ее уже ощутили. Вот почему игры так важны для детей. Они ведь постоянно притворяются, будто они взрослые, — играя в войну или в магазин. Но с каждым разом мускулы их становятся тверже, а разум — острее, так что то, что они притворяются взрослыми, помогает им расти на самом деле.

Далее, в тот самый момент, когда вы сознательно говорите себе: «Вот, я воображаю, будто я Христос», вы, скорее всего, тут же чувствуете, каким образом возможно сделать это ваше «притворство» не столь явным, хоть чуточку приблизить его к реальности. Вы обнаруживаете, что думаете о таких вещах, о которых не думали бы, если бы действительно были сыном Божиим. Что ж, постарайтесь прогнать эти мысли. Или, быть может, вы внезапно поймете, что, вместо того чтобы произносить молитвы, вам следовало бы сесть за стол и написать письмо матери или отправиться на кухню и помочь жене вымыть посуду. Поднимитесь в таком случае и сделайте то, что вам подсказывает внутренний голос.

Видите, что происходит? Сам Христос, Сын Божий, человек (такой же, как мы с вами) и Бог (такой же Бог, как Его Отец), находится рядом с вами и уже в этот момент обращает ваше воображение в реальность. И это не высокопарные слова, выражающие лишь ту мысль, что ваша совесть подсказывает вам, что делать. Если вы прямо спросите вашу совесть, вы получите один ответ. Если вы помните, что вы воображаете себя Христом, ответ будет иной. Существует множество вещей, о которых ваша совесть не скажет вам прямо, что они плохи (особенно в стадии обдумывания), но которые вы сразу же отвергнете, если серьезно стараетесь подражать Христу. Потому что тогда вы не просто будете думать о том, что хорошо, а что плохо, но будете стараться подхватить благотворную инфекцию от этого Человека. Это скорее похоже на создание портрета, чем на подчинение определенным правилам. Интересно, что в некотором отношении это труднее, чем следовать правилам, зато в другом — гораздо легче.

Настоящий Сын Божий будет рядом с вами. Он начинает превращать вас в существо, подобное Самому Себе. Он начинает, так сказать, «прививать» вам Свой образ жизни и мыслей, вливать в вас присущую Ему зoe. Он начинает превращать оловянного солдата в живого человека. И конечно, та часть в вас, которая все еще остается оловянной, будет этому противиться.

Некоторые из вас могут заметить, что ничего подобного на своем опыте не испытывали. Вы можете сказать: «У меня никогда не было чувства, будто мне помогает невидимый Христос, зато люди часто мне помогали». В этой связи мне вспоминается анекдот из времен первой мировой войны об одной женщине, которая сказала: «Нашу семью не волнуют перебои с хлебом, мы все равно едим только гренки». Если у вас нет хлеба, то не будет и гренок. Если бы не было помощи Христа, вы не увидели бы и помощи людей. Он действует на нас самыми различными путями, а не только в рамках того, что мы называем «религиозной жизнью». Он действует через природу, через наши тела, через книги, иногда — через переживания, которые на первый взгляд могут показаться антихристианскими. Когда молодой человек, который ходил в церковь по привычке, осознает со всей искренностью, что он не верит в христианскую доктрину, и перестанет посещать церковь, то если его побуждает к этому стремление быть честным, а не желание пойти наперекор родителям, дух Христа, возможно, ближе к нему, чем прежде.

Но более всего Его Дух действует на нас через наше общение друг с другом. Люди — это зеркала, или «переносчики» Христа ближним. Иногда они и сами об этом не подозревают. «Благотворную инфекцию» могут переносить и те, кто ею не заражен. Мне, например, помогли прийти к христианству люди, которые сами не были христианами. Но, как правило, именно те, которые знают Его, приводят к Нему других. Вот почему роль Церкви, этой совокупности всех христиан, открывающих Его друг другу, настолько важна. Не будет преувеличением сказать, что в двух христианах, следующих вместе за Христом, христианство возрастает не в два, а в шестнадцать раз по сравнению с тем, когда они следовали за Ним в одиночку.

Но не забывайте, для грудного младенца естественно принимать молоко матери, не зная ее. Также и для нас поначалу естественно видеть человека, который помогает нам, и не видеть при этом стоящего за ним Христа. Однако мы не должны оставаться грудными младенцами. Мы должны идти вперед, должны понять, Кто посылает нам помощь. Не увидеть и не понять этого было бы безумием. Тогда нам осталось бы полагаться на людей; а это рано или поздно приведет к великому разочарованию. Даже лучшие из них допускают ошибки; и всем суждено умереть. Мы должны быть благодарны каждому из тех, кто оказал нам помощь, мы должны уважать и любить их, но никогда не полагаться абсолютно и безраздельно ни на одно человеческое существо, пусть это будет самый лучший, самый мудрый человек на свете. Вы можете делать массу прекрасных вещей из песка; только не пытайтесь строить на нем дом.

А теперь мы начинаем видеть то, о чем постоянно говорит Новый завет. Он говорит о христианах, «рожденных вновь», о людях «облекшихся в Христа»; о том, что Христос «изображается в нас», о обретении «ума Христова». Сразу же отрешитесь от мысли, что все это — лишь сложная метафорическая форма для выражения той идеи, что христиане должны читать сказанное Христом и стараться проводить это в жизнь, подобно тому как человек читает Платона или Маркса и старается воплощать их идеи. Мысль в разной форме, но постоянно встречающаяся в Новом завете означает гораздо большее: реальный Христос — здесь, сейчас, в этой комнате, где вы произносите молитву — делает что-то для вас и с вами. Причем речь идет не о прекрасном человеке, умершем две тысячи лет тому назад, а о живом Человеке, все еще человеке в такой же степени, как и вы, но и Боге в такой же степени, в какой Он был Им, когда создавал мир. И вот этот живой Богочеловек приходит к вам и приступает к работе над вашим самым сокровенным, внутренним «я», убивает в вас ваше старое «я» и заменяет его другим, таким, каким обладает Он Сам. Вначале — всего на несколько мгновений. Затем — на более продолжительные отрезки времени. И наконец, если все идет хорошо. Он навсегда обращает вас в существо совершенно другого сорта — в нового маленького Христа, в существо, которое, по-своему, пропорционально своим возможностям, обретает тот же род жизни, который присущ Богу, в существо, которое разделяет силу Бога, Его радость, знание и бессмертие... Немного погодя, мы делаем два других открытия.

1) Мы начинаем замечать не только наши греховные поступки, но и нашу греховность. Другими словами, нас начинает беспокоить не только то, что мы делаем, но и то, чем мы являемся. Это звучит несколько сложно, и я постараюсь выразить ту же мысль яснее, прибегнув к личному своему примеру. Когда я готовлюсь к вечерней молитве и стараюсь припомнить все совершенные мною за день грехи, в девяти случаях из десяти самым очевидным будет нарушение заповеди любви к ближнему: я или сердился, или огрызался, или насмехался, или обрывал разговор, или кричал и возмущался. И в моем уме сразу же возникает оправдание: меня провоцировали: со мной заговорили неожиданно; меня застали врасплох: у меня не было времени собраться с мыслями. Все это как будто служит смягчающим обстоятельством: мое поведение могло бы быть гораздо хуже, если бы я это совершил сознательно, предварительно обдумав.

С другой стороны, все, что человек делает, когда его застают врасплох, — лучшее доказательство того, какой он в действительности. То, что срывается с языка, прежде чем будет время подавить свой порыв, выдает истинную суть. Если в подвале водятся крысы, то больше всего шансов увидеть их, если вы войдете туда неожиданно. Но не неожиданность порождает крыс; она только препятствует им вовремя скрыться. Точно так же не неожиданность повода или предложения делает меня вспыльчивым; она лишь обнаруживает мою вспыльчивость. Крысы в подвале живут постоянно, но если вы будете входить туда с криками и шумом, они спрячутся, прежде чем вы включите свет.

Очевидно, крысы противоборства и мстительности постоянно бытуют и в подвале моей души. Этот подвал находится за пределами досягаемости моей сознательной воли. До определенного предела я в состоянии контролировать свои действия, но над своим темпераментом прямого контроля я не имею. А если то, какие мы, важнее, чем наши

поступки; если наши поступки важны (главным образом), постольку, поскольку показывают, кто мы, из этого следует, что перемена, которой мне предстоит подвергнуться, не может быть произведена посредством моих собственных усилий. Это относится и к хорошим поступкам. Много ли я совершил их под воздействием добрых побуждений? Сколько раз они были результатом того, что я боялся общественного мнения или испытывал желание показать себя с хорошей стороны? Сколько из них было совершено из-за своего рода упрямства или чувства превосходства, которые при других обстоятельствах могли привести меня к совершению плохих поступков? Но я не в состоянии с помощью прямого нравственного усилия пробудить в себе новые стимулы. Сделав всего несколько шагов по дороге христианства, мы начинаем понимать, что все необходимые перемены внутри наших душ могут быть произведены только Богом. И это подводит нас к чему-то такому, что в моей передаче до сих пор не совсем верно отражало истинное положение вещей.

2) Из моих слов могло создаться впечатление, что именно мы сами все и совершаем. В действительности же все изменения совершаются Богом, а не нами. Мы в лучшем случае не противимся тем переменам, которые Он производит в нас. В каком-то смысле вы даже можете сказать, что это не мы, а Бог прибегает к воображению. В самом деле, Трехликий Бог видит перед Собой жадное, ворчливое, непокорное человеческое существо. Но Он говорит: «Давайте вообразим, будто это не простое существо, а Наш сын. Это существо похоже на Иисуса в том смысле, что Иисус тоже человек, потому что Он стал Человеком. Давайте вообразим, будто человек подобен Христу и по духу, и будем обращаться с ним, как если бы это соответствовало истине, хотя на самом деле это не так. Но мы представим себе, что наше воображение стало действительностью».

Бог смотрит на нас, как на маленького Христа; Христос стоит рядом, чтобы помогать нам превращаться в Него. Идея о Божьей игре в воображение звучит на первый взгляд странно. Но странно ли это в действительности? Разве не именно так существа более высокого порядка воспитывают тех, кто ниже их? Мать учит ребенка говорить, беседуя с ним, как если бы он ее понимал, задолго до того, как он действительно начнет понимать ее. Мы обращаемся с нашими собаками так, как если бы они были человеческими существами. Вот почему в конце концов они становятся «почти как люди».

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ?

В предыдущей главе мы рассматривали, как «облечься в Христа» или как представлять себя сыном Божиим, чтобы в конце концов стать им по-настоящему. Я хочу со всей ясностью заявить, что это не просто одно из занятий, которым должен предаваться христианин, и не своего рода упражнение, необходимое для перехода в следующий класс. В этой идее — смысл и суть христианства. Ничего иного оно не предлагает. И я хотел бы указать, в чем тут отличие от обычных идей морали и добра.

Обычное представление, которое мы все разделяем еще до того, как становимся христианами, состоит в следующем. Мы берем в качестве исходного пункта наше обыкновенное «я» с его разнообразными желаниями и интересами. Мы затем признаем, что что-то еще — назовите это «моралью», или «правилами поведения», или «соображениями общественного блага» — предъявляет свои требования к нашему «я»; и они вступают в конфликт его собственными желаниями. «Быть хорошим» — значит, по-нашему, уступать этим требованиям. Некоторые вещи, которые нашему «я» хотелось бы сделать, оказываются чем-то таким, что мы называем «злом». Что ж, в таком случае мы должны отказаться от них. Другие, которые нашему «я» делать не хочется, напротив, оказываются тем, что мы называем «добром», — и нам приходится их делать. Но мы все время надеемся, что когда мы выполним все предъявляемые нам требования, у нашего бедного «я» все еще останутся возможности и время исполнить свои собственные желания, пожить своей жизнью, в свое удовольствие. Фактически мы очень похожи на честного человека, платящего налоги. Он добросовестно платит их, но при этом надеется, что у него останется достаточно денег, чтобы безбедно

прожить на них. Все это происходит по той причине, что за исходную точку мы принимаем наше обычное «я».

Пока мы думаем так, мы чаще всего приходим к одному из двух результатов. Либо мы отказываемся от стараний «быть хорошими», либо превращаемся в людей по-настоящему несчастных. Почему? Потому что (не заблуждайтесь!), если вы действительно собираетесь выполнять все предъявляемые вам требования, то у вашего «я» не останется ни времени, ни сил, чтобы жить для себя. Чем больше вы прислушиваетесь к голосу своей совести, тем больше этот голос от вас требует. Ваше природное «я», которое, таким образом, страдает от голода, на каждом шагу натывается на препятствия и сгибается под бременем, начнет, наконец, возмущаться все больше и больше. Вот почему вы либо прекратите эти старания «быть хорошим», либо превратитесь в одного из тех, которые, по их словам, «живут для других», но при этом всегда всем недовольны и постоянно на все ворчат, вечно удивляясь, почему «другие» не замечают их самопожертвования, их непрекращающегося мученичества. И когда вы превратитесь в такое существо, то станете куда невыносимее для окружающих, чем были бы, если бы оставались откровенным эгоистом.

Христианство предлагает иной путь. Этот путь и труднее, и легче. Христос говорит: «Отдайте Мне все. Мне не нужно столько-то вашего времени, столько-то ваших денег или вашего труда; Я хочу вас. Я пришел не для того, чтобы мучить ваше природное «я», но для того, чтобы умертвить его. Никакие полумеры здесь не помогут. Я не хочу отрубать ветвь здесь, ветвь там, Я хочу срубить все дерево. Я не хочу сверлить зуб, или ставить на него коронку, или заполнять в нем дупло. Я хочу удалить его. Передайте Мне все ваше «я» безраздельно, со всеми желаниями, как невинными, так и порочными, полный набор. Я дам вам взамен новое «я». Фактически, Я дам Самого Себя, и все Мое станет вашим».

Это и труднее, и легче, чем то, что стараемся делать мы. Я надеюсь, вы заметили, что Сам Христос иногда описывает христианский путь как очень трудный, а иногда — как очень легкий. Он говорит: «Возьми свой крест», и это звучит как призыв к мученической смерти в каком-нибудь концлагере. Но в следующий момент Он говорит: «...иго Мое благо, и бремя Мое легко». Нетрудно понять, почему и то, и другое справедливо.

Учителя могут сказать вам, что самый ленивый ученик в классе — это тот, кто работает упорнее всех в конце учебного года. Они не шутят. Если вы дадите двум ученикам доказать какую-то геометрическую теорему, тот, кто готов приступить к делу, постарается понять ее. Ленивый ученик пытается зазубрить ее на память, потому что в данный момент это требует меньше усилий. Но шесть месяцев спустя, когда они начнут готовиться к экзаменам, лентяю придется провести много мучительных часов над тем, что прилежный ученик легко и с удовольствием выполнит за несколько минут. В конечном итоге лентяю придется работать больше.

Или давайте взглянем на эту ситуацию с другой стороны. В сражении или при восхождении на гору порой необходимо предпринять какое-то действие, которое требует усилий и мужества. Однако в конечном итоге оно же обеспечит наибольшую безопасность. Если вы этого не сделаете, то несколькими часами позднее окажетесь в большей опасности. Трусливый поступок будет и самым опасным.

Именно так обстоит дело в христианстве. Ужасно, почти невозможно отдать всего себя — все свои желания и все заботы о себе в руки Христа. Но это гораздо легче, чем то, что стараемся делать мы сами. Ибо мы стараемся остаться, так сказать, «самими собою», не отказываемся от личного счастья как от главной цели в жизни и в то же время пытаемся быть «хорошими». Мы все стараемся не препятствовать уму своему и сердцу сосредоточиваться на мечтах о богатстве, на честолюбивых планах, на стремлении к удовольствиям — и надеемся, несмотря на это, вести себя честно, целомудренно и скромно. И это именно то, против чего предостерегал нас Христос. Он говорил, что смоквы не растут на терновнике. Поле, засеянное травой, не принесет урожая пшеницы. Если вы будете регулярно косить траву, вам удастся сохранить ее короткой. Но пшеницы это поле все-таки не произведет. Чтобы такое поле дало пшеницу, в нем необходимо произвести изменения; его надо глубоко перепахать и

засеять заново.

Вот почему подлинная проблема христианской жизни возникает там, где люди обычно не думают столкнуться с ней. Возникает она в тот самый момент, когда мы просыпаемся поутру. Все наши желания и надежды, связанные с новым днем, набрасываются на нас как дикие звери. И каждое утро наша первая обязанность — в том, чтобы попросту прогнать их; мы должны прислушаться к другому голосу, принять другую точку зрения, позволить, чтобы нас заполнил поток другой, более великой, более сильной и более спокойной жизни. И так целый день: мы сдерживаем свои естественные капризы и волнения, вступаем в полосу, защищенную от ветра.

Вначале, обретя подобное состояние духа, вы сумеете сохранять его лишь несколько минут. Но в эти минуты по всему нашему физико-духовному организму распространяется жизнь нового типа, потому что мы позволяем Ему совершать в нас работу. Есть разница между масляной краской, которая покрывает только поверхность, и красителем, пропитывающим окрашенный предмет насквозь. Христос никогда не произносил неясных идеалистических фраз. Говоря: «Будьте совершенны», Он имел в виду именно это. Он подразумевал, что мы должны подвергнуться полному курсу лечения. Это трудно; но компромисса, которого мы жаждем, достичь несравненно труднее, это просто невозможно. Яйцу, вероятно, трудно превратиться в птицу; однако ему несравненно труднее научиться летать, оставаясь яйцом. Мы с вами подобны яйцу. Но мы не можем бесконечно оставаться обыкновенным, порядочным яйцом. Либо мы вылупимся из него, либо оно испортится.

А теперь позвольте мне повторить то, что я сказал прежде: в этом и состоит все христианство; больше в нем нет ничего. Допускаю, что это может вызвать сильное недоумение. Ведь такой очевидной представляется мысль, что у церкви множество других забот: образование, возведение новых зданий, миссионерская работа, службы. Очевидно и то, что многими заботами обременено государство: это проблемы обороны, политики, экономики и многое другое. Но на самом деле все гораздо проще. Государство существует лишь для того, чтобы обеспечивать и защищать обычное человеческое благополучие в этой жизни. Муж и жена, беседующие у камина, друзья, играющие в карты в пивном баре, человек, читающий книгу в своей комнате или работающий в своем саду, ради защиты всего этого и существует государство. Все законы, парламенты, армии, суды, полиция, экономика имеют смысл только в том случае, если они помогают все это продлить и защитить. А иначе они оборачиваются лишь тратой времени и денег.

Что касается церкви, то она существует только для того, чтобы привлекать людей к Христу, формировать из них маленьких Христов. Если она этого не делает, все кафедральные соборы, все священство, все миссионерские организации, проповеди, даже сама Библия сведутся лишь к пустой трате времени. Бог стал человеком именно ради этой цели. И знаете что? Может быть, только ради этого и была создана Вселенная. В Библии говорится, что она была создана для Христа и что все должно соединиться в Нем. Я думаю, никто из нас не в состоянии понять, как все это произойдет в масштабе Вселенной. Мы не знаем, что живет (если там вообще что-нибудь живет) в тех частях ее, которые удалены от Земли на многие миллионы километров. Даже на этой Земле мы не знаем, что произойдет со всем остальным, кроме человека. Но чего, собственно, мы ожидали? Нам показана только та часть плана, которая касается нас. Иногда я люблю себе представить, как все будет с другими существами и предметами. Мне кажется, высшие животные в каком-то смысле сблизятся с человеком благодаря его любви к ним и тому, что он делает их (как это и в самом деле происходит) гораздо более очеловеченными, чем они были бы, не существуй на Земле человека и всей его деятельности. Я даже улавливаю какой-то смысл в подтягивании неодушевленных вещей и растений к человеку, по мере того как он пользуется ими и оценивает их. Если бы иные миры были населены разумными существами, и те могли бы проделывать это со своими мирами. И может быть, когда разумные существа войдут в Христа, они, в этом смысле, принесут с собой в Него и все остальное. Но я не знаю, как все это произойдет на самом деле, и могу лишь делиться своими догадками.

Нам сказано только о том, как мы, люди, соединимся в Христе; как мы станем частью того удивительного дара, который молодой Князь Вселенной хочет преподнести Своему Отцу, — дара, который есть Он Сам и, следовательно, мы в Нем. Только для этого мы и созданы. В Библии есть странные, волнующие намеки на то, что когда мы соединимся с Ним и в Нем, многое в природе начнет обретать свой первоначальный, верный смысл. Страшный сон окончится; наступит утро.

ВО ЧТО ЭТО ОБХОДИТСЯ

Многих, оказывается, смутило то, что я сказал в предыдущей главе о словах нашего Господа: «Будьте совершенны». Некоторые, видимо, полагают, что эти слова означают: «Пока вы не станете совершенными, Я не буду вам помогать»; поскольку мы не в состоянии стать совершенными, наше положение безнадежно. Но я не думаю, чтобы это было так. Мне представляется, Господь имел в виду следующее: «Я стану помогать вам лишь в одном — в достижении совершенства. Возможно, вас устраивает что-нибудь поменьше, но Я не дам вам ничего меньше этого».

Позвольте мне пояснить мою мысль. В детстве у меня часто болели зубы, и я знал: стоит пойти к маме — и она даст что-нибудь болеутоляющее и я смогу спокойно уснуть. Но я не шел к ней — по крайней мере, до тех пор, пока боль не становилась невыносимой. Я не шел к ней вот по какой причине: не сомневаясь в том, что она даст мне аспирин, я в то же время знал, что этим она не ограничится, а на следующее утро поведет меня к зубному врачу. Я не мог получить от нее того, что хотел и не получить чего-то большего, чего я вовсе не хотел. Все, к чему я стремился, — мгновенно избавиться от боли: но я не мог получить этого без последующей проверки всех моих зубов. А я знал этих зубных врачей! Знал, что они начнут копать и в тех моих зубах, которые болеть не начинали. Как у нас говорят, дай им только палец, они всю руку отхватят.

Наш Господь, если вы позволите мне такое сравнение, в некотором роде напоминает этих зубных врачей. Если вы дадите Ему палец, Он возьмет у вас всю руку. Десятки людей приходят к Нему, чтобы излечиться от какого-то одного греха, которого они особенно стыдятся (например, от трусости), или от такого, который портит им жизнь (скажем, от вспыльчивости или пьянства). Что ж, Он вылечит любой недуг; но не остановится на этом. Может быть, вы больше ничего у Него и не просили, но Он, если только вы придете к Нему однажды, непременно подвергнет вас полному курсу лечения.

Вот почему Он предупреждает людей, чтобы они, прежде чем станут христианами, взвесили, во что им это обойдется. «Поймите меня правильно, — говорит Он. — Если вы Мне позволите, Я сделаю вас совершенными. В тот момент, когда вы вручите себя в Мои руки, знайте, что именно это Я намерен сделать с вами. Именно это, и ничего другого. Однако ваша воля остается свободной. Если вы захотите, то сможете оттолкнуть Меня. Но если вы не оттолкнете, помните: Я доведу работу до конца. Каких бы страданий вам это ни стоило в вашей земной жизни, чего бы это ни стоило Мне, я не успокоюсь и не оставлю в покое вас до тех пор, пока вы действительно не станете совершенными — пока Мой Отец не сможет без колебаний сказать, что доволен вами, как Он сказал это обо Мне. Я могу это сделать, и Я сделаю это. Но Я не стану делать ничего меньше этого».

И тем не менее — это так же важно — Помощник, Которого не удовлетворить ничем, кроме совершенства, будет очень рад вашей первой, слабой попытке, которую вы предпримете завтра, чтобы выполнить простейшую свою обязанность. Как говорил известный христианский автор Джордж Макдональд, каждый отец доволен, когда его ребенок делает первые неуверенные шажки, но ни один отец не удовлетворится меньшим, чем уверенная, свободная походка взрослого сына. Точно так же, говорит он, «легко снисказать одобрение Бога, но удовлетворить Его трудно».

Из всего этого следует такой практический вывод. С одной стороны, то, что Бог требует от нас совершенства, не должно ни в коей мере обескураживать нас в теперешних попытках

быть хорошими, как не должны у нас опускаться руки от неудач, которые мы терпим при этих попытках. Всякий раз, когда вы падаете, Он снова ставит вас на ноги. Он превосходно знает, что ценой своих собственных усилий вы никогда не сможете и близко подойти к совершенству. В свою очередь вы с самого начала должны понимать, что цель, к которой Он вас направляет, — это абсолютное совершенство, и ни одна сила во Вселенной, кроме вас самих, не может воспрепятствовать Ему в этом. Это очень важно понять. Если мы не поймем этого, то, весьма вероятно, захотим в какой-то момент пойти на попятную и начнем Ему противиться. Я думаю, многие из нас склонны считать себя достаточно хорошими после того как Христос помог нам преодолеть один-два греха, которые особенно беспокоили нас. Он сделал все, чего мы от Него хотели, и теперь мы были бы очень признательны, если бы Он оставил нас в покое. У нас принято говорить: «Я никогда не стремился стать святым. Мне просто хотелось быть порядочным человеком». Нам даже кажется, что это свидетельствует о нашем смирении.

Но это — трагическая ошибка. Конечно же, мы не хотели и никогда не просили, чтобы нас превращали в нечто совершенное. Но дело не в наших желаниях, а в тех намерениях, которые имел Он, когда создавал нас. Он — Изобретатель. Мы — только машины. Он — Художник, мы — всего лишь картина. Как можем мы знать, что Он намеревается сделать из нас? Вы замечаете, что Он уже превратил нас во что-то, сильно отличающееся от того, чем мы были. Давным-давно, прежде нашего рождения, когда мы еще находились в материнском чреве, мы прошли через различные стадии развития. Сначала видом своим мы напоминали растения, затем — рыб, и только на последней стадии мы стали походить на человеческих младенцев. И если бы мы могли осознавать те ранние стадии, то, вполне возможно, удовлетворились бы таким вот бытием в виде растения или рыбы, и не захотели бы превращаться в младенцев. Но все это время у Него был особый план относительно нас, и Он твердо намеревался выполнить его до конца. То же самое происходит и сейчас, только на более высоком уровне. Нас, допускаю, вполне удовлетворит, если мы останемся так называемыми обыкновенными людьми; но Он твердо намерен привести в исполнение совершенно другой план. Отказ от участия в этом плане диктует не смирение, а лень и трусость. Подчинение ему свидетельствует не о тщеславии или мании величия, а о покорности.

Эти две стороны истины можно осветить иначе. С одной стороны, нам не следует воображать, что ценой своих собственных усилий мы в состоянии продержаться в категории порядочных людей хотя бы сутки. Если бы не Его поддержка, никто из нас не был бы застрахован от какого-нибудь серьезного греха или преступления. С другой стороны, вся святость и весь героизм, которыми отличались величайшие из святых, не превышали того, чем Он намерен наделить каждого из нас. Его работа над нами не закончится в этой жизни. Но Он намерен выполнить ее настолько, насколько это возможно, до нашей смерти.

Вот почему мы не должны удивляться, если на нашу долю выпадают тяжелые времена. Когда человек обращается к Христу и ему кажется, что все у него идет как надо (в том смысле, что он избавляется от дурных наклонностей), то зачастую ему представляется: теперь, вполне естественно, и обстоятельства станут складываться глаже. И когда приходят неприятности — болезнь, денежные затруднения, разного рода искушения, — такой человек испытывает разочарование. Все это, думает он, было необходимо, чтобы пробудить во мне сознание и привести меня к раскаянию; но почему сейчас? А потому что Бог заставляет его идти вперед, подниматься на более высокий уровень. Он помещает его в такие обстоятельства, когда от него требуется гораздо больше храбрости, или терпения, или любви, чем он когда-либо мог подумать. Нам все это кажется излишним; но только потому, что мы еще не имеем ни малейшего представления о том, какими поразительными существами Он собирается нас сделать.

Я думаю, мне придется позаимствовать еще одно сравнение у Джорджа Макдональда. Представьте себе, что вы — жилой дом. Бог входит в этот дом, чтобы перестроить его. Сначала, возможно, вы еще можете понять, что Он делает. Он ремонтирует водопровод и

крышу. Необходимость такого ремонта вам ясна и не вызывает у вас удивления. Но вот Он начинает ломать дом, да так, что вам становится больно. К тому же вы не видите в этом никакого смысла. Чего Он хочет добиться? А объяснение в следующем: Он строит из вас совсем другой, новый дом, вовсе не такой, каким вы его представляли. В одном месте Он возводит новое крыло, настилает новый пол, в другом — пристраивает башни, создает дворики. Вы думали, что вас собирались переделать в хорошенький маленький коттедж. Но Он сооружает дворец и намерен поселиться во дворце Сам.

Заповедь «Будьте совершенны» — это не просто идеалистически высокопарный призыв. Это и не приказ сделать невозможное. Дело в том, что Он собирается преобразовать нас в такие существа, которым по силам этот приказ. Он сказал (в Библии), что мы — «боги», и докажет правоту Своих слов. Если только мы Ему позволим — мы можем помешать Ему, если захотим, — Он превратит самого слабого, самого недостойного из нас в бога или богиню, в ослепительное, светоносное, бессмертное существо, пульсирующее такой энергией, такой радостью, мудростью и любовью, какие мы сейчас не можем вообразить. Он превратит нас в чистое, искрящееся зеркало, способное отразить в совершенном виде (хотя, конечно, в меньшем масштабе) Его безграничную силу, радость и доброту. Это долгий, а то и болезненный процесс. Но именно в том, чтобы пройти его, — наше назначение. Рассчитывать на меньшее нам не приходится. То, что Господь сказал, Он говорил всерьез.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ, ИЛИ НОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Да, то, что Он сказал, Он говорил всерьез. Те, кто отдаст себя в Его руки, станут такими же совершенными, как Он Сам, — совершенными в любви, мудрости, радости, красоте и бессмертии. Эта перемена не завершится в нашей земной жизни, потому что смерть — важная часть лечения. Как глубоко затронет оно каждого отдельного христианина при его земной жизни, знать никому не дано.

Я думаю, сейчас самая пора рассмотреть один часто возникающий вопрос: если христианство право, то почему христиане в массе своей не лучше, чем нехристиане? Вопрос этот, с одной стороны, совершенно правомочен, с другой стороны, неоправдан. Обоснованность его — вот в чем. Если обращение в христианство внешне никак не проявляется в поведении человека — если он продолжает оставаться таким же снобом, или завистливым, или тщеславным, каким был прежде, — то мы должны, я думаю, подвергнуть сомнению искренность его обращения. Всякий раз, когда обращенный полагает, что достиг прогресса, он именно так может проверить себя. Прекрасные чувства, большая проницательность, возросший интерес к религии не значат ничего, если поведение наше не меняется при этом в лучшую сторону, как ничего не значит то, что больной чувствует себя лучше, если температура попрежнему повышается. В этом смысле мир совершенно прав, когда судит христианство по результатам. Христос говорил нам, чтобы именно так мы и судили. Дерево познается по плодам. «Чтобы узнать, хорош ли пудинг, надо его съесть». Когда мы, христиане, ведем себя недостойно или когда из наших попыток вести себя так, как надо, ничего не получается, мы внушаем людям недоверие к христианству. На плакатах военного времени можно прочесть: «Легкомысленная болтовня может привести нас к гибели». Переиначив эти слова, скажу, что легкомысленный образ жизни может привести к злоречивым толкам. И мы сами даем повод для толков, ставя под сомнение истинность христианства.

Но, с другой стороны, окружающий нас мир бывает довольно нелогичным в своих требованиях к христианству. Порой людям недостаточно, чтобы жизнь человека, ставшего христианином, изменилась к лучшему. Они пытаются, прежде чем сами придут к вере, четко разделить весь мир на два лагеря — христиан и нехристиан; при этом они ожидают, что все люди из первого лагеря в любой данный момент должны быть безусловно лучше, чем люди из второго лагеря. Такое требование беспочвенно по нескольким причинам.

1) Во-первых, в реальной жизни все гораздо сложнее. Мир не состоит из

сто процентных христиан и сто процентных нехристиан. Существуют люди (и их немало), которые медленно выбывают из рядов христиан, но все еще называют себя этим именем, причем некоторые из них — священнослужители. Другие постепенно становятся христианами, хотя еще так себя и не называют. Имеются люди, которые пока не принимают доктрину о Христе во всей ее полноте, но в такой степени поддались обаянию Его Личности, что уже принадлежат Ему в гораздо более глубоком смысле, чем сами сознают. Известны и люди, которые, исповедуя другие религии, под скрытым воздействием Бога сосредоточили внимание на тех разделах, которые согласуются с христианской доктриной. Например, буддист доброй воли, побуждаемый упомянутым воздействием, может все больше внимания уделять буддистскому учению о милосердии, оставляя в стороне другие вопросы (хотя он все еще утверждает, что исповедует это учение). В подобном положении находилось и множество благодетельных язычников задолго до рождения Христа. А сколько в мире людей, у которых в голове неразбериха и убеждения сотканы из обрывков несовместимых верований! Следовательно, бессмысленно судить о христианах и нехристианах в целом. Можно сравнивать кошек и собак или даже мужчин и женщин, потому что здесь каждому ясно, кто есть кто. К тому же животные не превращаются (ни внезапно, ни постепенно) из собаки, скажем, в кошку. Когда мы сравниваем христиан с нехристианами, то обычно думаем не о реальных людях, которых знаем, а о неких смутных идеях, почерпнутых нами из книг и газет. Если же вы хотите сопоставить плохого христианина с хорошим атеистом, то пусть это будут два конкретных человека, с которыми вы действительно сталкивались. До тех пор, пока мы не докапаясь до сути дела, мы будем только время терять.

2) Предположим, мы докапались до сути и говорим уже не о воображаемых христианах и нехристианах, а о двух конкретных людях, живущих по соседству с нами. Даже в этом случае вопрос требует внимательного, аналитического подхода. Если христианство истинно, из этого должно вытекать, что а) любой христианин лучше, чем был бы тот же самый человек, если бы оставался нехристианином; и что б) любой человек, становящийся христианином, лучше, чем он был до этого. Позвольте мне привести сравнение. Если реклама зубной пасты «Белозубая улыбка» не обманывает нас, то из этого следует: а) у каждого, кто пользуется ею, зубы лучше, чем они были бы, если бы он ею не пользовался; и б) если кто бы то ни было начнет ею пользоваться, состояние его зубов улучшится. Но то, что от употребления этой пасты — мои плохие зубы (которые я унаследовал от обоих родителей) не станут такими же прекрасными, как у здорового, молодого негра, который вообще никогда не употреблял никакой пасты, еще не доказывает, что реклама говорит неправду. Возможно, христианка мисс Бэйтс злее на язык, чем неверующий Дик Феркин. Сам по себе этот факт еще не может служить доказательством того, что христианство — недействительно. Вопрос следует ставить в иной плоскости: а каким был бы Дик, стань он верующим? Мисс Бэйтс и Дик, в силу наследственности и воспитания, полученного ими в раннем детстве, обладают разными темпераментами и характерами. Христианство обещает взять под контроль оба эти темперамента и характера, если только ему будет позволено. Правомочен лишь такой вопрос: приведет ли этот контроль, если будет установлен, к улучшению мисс Бэйтс и Дика? Каждому ясно, что в случае Дика под контроль поступил бы характер куда более доступный благоприятному воздействию, чем в случае мисс Бэйтс. Но дело не в этом. Чтобы судить о руководстве фабрикой, следует принимать в расчет не только качество продукции, но и техническое оснащение. Возможно, техническое оснащение фабрики «А» таково, что она лишь чудом вообще дает какую-то продукцию. Напротив, принимая во внимание первоклассное оснащение фабрики «Б», следует признать, что высокое качество ее продукции все-таки гораздо ниже, чем могло бы быть. Несомненно, хороший руководитель на фабрике «А» установит новое оборудование при первой возможности, однако это произойдет не сразу. До тех пор, пока это случится, низкий уровень продукции, выпускаемой этой фабрикой, не может свидетельствовать о неумелости руководства.

3) А теперь углубимся в разбираемый нами вопрос. Руководитель собирается поставить новое оборудование, и еще прежде, чем Христос закончит работать над мисс Бэйтс, она

станет воистину прекрасным человеком. Но если мы на этом остановимся, то ситуация будет выглядеть так, словно единственная цель Христа — подтянуть мисс Бэйтс до того уровня, на котором Дик находился с самого начала. У вас могло сложиться впечатление, будто с Диком вообще нет никаких проблем, и в христианстве нуждаются только люди с дурным характером, а приятные, милые люди вполне могут обойтись и без него; словно приятность — это все, чего требует Бог. Думать так было бы роковой ошибкой. Правда в том, что с точки зрения Бога Дик Феркин нуждается в спасении ничуть не меньше, чем мисс Бэйтс. В каком-то смысле (через минуту я объясню, в каком именно) сомнительно, чтобы приятность характера вообще имела какое-нибудь отношение к этому. Мы не можем ожидать, чтобы Бог смотрел на спокойный характер и дружелюбие Дика теми же глазами, какими смотрим на них мы. Ведь эти качества в значительной степени порождены естественными причинами (благоприятная наследственность), то есть в конечном счете обусловлены Самим Богом. Но, с другой стороны, будучи связаны с темпераментом Дика, они едва ли устойчивы и могут исчезнуть, коль скоро у Дика нарушится пищеварение. Приятность характера — это, в сущности, Божий дар Дику, а не дар Дика Богу. Точно так же Бог допустил, чтобы в силу естественных причин, действующих в мире, от глубокой древности испорченном грехом, разум у мисс Бэйтс оказался ограниченным, а нервы — взвинченными, от чего и зависит, главным образом, ее несносность. Он намеревается в свое время выправить этот недостаток мисс Бэйтс. Но для Бога не это — критическая часть ситуации. Это не представляет для Него никаких трудностей. Не об этом Он беспокоится. Того, за чем Он следит, чего ожидает и ради чего работает, нелегко добиться даже Ему, Богу, потому что в силу установленного Им принципа свободной воли Он не может достичь этого силой. Он ждет и наблюдает за появлением «этого» и в мисс Бэйтс, и в Дике Феркине: только от их доброй воли это зависит. От каждого из них зависит, сделать этот шаг или отказаться от него, обратиться или нет к Богу, выполнив, таким образом, ту единственную цель, ради которой они и созданы. Их свободная воля вибрирует, как стрелка компаса. Но эта стрелка наделена правом выбора. Она может повернуться точно к северу, но не обязана этого делать. Повернется ли стрелка, установится ли, укажет ли на Бога?

Он может ей в этом помочь. Но Он не может ее заставить. Он не может протянуть руку и повернуть ее — тогда она лишилась бы предоставленной ей от начала свободы воли. Установится ли стрелка по направлению к северу? От этого зависит все остальное. Передадут ли мисс Бэйтс и Дик свою человеческую природу в руки Божьи? Только в этом суть. А что один из этих характеров — приятен, а другой — несносен, вопрос второстепенный. С этим у Бога проблем не будет.

Не поймите меня, пожалуйста, превратно. Бог рассматривает плохую, несносную человеческую природу как зло, как что-то печальное. Конечно, хороший человеческий характер в Его глазах — добро, как добро — хороший хлеб, или солнечный свет, или чистая вода. Но ведь это такое благо, которое Он дает, а мы принимаем. Он дал Дику крепкие нервы и хорошее пищеварение, и добро не оскудело в том источнике, откуда оно произошло. Творить благо Богу, насколько нам известно, ничего не стоит. Но ради того, чтобы взбунтовавшаяся человеческая воля могла обратиться на праведный путь, Он умер на кресте. Поскольку эта воля свободна, она может, действуя как в хороших, так и в плохих людях, принять или отвергнуть Его. В последнем случае все приятные качества Дика, будучи лишь свойством его человеческой природы, обратились бы в конечном счете в ничто, так как сама эта природа исчезнет. Сочетание естественных причин произвело в Дике благоприятную психологическую структуру, подобно тому как оно порождает приятные сочетания цветов при солнечном закате. Но в силу особенностей, присущих природе, такое сочетание быстро распадается и исчезает. Дику предлагалась возможность превратить (или, скорее, позволить Богу превратить) это мимолетное сочетание в бессмертную красоту вечного духа; но он эту возможность упустил.

Возникает парадокс: до тех пор, пока Дик не обратится к Богу, он будет думать, что его приятный характер — его собственность во всех отношениях (и по происхождению, и по

принадлежности). Но пока он так думает, прекрасные качества его ему не принадлежат. Только когда он поймет, что они — не его заслуга, а дар Божий, и вновь предложит их Богу, только тогда качества эти действительно станут его собственностью. Только то мы и можем сохранить, что добровольно отдадим Богу. А то, что попытаемся удержать для себя, непременно потеряем.

Мы не должны поэтому удивляться, встречая среди христиан людей, все еще несносных. Если подумать, можно понять, почему от неприятных людей можно ожидать, что они скорее обратятся к Христу, чем приятные. Вы помните, как возмущались современники Христа тем, что, по их мнению. Он привлекал к Себе самых ужасных, самых презираемых людей? То же самое вызывает возмущение и недоумение и у наших современников. Так будет и завтра, и всегда. Вы догадываетесь, почему? Вспомните слова Христа: «Трудно богатому войти в Царство Небесное». А еще Он говорил: «Блаженны нищие духом». Очевидно, что речь Он вел о двух видах богатства и нищеты — материальном и духовном. Опасность для людей материально богатых — в том, что они довольствуются счастьем, которое дают им деньги, и не понимают, что нуждаются в Боге. Если все кажется таким доступным, если вы можете получить все, чего пожелаете, простым росчерком пера на чеке, то вам легче позабыть о том, что каждую минуту вы — в полной зависимости от Бога. Не меньшую опасность несет и природная одаренность. Если вы получили от Бога крепкие нервы, незаурядный ум, отличное здоровье, если вы хорошо воспитаны и считаетесь «душой общества», то как вам не быть вполне довольным своим характером и обстоятельствами? «К чему впутывать во все это Бога?» — спросите вы себя. Хорошие манеры и поведение даются вам без особого труда. Вы не из тех несчастных, которые отягощены разного рода комплексами: вас не мучат вопросы пола, вы не страдаете ни чрезмерной тягой к выпивке, ни повышенной раздражительностью или дурным характером. Все вокруг называют вас «славым малым», и вы сами (наедине с собой) соглашаетесь с их мнением. Вы, вполне вероятно, верите, что все ваши хорошие качества — это ваша личная заслуга. И возможно, не видите никакой необходимости стать еще лучше, но лучше по-новому, в более высоком смысле слова. Очень часто люди, наделенные от природы добродетелями, не могут осознать своей нужды в Христе до тех пор, пока в один прекрасный день не окажется, что добродетели их — тщетны, и разочарование постигнет их, а самодовольство — рассеется. Иными словами, трудно тем, кто богат и в этом смысле слова, войти в Царство Небесное.

Дело обстоит совершенно иначе с людьми неприятными, маленькими, приниженными, боязливými, испорченными, слабосильными, одинокими либо с людьми необузданными, страстными, неуравновешенными. Предприняв малейшую попытку стать хорошими, они незамедлительно почувствуют, что им не обойтись без помощи. Для них — либо Христос, либо ничего. У них только один выбор — или взять свой крест и следовать за Ним, или жить в постоянном отчаянии. Они — заблудшие овцы; Он приходил специально для того, чтобы отыскать их. Они-то и есть в самом настоящем, в самом страшном смысле этого слова «нищие». Именно их Он благословил. Это они — то «ужасное сборище», с которым Он общается. И конечно, фарисеи все еще говорят сегодня, как говорили в самом начале: «Если бы христианская доктрина опиралась на истину, эти люди не были бы христианами». В сказанном мною — либо предостережение, либо ободрение для каждого из нас. Если вы славный человек, если добродетель дается вам легко — берегитесь! От того, кому много дано, много и спросится. Если вы принимаете за собственные достоинства то, что на самом деле — Божий дар, полученный вами от природы, если вы довольствуетесь своим приятным характером, вы все еще противитесь Богу, и когда-нибудь ваши природные дары послужат лишь более ужасному падению, более изощренному совращению, а дурной пример станет особо разрушительным. Сам сатана был когда-то архангелом: его природные дары были настолько же выше ваших, насколько ваши — выше природных даров шимпанзе.

Однако если вы несчастное существо, искалеченное никуда не годным воспитанием в семье, где царила низкая зависть и не прекращались бессмысленные ссоры, если вы обременены, не по своей воле, каким-нибудь отвратительным половым извращением и день

за днем терзаетесь комплексом неполноценности, набрасываясь и огрызаясь даже на лучших своих друзей, — не отчаивайтесь. Бог знает о вас все. Вы один из тех нищих, которых Он благословил. Он знает, какой воистину жалкой машиной стараетесь вы управлять. Не сдавайтесь. Делайте все, что в ваших силах. В один прекрасный день Он выбросит эту машину на свалку и даст вам новую. И тогда вы, возможно, поразите всех нас — и самого себя, потому что вы прошли трудную школу вождения («Многие же будут первые последними, и последние первыми»).

Обладать приятным характером, быть цельной, высоконравственной личностью прекрасно. Мы должны использовать все доступные нам средства — медицину, образование, экономику, политику — чтобы создать такой мир, где как можно больше людей были бы именно такими, как стараемся мы создать мир, где у каждого достаточно пищи. Но при этом мы должны помнить: если бы нам даже удалось каждого человека сделать хорошим и благодетельным, мы бы не спасли все эти человеческие души. Мир, состоящий из приятных людей, довольствующихся своей приятностью и не имеющих ничего больше, другими словами, мир, отвернувшийся от Бога, будет так же отчаянно нуждаться в спасении, как и мир жалких, несчастных людей, — но спасти его, быть может, еще труднее. Простое, механическое улучшение — не искупление, хотя искупление постоянно делает людей лучше, даже здесь и сейчас, и усовершенствует их до такой степени, о которой мы не можем еще и мечтать. Бог стал человеком, чтобы обратить существа, созданные Им, в Своих детей; не просто для того, чтобы улучшить человеческую породу, но чтобы создать людей совершенно иного рода. Это не то же самое, что дрессировка лошади, которую учат прыгать все выше и выше, это — как превращение её в сказочного крылатого коня. Конечно, как только у лошади вырастут крылья, она сможет перелетать через такие заборы, через которые никогда бы не перепрыгнула, и обычной лошади ни в чем с ней будет не сравниться. Однако вначале, когда крылья только станут отрастать, все это, возможно, будет ей не под силу. Наросты в верхней части спины будут выглядеть нелепо и смешно, и никто не догадается, глядя на них, что из них вырастут крылья.

Однако мы, возможно, посвятили этому вопросу слишком уж много времени. Если все, чего вы ищете, — это аргумент против христианства (а я хорошо помню, как я сам жадно искал такие аргументы, когда начал бояться, что христианство соответствует истине), то вы легко сможете найти какого-нибудь неумного и не очень приятного христианина и сказать: «Так вот он, ваш хваленый новый человек! Дайте-ка мне лучше старого!» Но если вы хотя бы раз почувствуете, что ключи к христианству — не там, то в глубине сердца поймете, что все ваши возражения и аргументы — лишь попытка уйти. Что вы можете знать о других человеческих душах? Об их искушениях, их возможностях, их борьбе? Лишь одну душу во всем Божьем мире знаете вы, и это та душа, чья судьба отдана в ваши руки. Если Бог существует, вы в некотором смысле один на один с Ним. Вы не можете от Него избавиться, философствуя о достоинствах и недостатках своих соседей или вспоминая то, о чем вы читали в книгах. Что будут значить все эти пересуды и домыслы (да и сможете ли вы вообще их вспомнить?), когда развеется притупляющий туман анестезии, который мы называем «природой» или «реальным миром», и Присутствие, о Котором вы всегда знали, станет осязаемым, непосредственным, неустрашимым?

НОВЫЕ ЛЮДИ

В предыдущей главе я сравнивал работу Христа по созданию новых людей с превращением обычной лошади в сказочного крылатого коня. Я воспользовался этим крайним примером, чтобы подчеркнуть, что речь идет не об улучшении, усовершенствовании, а о полном преобразовании. Ближайшим подобием этому в природе будет поразительное превращение насекомых при воздействии на них определенных лучей. Некоторые считают, что именно так происходит эволюция. Изменения, в которых сущность этого процесса, могут быть вызваны лучами, поступающими из космоса (конечно, как только

эти изменения возникают, в действие вступает то, что называют «естественным отбором»: виды, которые претерпели полезные изменения, выживают, а иные — отсеиваются).

Возможно, современный человек лучше сможет понять идею христианства, если попробует рассмотреть ее в связи с теорией эволюции. Каждый знаком с этой теорией (хотя некоторые образованные люди отвергают ее). Каждого из нас учили в свое время, что современный человек эволюционировал из более низких форм жизни. В результате часто задают вопрос: «Каким будет следующий шаг?» Писатели-фантасты пытаются время от времени описать этот шаг, изображая некоего сверхчеловека. Обычно из-под их пера возникает существо, гораздо более неприятное, чем человек, каким мы его знаем, и создатели его пытаются скрасить впечатление, наделяя свое создание дополнительными руками или ногами. Однако почему не предположить, что следующий шаг принципиально отличается от всего, что в состоянии измыслить самое изощренное воображение? Скорее всего, именно так и будет. Тысячи лет тому назад появились огромные, тяжелые существа, покрытые бронеподобной чешуей. Если бы кто-нибудь в то время наблюдал за ходом эволюции, он, вероятнее всего, предположил бы, что следующим звеном в ее цепи будут существа, еще надежнее защищенные, еще более приспособленные для выживания. Но его предположения оказались бы ошибочными. Будущее прятало в рукаве свою козырную карту, и секрет ее оказался совершенно неожиданным: из рукава выскочили не вооруженные до зубов чудовища, а маленькие, голые, безоружные животные, наделенные лишь лучшими мозгами. С помощью этих мозгов им предстояло покорить всю планету. Им суждено было не просто обрести больше власти, чем у доисторических чудовищ; власть, которую предстояло завоевать, была совершенно нового типа. Следующий шаг должен был стать не просто другим, а по-иному другим. Поток эволюции резко сворачивал в принципиально иное русло, чем мог бы ожидать наш предполагаемый наблюдатель.

Сегодня, мне кажется, в догадках о следующем шаге содержится та же ошибка. Люди видят (или, им кажется, будто они видят), как совершенствуется человеческий интеллект, как все более уверенной становится власть человека над природой. Они думают, что поток эволюции движется лишь в этом направлении, никакого другого русла вообразить себе не могут. Что же до меня, я не могу отделаться от мысли, что следующий шаг будет воистину небывалым; он будет сделана таком направлении, о котором мы и не подозревали. А если бы не так, то едва ли его можно было бы назвать новым шагом. Я предвижу не просто изменения, а применение какого-то нового метода, направленного на изменения принципиально иного толка. Выражаясь другими словами, следующая стадия эволюции выйдет за ее пределы; эволюция, как метод, производящий изменения, будет вытеснена каким-то новым методом. И я не слишком бы удивился, если бы, когда все это случится, немногие люди это бы заметили.

Если вы согласны продолжать беседу в том же духе, то есть опираясь на знакомое нам понятие эволюции, то согласно христианской точке зрения новый шаг уже сделан. Он действительно нов по-новому. Это не эволюция от людей мозговитых к еще более мозговитым; это изменение — в совершенно другом направлении, ибо оно превращает Божьи создания в Божьих сыновей и дочерей. Первый момент его зафиксирован в Палестине 2000 лет тому назад. В некотором смысле это изменение — не эволюция, потому что не вызывается естественными процессами, но входит в природу извне. Однако именно этого я и ожидал. Мы пришли к идее об эволюции, изучая прошлое. Если будущее содержит в себе воистину что-то новое, тогда, конечно же, наше представление, основанное на прошлом, не может этого нового в себя вмещать, тем более что новый шаг отличается от всех предыдущих не только тем, что вносит в природу что-то извне.

1) Новое изменение не передается от поколения к поколению через половую активность. Следует ли этому удивляться? Было время, когда пола еще не существовало; размножение и развитие происходили другими методами. Следовательно, мы могли бы ожидать, что вновь наступит время, когда пол опять исчезнет или (как и происходит в действительности), продолжая существовать, перестанет служить главным каналом развития.

2) На начальных стадиях у живых организмов не было выбора или была незначительная возможность выбора, предпринять им новый шаг или нет. Они были объектами прогресса, а не субъектами. Но новый шаг, превращение сотворенных существ в рожденных сыновей и дочерей, — сугубо добровольный, по крайней мере — в одном отношении. Он не добровольен в том смысле, что сами мы не могли бы ни придумать его, ни избрать, не будь он нам предложен. Но он добровольен в том смысле, что мы можем от него отказаться, когда нам предлагают совершить его. Мы можем, так сказать, отпрянуть назад; можем прирасти ногами к земле и позволить новому человечеству уйти вперед без нас.

3) Я назвал Христа «первым моментом» нового человека. Он, конечно, гораздо больше, чем «первый момент», не просто один из новых людей, но новый Человек. Он — источник, центр и жизнь всех новых людей. Он пришел в эту созданную Им Вселенную по Своей воле, принес с Собой зое, новую жизнь (новую для нас, с нашей точки зрения, конечно; ибо там, где Он пребывает вечно, Зое существовала всегда). Он передает нам ее не по наследству, а посредством того, что я назвал «благотворной инфекцией». Получить ее можно, вступив с Ним в личный контакт. Другие люди становятся новыми через пребывание в Нем.

4) Этот шаг отличается от всех предыдущих скоростью, с которой он совершается. Ведь по сравнению со всем периодом развития человека на этой планете распространение христианства среди людей подобно мгновенной вспышке молнии, ибо две тысячи лет — это почти ничто в масштабах Вселенной. (Не забывайте, что мы все еще ранние христиане.) И сегодняшние недобрые, попусту изнуряющие нас разделения — это, будем надеяться, лишь детская болезнь: у нас все еще режутся зубы. Внешний мир, несомненно, придерживается противоположной точки зрения. Он полагает, будто мы умираем от старости. Но он неоднократно полагал так и прежде. Мир снова и снова приходил к заключению, что христианство умирает от преследований извне и от разложения изнутри, умирает из-за расцвета мусульманства, из-за развития естественных наук, из-за подъема революционных движений. И всякий раз его ожидало разочарование. Впервые оно настигло его после распятия Христа: Человек снова ожил! В некотором смысле — и я прекрасно понимаю, какой ужасной несправедливостью это должно казаться, — Воскресение продолжается с тех пор и по сей день. Они непрестанно убивают дело, которое Он начал; и каждый раз, когда они разравнивают землю на его могиле, до них внезапно доходит слух, что оно все еще живо и даже появилось в новом месте. Неудивительно, что они нас ненавидят.

5) Риск в данном случае гораздо выше. Соскользнув обратно, на более раннюю стадию развития, творение теряло в самом худшем случае несколько лет жизни на Земле; зачастую оно не теряло и этого. Но когда был сделан новый шаг, обстоятельства изменились: теперь, отступив назад, мы теряем награду, которая (в самом строгом смысле слова) бесценна и безгранична, потому что сейчас наступил критический момент. Век за веком Бог направлял природу к той точке, где она обретает способность производить такие существа, которые смогут, если захотят, перешагнуть за ее пределы, чтобы обратиться в «богов». Позволят ли они, чтобы их взяли из среды природы? В некотором смысле этот процесс подобен критическому моменту родов. До тех пор, пока мы не поднимемся и не пойдем вслед за Христом, мы будем оставаться в составе материальной природы, все еще будем находиться во чреве нашей великой матери. Ее беременность длится долго, она — болезненна и исполнена волнений, но она уже достигла своей критической точки. Великий момент наступил. Все готово. Доктор прибыл. Но пройдут ли роды благополучно? Нельзя забывать, что от обычных они отличаются в одном очень важном отношении. При обычных родах ребенок лишен права выбора. В данном случае такой выбор есть.

Интересно, что сделал бы обыкновенный ребенок, если бы мог выбирать? Возможно, он предпочел бы остаться в темноте и тепле, в безопасности материнского чрева. Ему, безусловно, казалось бы, что, оставаясь там, он обеспечивает себе безопасность. И в этом была бы его роковая ошибка: ведь если бы он остался во чреве, то неизбежно бы погиб.

Потому-то и был предпринят новый шаг, сфера действия которого постоянно расширяется. Новые люди появляются тут и там, во всех уголках Земли. Некоторых из них,

как я уже отметил, трудно пока распознать. Но есть и такие, которых вы узнаете довольно легко. Кто-то из них иногда встречается нам. Даже голоса их и лица отличаются от наших: они сильнее, спокойнее, счастливее, светлее. Их активность начинается там, где большинство из нас останавливается. Их, как я сказал, можно узнать; но для этого вам следует четко определить для себя, что вы, собственно, ищете. Они не похожи на тех религиозных людей, образ которых возник у вас из прочитанных книг. Они не привлекают к себе внимания. Зачастую вы склонны считать, что проявляете доброту по отношению к ним, тогда как это они на самом деле проявляют доброту к вам. Они любят вас больше, чем другие люди, но нуждаются в вас меньше. (Мы должны побороть в себе стремление быть необходимыми, незаменимыми для других. Для некоторых славных людей, особенно женщин, это такое искушение, которому труднее всего противиться.) Создается впечатление, что у них всегда на все есть время: вы поражаетесь, где они его берут. Когда вы узнаете одного из них, вам будет значительно легче узнать следующего. И я подозреваю (хотя как я могу знать?), что они узнают друг друга немедленно и безошибочно, невзирая на расовые, половые, классовые и возрастные барьеры, невзирая даже на барьеры вероисповедания. Каким-то образом стать святым подобно вступлению в тайное общество. Помимо всего прочего, это очень интересно и увлекательно.

Но вы не должны думать, что все новые люди однолики в обычном смысле слова. Боюсь, многое из того, о чем я говорил в этой книге, могло вызвать у вас именно такое впечатление. Ведь чтобы стать новым человеком, надо потерять свое старое «я»; мы должны «выйти из себя» и «войти в Христа». Его воля должна стать нашей волей; Его мысли — нашими мыслями. Мы должны обрести «ум Христов», как говорит Библия. Поскольку существует только один Христос и только Он один должен находиться в нас, не значит ли это, что мы все должны стать совершенно одинаковыми? Выглядит как будто бы так. Но это совсем не так.

Мне трудно подобрать удачные примеры или сравнения, чтобы пояснить это, потому что никакие другие вещи не могут находиться друг с другом в таких же отношениях, в каких находятся Создатель и Его создания. И все же я попытаюсь привести два очень несовершенных сравнения, которые, возможно, помогут вам понять, что я имею в виду. Вообразите себе группу людей, которые всю свою жизнь прожили в абсолютной темноте. Вы приходите к ним и пытаетесь описать, на что похож свет. Вы говорите им, что если они выйдут наружу, то один и тот же свет упадет на каждого из них и все они будут отражать его и станут видимыми. Услышав такое, они, вполне вероятно, вообразят себе следующее: если мы узрим один и тот же свет и каждый из нас будет реагировать на него одним и тем же образом (то есть все мы будем его отражать), то не окажемся ли мы все похожими друг на друга? Между тем мы с вами прекрасно знаем, что на самом деле свет лишь выявит, насколько они друг на друга не похожи.

Или, предположим, вам встретился человек, который совершенно не знаком со вкусом соли. Вы даете ему щепотку на пробу, и он испытывает сильный, резкий вкус. Затем вы говорите ему, что в вашей стране люди кладут соль в пищу. Вполне возможно, он ответит на это: «В таком случае все ваши блюда не отличаются одно от другого, ведь вкус этого порошка настолько резок, что убьет всякий другой». Между тем мы с вами прекрасно знаем, что соль производит как раз противоположный эффект. Вместо того чтобы убить вкус яйца, или мяса, или капусты, соль проявляет его. Все они будут казаться безвкусными до тех пор, пока вы не прибавите к ним соли. (Конечно, как я и предупреждал вас, сравнение это хромает, потому что вы можете убить любой вкус, положив в пищу слишком много соли, тогда как убить специфику человеческой личности, добавив к ней слишком много от Христа, невозможно.)

Что-то действительно подобное этому происходит между Христом и нами. Чем больше нашего собственного «я» мы убираем с пути, позволяя Ему взять контроль над нами, тем больше мы становимся самими собою.

Он содержит в себе такое богатство и такое разнообразие, что миллионов и миллионов «маленьких Христов», каждый из которых не похож на другого, все еще не будет достаточно,

чтобы полностью выразить Его. Он сделал всех нас. Он придумал нас, как писатель придумывает действующих лиц в романе — всевозможными и разнообразными, какими вам и мне предстояло стать. В этом смысле наше подлинное «я» все еще ожидает своего проявления в Нем. Нет пользы пытаться «быть самим собой», минуя Его. Чем больше я сопротивляюсь Ему и стараюсь жить по-своему, тем больше господствуют надо мной мои наследственность и воспитание, окружающая среда и растущие во мне страхи и желания. Фактически то, что я с гордостью называю «самим собою», оказывается лишь пунктом пересечения всех последствий тех явлений, событий, случаев и процессов, которые не я начинал и не мне прекращать. Так называемые «мои желания» попросту навязаны мне физическими отправлениями моего организма, или мыслями других людей, или подсказаны дьяволом. Я плотно поел, крепко выпил и отлично выспался — вот истинный источник того минутного вожделения, которое я испытал к девушке, сидящей напротив меня в купе вагона, между тем я наивно приписываю его моему «тонкому вкусу и независимому, высоколичному решению». Пропаганда — вот истинный источник того, что я именую своими политическими убеждениями. В своем естественном состоянии я далеко не та личность, какой считаю себя. Большую часть того, что я называю своим «я», можно объяснить какими-то внешними причинами. Только когда я обращаюсь к Христу, когда я передаю себя Ему, капитулирую перед Его личностью, — только тогда я начинаю приобретать собственное, настоящее «я»!

Вначале я сказал, что Бог содержит в Себе личности. Сейчас я хочу остановиться на этом подробнее. Нигде, кроме как в Нем, истинных личностей не бывает. Пока вы не отдадите себя Ему, вы не сможете обрести своего истинного «я». Одинаковость встречается, главным образом, среди естественных людей, а не среди тех, кто отдал себя Христу. Какими монотонно одинаковыми выглядят великие тираны и завоеватели всех времен и народов; как величественно разнообразны святые! Вам следует по-настоящему отдать себя, без сожалений — отказаться от своего «я», и взамен Христос действительно даст вам настоящее «я», истинную личность: однако вы не должны приходить к Нему только ради этого. Если ваше личное «я» — это все, что вас волнует, значит, ваш путь к Нему еще не начинался. Самый первый шаг на этом пути — постараться вовсе забыть о себе. Ваше подлинное новое «я» (личное «я» Христа, а также ваше, и оно ваше только потому, что оно — Его) не придет к вам до тех пор, пока вы будете стараться найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Это звучит странно, не так ли?

Но тот же самый принцип действует и в других областях. Даже в общественной жизни вы не сумеете произвести хорошего впечатления, пока не перестанете думать о том, какое впечатление на них производите. То же самое относится к литературе и искусству: ни один человек, более всего заботящийся об оригинальности, никогда оригинальным не станет; и наоборот, если вы просто стараетесь выразить истину (нимало не заботясь о том, как часто до вас говорили о ней другие), — девять против одного, что вы действительно окажетесь оригинальным, даже не замечая этого.

Принцип этот пронизывает всю жизнь, сверху донизу. Отдайте себя — и вы обретете себя. Пожертвуйте жизнью — и вы спасете ее. Предавайте смерти свое тщеславие, свои самые сокровенные желания каждый день и свое тело — в конце, отдайте каждую частицу своего существа — и вы найдете жизнь вечную. Не удерживайте ничего. Ничто из того, что не умерло в вас, не воскреснет из мертвых. Будете искать «себя», и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и «все остальное приложится вам».